

Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 327(510+574+575.4)(043)

На правах рукописи

ЛЮ ЦИ

**Политика Китая в энергетических проектах «Шелкового пути»:
казахстанский и туркменский векторы (сравнительный контекст)**

6D020200 – Международные отношения

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
доктор исторических наук, профессор
Губайдуллина М.Ш.
КазНУ им. аль-Фараби, Казахстан

доктор PhD, ассоциированный профессор
Славомир Хорак
Карлов университет, г. Прага, Чехия

Республика Казахстан
Алматы, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
1 ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА ШЁЛКОВОМ ПУТИ	26
1.1 Основные теоретические и методологические принципы в изучении региональной энергетической устойчивости	26
1.2 Энергетические приоритеты в политике Китая в Центральной Азии...	38
1.3 Конкурентные позиции мировых акторов в регионе ЦА: китайский фактор и энергоресурсы	46
2 ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ	56
2.1 Китайские интересы и путь к стратегическому сотрудничеству Китая и Казахстана	56
2.1.1 Китайско-казахстанское энергетическое сотрудничество	74
2.2 Внешнеполитические и энергетические интересы КНР в Туркменистане: принципы, эволюция, особенности	77
2.2.1 Туркмения и Китай в энергетических проектах ОПОП: риски и перспективы	83
2.3 Энергетическая дипломатия Китая в Центральной Азии	95
3 ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ НОВОГО «ШЁЛКОВОГО ПУТИ» КИТАЯ: ФОРМАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	105
3.1 Концепция «Экономического пояса Шёлкового пути» и проектное сотрудничество	105
3.2 Каспийский фактор на пути к Диалогу «Китай-Центральная Азия» (С+С5)	109
3.3 Альтернативные источники энергии на «Шелковом пути»: экология и модернизация (из опыта Китая)	117
3.4 «Энергетический клуб» ШОС: перспективы общего энергетического пространства	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	136
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	140
ПРИЛОЖЕНИЕ	169

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

АБИИ	Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (международный инвестиционный банк, КНР)
АО «РД «КМГ»	Акционерное общество «Разведка Добыча «КазМунайГаз»
АО НК «КМГ»	Акционерное общество Национальная компания «КазМунайГаз»
АО ЭМГ	Акционерное общество «Эмбамунайгаз»
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион
АЭС	Атомные электростанции
БТД	Нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан
ВВП	Внутренний валовый продукт
ВИЭ	Возобновляемые источники энергии
ДЭХ	Договор энергетической хартии
ЕАБР	Евразийский банк развития
ЕАЭС	Евразийский экономический союз
ЕС	Европейский Союз
ЕЭК ООН	Европейская экономическая комиссия ООН
ИМЭП	Институт мировой экономики и политики
ИРВЕЦА	Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии
КАОН	Китайская Академия общественных наук
КИСИ	Казахстанский институт стратегический исследований при Президенте Республики Казахстан
КНР	Китайская Народная Республика
КР	Кыргызская Республика
КТК	Каспийский Трубопроводный Консорциум
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МИД	Министерство иностранных дел
МЭА	Международное энергетическое агентство
НШП	Новый шелковый путь
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПЕК	Организация стран-экспортеров нефти
ОПОП	Один пояс, Один путь
ОЭС	Общая энергетическая система
ОЭСР	Организация Экономического Сотрудничества и Развития
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
РК	Республика Казахстан
РФ	Российская Федерация
СМИ	Средства массовой информации
СНГ	Содружество Независимых Государств

СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СУАР	Синьцзянь-Уйгурский автономный район Китая
США	Соединенные штаты Америки
СЭО	Стратегическая экологическая оценка
ТАПИ	Проект газопровода Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия
ТНК	Транснациональная корпорация
ТОО «АНПЗ»	Товарищество с ограниченной ответственностью «Атырауский нефтеперерабатывающий завод»
ТОО «ККТ»	Товарищество с ограниченной ответственностью «Казахстанско-Китайский Трубопровод»
ТОО «СП «КГМ»	Товарищество с ограниченной ответственностью «Совместное предприятие «Казгермунай»
ТЭК	Топливо-энергетический комплекс
ТЭС	Тепловая электростанция
ЦА	Центральная Азия
ЦК КПК	Политическое бюро Центрального Комитета Коммунистической партии Китая
ЦУР	Цели устойчивого развития
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ЭПШП	Экономический пояс Шелкового пути
BP	British Petroleum
CASA-1000	Central Asia – South Asia Electricity Transmission and Trade Project
CCEL	CITIC Canada Energy Limited
CIC	Китайская инвестиционная корпорация
CNPC	China National Petroleum Corporation
Gaffney, Cline & Associates/Miller and Lents, Ltd	Независимая международная консалтинговая компания, специализирующаяся на оценке запасов углеводородов
KASE / КФБ	Казахстанская фондовая биржа
KPMG	Международная аудит-консалтинговая корпорация
SWOT	Strengths (сильные стороны), Weaknesses (слабые стороны), Opportunities (возможности), Threats (угрозы)

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика диссертационного исследования. Диссертация посвящена исследованию политики Китая в энергетических проектах «Шёлкового пути» и в его отношениях с Казахстаном и Туркменистаном через призму энергетической дипломатии. В диссертационной работе представлен сравнительный анализ энергетических вопросов в Центральной Азии и энергетической проблематики в двусторонних отношениях стран ЦА с Китаем. Особое внимание уделяется теоретическим основам и практическим возможностям разработки сбалансированной, устойчивой и бесконфликтной энергетической политики на евразийском пространстве.

Актуальность темы диссертационного исследования.

Центральная Азия с каждым годом приобретает все более важное геοэкономическое и стратегическое значение для Китайской Народной Республики. Визит Председателя КНР Си Цзиньпина в Центральную Азию в сентябре 2022 года стал «знаковым событием на важном историческом этапе», он подтверждает неизменную последовательность внешнеполитического курса Китая в странах ЦА [1]. В свою очередь, для стран Центральной Азии Китай является ключевым торговым партнёром и инвестором, роль которого с каждым годом возрастает. Политическое и торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и центральноазиатскими государствами стабильно развивается, накоплен опыт межрегионального взаимодействия, что свидетельствует об актуальности темы диссертации в широком смысле.

Актуальность темы связана со стремительным подъёмом Китая на международной арене. КНР сегодня уже вторая экономика мира, Китай стал неотъемлемой частью мирового энергетического рынка, его международные позиции повсеместно учитываются в мире, что определяет актуальность китайского фактора в странах Центральной Азии. Интересы Китая охватывают широкие географические пространства и практически все сферы жизнедеятельности человека, где энергетическая сфера выступает немаловажным фактором роста китайского общества. При этом торгово-экономический, транспортно-логистический срез китайских интересов сосредоточен в основном на евразийском пространстве и конкретно, на центральноазиатском регионе.

Международно-политическая актуальность также темы объясняется новыми признаками жёсткой конкуренции глобальных держав, экономика которых строится на владении энергетическими ресурсами и на росте их потребления, что приводит к усилению конфликтности в мире.

Сложная трансформация системы международных отношений актуализирует современные угрозы энергетической безопасности, что отражено в национальных внешнеполитических стратегиях рассматриваемых стран. Основные признаки определены в ряде программных и концептуальных документов.

Энергетическая безопасность краеугольный камень любого государства. Данное направление является актуальным во внешней политике как для КНР, так и для Республики Казахстан. Так в «Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020–2030 годы» говорится об укреплении региональной и глобальной безопасности страны в сфере энергетики, созданию безопасных маршрутов для экспорта, и установлении баланса между такими странами, как производители, транзитеры и потребители энергии. Но политизация энергетических отношений способствуют кризису доверия и появлению новых, а также повышению старых конфликтов. Все это ведет к тому, что многие институты безопасности перестают быть функциональными в сфере превентивной безопасности. Конечным результатом данного процесса становится появление новых факторов, влияющих на геополитику и геоэкономику [2].

Углеводородные ресурсы Центральной Азии, нефть Казахстана и газ Туркменистана, месторождения Каспия имеют притягательную силу для растущих потребностей ведущих экономик мира. Центральная Азия столкнулась с новым геополитическим вызовом – концентрацией внешних интересов в энергетической сфере, влияющих на конфигурацию и форматы нового Шёлкового пути, влияющих на добрососедские связи с КНР.

Крупнейшие страны Евразии и непосредственно сам регион Центральной Азии выступают в роли некоей конструкции, геополитического формата китайско-центральноазиатского и китайско-российского стратегического партнёрства. Китай внимательно относится к процессу утверждения национальных интересов стран ЦА, стремлению Казахстана и Туркменистана, теперь Узбекистана, Кыргызстана и Таджикистана, использовать геоэкономические и ресурсные преимущества в геополитические возможности. Показательно, как молодой президент Туркменистана Сердар Бердымухамедов, определяя место своей страны в рейтинге мира, заявлял о неизменности энергетических интересов: «Туркменистан – одно из государств мира, полностью удовлетворяющее свои потребности в топливе и электроэнергии за счёт собственных ресурсов, значительную часть которых экспортирует. Одним из ключевых векторов энергетической стратегии Туркменистана, занимающего четвёртое место на планете по запасам «голубого топлива», является диверсификация поставок природного газа на мировые рынки, о чём наглядно свидетельствует принятие Генеральной Ассамблеей Организации Объединённых Наций Резолюций о надёжном и стабильном транзите энергоносителей» [3].

КНР, наряду с развитием двусторонних связей, поддерживает общие со всеми странами Центральной Азии форматы сотрудничества на региональном и евразийском уровне. Актуальность темы связана с возрастанием запросов в энергетических ресурсах со стороны внешних игроков (Китай, Россия, ЕС, США и др.), их интересы обращены к таким странам региона, как Казахстан и Туркменистан. Они используют в своих национальных интересах наличие

значительных углеводородных и водных ресурсов, выгодное географическое положение и удобный транспортно-транзитный потенциал. Всё это в совокупности не противоречит китайским интересам в рамках ЭПШП.

На этапе всестороннего стратегического сотрудничества КНР со странами ЦА значительно выросла актуальность темы и необходимость изучения разносторонних связей. Именно этот серьёзный поворот к Китаю во внешних политиках стран региона окончательно расставил приоритеты в интересах и выборе Казахстана и Туркменистана в пользу инициативы нового Шёлкового пути и скорейшей реализации транзитно-логистических и трубопроводных проектов «Пояса и Пути» (ОПОП).

Актуальность темы обусловлена недостаточной степенью изученности внешнеполитической стратегии КНР в отношениях с крупнейшими энергоресурсными странами Центральной Азии – Казахстаном и Туркменистаном. Существующие исследования недостаточно отражают роль и значение этих государств в структурных инициативах «Одного пояса, одного пути». Анализ сотрудничества стран Центральной Азии с Китаем в сравнительном контексте и определение перспектив развития этих взаимодействий подчеркивают необходимость детального и углубленного изучения энергетического фактора. Цивилизационный подход китайской стратегии в ЦА вполне оправдан интенсивным взаимодействием народов и стран в прошлые исторические периоды. Вдоль древнего торгового пути из Китая в Европу, проходившего также по территории ЦА, возникали новые города, строилась инфраструктура, передавались знания, информация, культурные ценности. Это был путь уникальной коммуникации между народами, сближавший их, формировавший своеобразный цивилизационный посыл потомкам, которые не раз в истории вспоминали достижения на Шёлковом пути. В настоящее время активно осуществляется практическая реализация китайской концепции «Шёлкового пути», особенно в связи с провозглашением китайской инициативы «Один пояс, один путь» и более конкретного «Экономического Пояса Шёлкового пути» [4]. Новый «Шёлковый путь», предложенный миру Китаем, открывает для стран Центральной Азии новые перспективные проекты, среди них важное место отводится комплексу энергетических и транспортно-логистических связей.

В условиях резко меняющейся ситуации по периметру региона, изучение китайской политики в Центральной Азии в XXI веке, прежде всего с энергетическими государствами – Казахстаном и Туркменистаном, имеет возросшую *теоретическую потребность обоснования масштабных процессов и практическую актуальность*.

Актуализируется и роль «энергетической дипломатии», сравнительно нового инструмента внешней и экономической политики в условиях растущих противоречий и конкуренции. Поскольку данный инструмент считался долгое время малоэффективным, к нему всё чаще обращаются наряду с традиционной дипломатией Китая [5]. Для Казахстана и Туркменистана, вступающих в

коммерческие связи с крупнейшими энергетическими компаниями КНР и других стран, также необходимо прагматичное дипломатическое сопровождение данной сферы.

Таким образом, центральноазиатская энергоресурсная дипломатия важна сегодня не только на западном направлении, она также смело конкурирует на азиатском векторе, особенно с Китаем. Это имеет свои преимущества и свои риски, которые необходимо внимательно изучать. Это указывает на тенденцию повышения субъектности и узнаваемости региона с участием Казахстана и Туркменистана в двусторонних диалогах и в многосторонних региональных форматах по энергетической проблематике при поддержке КНР.

Объектом исследования является политика в отношениях КНР с Казахстаном и Туркменистаном в энергетической сфере и в формирующейся архитектуре нового «Шёлкового пути».

Предметом исследования выступает комплекс межгосударственных и многосторонних связей Китая с государствами ЦА в рамках китайско-центральноазиатских проектов «Экономического пояса Шёлкового пути».

Цель диссертационного исследования исходит из актуальности темы и заключается в сравнительном исследовании энергетической политики Китая на новом «Шёлковом пути» в ОПОП и проектного сотрудничества КНР с Казахстаном и Туркменистаном по достижению региональной ресурсной устойчивости.

Достижение цели предполагает решение **ряда исследовательских задач**:

- определить теоретико-концептуальный и методологический подход в исследовании китайского фактора в энергетической проблематике Центральной Азии на примере Казахстана и Туркменистана;
- рассмотреть тенденции в развитии двусторонних отношений КНР и раскрыть общую проблематику структурных зависимостей в энергетической сфере ЦА;
- систематизировать нормативно-правовую и политическую базу стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан, а также между Китайской Народной Республикой и Республикой Туркменистан, уделяя внимание приоритетным направлениям в энергетической сфере.
- проанализировать ключевые аспекты энергетической дипломатии Китая, используя концепцию «периферийной дипломатии»;
- оценить значимость инициативы нового «Шелкового пути» в контексте энергетических проектов Республики Казахстан и Туркменистана в рамках «Экономического Шелкового пути» (ЭПШП) и «Один пояс – один путь» (ОПОП);
- описать трубопроводную политику трех стран применив сравнительный анализ в работе;
- провести SWOT-анализ и выявить не только слабые, сильные стороны, но и возможности с рисками, которые могут возникнуть между странами в ходе

развития двух- и многосторонних отношений, например ШОС, Диалог «Китай – Центральная Азия» и т.д.;

- выработать предложения и рекомендации по развитию энергетического сотрудничества между КНР с Республикой Казахстан и Туркменистаном, а также спрогнозировать перспективы данного сотрудничества.

Хронологические рамки исследования берут начало с распада Советского Союза с первой половины 1990-х годов, обретения независимости Казахстаном и Туркменистаном. И с этого же периода времени начинается история развития взаимоотношений в сфере энергетики между КНР и Казахстаном, Туркменистаном. Обращение к отдельным историческим фактам обосновывается необходимостью комплексного и более убедительного анализа в выстраивании энергетических интересов, рассматриваемых акторов.

Территориальные рамки исследования определяются границами государств Центральной Азии – Казахстана и Туркменистана, также Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, составляющими в совокупности Среднюю Евразию, и Китай, то есть то пространство, где осуществляется трубопроводная политика при поддержке и с участием КНР.

В качестве источниковой базы диссертационного исследования послужили документы и материалы, непосредственно связанные с темой работы, полученные с официальных источников, информационных систем, изучаемых страны, отражающие аспекты энергетической политики. Используемые в работе документы и эмпирические данные были обработаны и классифицированы в семь основных групп:

Первая группа источников: нормативно-правовые документы, куда мы относим конституционные и подзаконные акты рассматриваемых стран, которые касаются недропользования и энергетических ресурсов, документы программного характера, принятые указами глав государств и правительств Китая, Казахстана, Туркменистана, например, китайская «Концепция и План действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шёлкового пути» [6] и «Морского Шёлкового пути 21-го века» и документы по продвижению ЭПШП [7], казахстанская «Государственная программа инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2020 – 2025 годы» [8]; Законы Туркменистана о внешнеэкономической деятельности и об углеводородных ресурсах [9-10] и Программа развития Туркменистана до 2025 года [11] и др.

Вторая группа источников: политико-дипломатические документы: международные договоры, соглашения, декларации, протоколы и т.д., заключённые КНР со странами ЦА, включая важнейшие совместные декларации о развитии стратегического партнёрства с Казахстаном, с Туркменистаном [12-13]. В эту категорию включены документы, касающиеся встреч и переговоров глав государств и руководителей внешнеполитических ведомств в рамках диалогового регионального формата «Китай – Центральная Азия», такие документы как Совместное Заявление глав государств Центральной Азии и Китая [14], Диалог «Центральная Азия и Китай» и другие документы [15].

Третья группа источников представлена значительным объёмом текстов речей, выступлений, интервью, государственных деятелей и руководителей дипломатических ведомств в ходе их встреч и переговоров по энергетическим вопросам: Ху Цзинтао [16], Си Цзиньпин [17-18], Вэнь Цзябао [19], Ли Кэцян [20], Ван И. [21], Назарбаев Н. [22], Токаев К.-Ж. [23-24], Идрисов Е., Абдрахманов К., Тлеуберди М., Нуртлеу М.А., и др.; Сапармурат Туркменбаши [25], Гурбангулы Бердымухамедов [26-27], Сердар Бердымухамедов [3]. В данную группу включены также труды отдельных руководителей государств, написанные ими в период их активной деятельности, в которых представлены актуальные на тот период интересы и политика представленных стран в энергетической сфере.

Четвертую группу источников составляют национальные энергетические стратегии («Стратегия развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу (до 2030 и 2050 гг.)» [28]; Белые книги по внешней торговле, национальной обороне, мирному развитию Китая и политике в сфере энергетики, отчёты, доклады [29-31], информационные бюллетени об энергетическом секторе нефтяных и газовых компаний, действующих в странах ЦА, как CNPC в Туркменистане, в Казахстане, Узбекистане [32-35].

Пятая группа источников содержит международные документы по энергетической тематике многостороннего профиля, включая соглашения по трубопроводной политике и конкретно, документы по Каспию [36], ШОС [37-39], ЕЭК ООН [40], ЕАЭС [41] и другие.

В шестую группу источников входят общие и страновые статистические данные об энергоресурсах КНР, Республики Казахстан, Туркменистана и других стран, опубликованные международными и национальными статистическими агентствами: Международное энергетическое агентство [42], Всемирный банк [43-44], Статистика ВР [45], статистика КНР (таможенная, по внешней торговле и др.) [46-47] и Казахстана [48] и стран ЦА.

Седьмая группа источников содержит информационный материал интернет-порталов правительств, министерств иностранных дел и посольств КНР [49-50], Казахстана [51], Туркменистана [52] и др. стран; новостные ленты официальных СМИ (электронные и печатные), публикуемые в странах, представленных в исследовании, например, «Жэньминь жибао», «Синьхуа», «China.org.cn», «Каспийский вестник», «Kazinform», «Tengrinews», газета «Нейтральный Туркменистан», «Хроника Туркменистана» и др.

Восьмая группа источников: литература справочного характера, необходимая для изучения материалов по теме диссертации: словари, энциклопедии, например, «The Silk Road. Encyclopedia» [53], «Большая китайская энциклопедия», Толковый словарь Ожегова и др.

Отмечая факт работы с источниками и материалами, опубликованными на китайском и английском языках, то необходимо отметить, что из-за отсутствия официального перевода, многие из них переведены автором самостоятельно на русский язык и не могут считаться официальными (это отмечено далее в тексте данной работы).

Также определённую трудность также представляет невозможность уточнения концептуальных документов КНР и Туркменистана, которые давали бы полнотекстовую версию, а также официальную позицию и приоритеты стран в обеспечении национальных интересов в сфере энергетики, ресурсов, энергетической безопасности в контексте ЭПШП/ОПОП.

Теоретико-методологические основы исследования

При исследовании представленной темы автор придерживался принципа научной академической этики, системности и стремления к объективности рассматриваемой проблематики, критического и взвешенного подхода к результатам предыдущих исследований. Среди основных *теоретических подходов*, которыми руководствовался автор, являются геополитические концепции о влиянии в широком смысле понятия географического рельефа на «судьбу государства» и в узком – регионального соседства различных акторов с совпадающими или близкими энергетическими интересами.

География и пространство служат базовым методом обоснования и интерпретации коммуникационных и транспортно-логистических связей, обеспечивающих энергетические интересы изучаемых стран, то есть имеется теоретико-методологическая основа для исследования прямых и обратных связей между свойствами территории и балансом (соперничеством или сотрудничеством) силовых полей в сфере мировой энергетики. Классическую парадигму противостояния Суши и Моря, по А. Мэхену [54] и Г. Маккинтеру [55]. В современных условиях возникла новая парадигма освоения новых пространств, обусловленная технологическим, информационным прогрессом. Территориальная экспансия сегодня означает противоборство за сырьевые ресурсы («сырьевая экспансия»). В рамках выбранного подхода наиболее релевантной для достижения цели и задач нашей работы является теория политического неореализма, в основе которой присутствуют принципы национального интереса и баланса сил по Генри Моргантау [56]. Теоретические разработки структурного реализма в мировой политике Кеннета Уолтса послужили методологической основой для системного анализа и объяснения национальных стратегий по обеспечению энергетической безопасности заявленных стран [57]. В диссертационном исследовании учитывается неолиберальный западный взгляд известных политологов-стратегов в области глобальной и региональной политики в современных международных отношениях с акцентом на энергетическое доминирование и определение места и роли Китая и региона ЦА на новом Шёлковом пути: Г. Киссинджер [58], Зб. Бжезинский [59], М. Суэйн и Э. Теллис [60], Фредерик Старр [61] и др.

Системный подход в области исследований энергетического фактора в международной политике Мортон Каплана считается одним из способов изучения энергоресурсных государств и прогнозирования их взаимодействия в будущем [62]. Опираясь на понятие «структура мира по трансформации международной структуры, связанные с турбулентностью» (или структурный реализм) нами рассматриваются современные тренды мировой политики через призму энергетических интересов стран ЦА и Китая. Несмотря на то, что предложенные подходы Каплана и Уолтса появились более сорока лет назад, новейшие процессы – размывание суверенитета

государств, глобализация экономики и др. поддаются анализу через базовые постулаты структурного реализма и неореализма, а сама теория сохраняет значительный эвристический потенциал. Элементы структурализма и структурно-функционального анализа М. Каплана, а также Бузана Б. и Вейвера О. [63]. применялись при анализе влияния международной системы на поведение государств, на их взаимоотношения при решении спорных вопросов по энергетической проблематике.

Уделяя внимание системе «баланса сил» в деятельности региональных и внерегиональных игроков в ЦА, выявляются причины и сравниваются политики в сфере энергоресурсов, оцениваются перспективы и даются прогнозы на результат. Особенно важен такой подход при изучении энергетического поля Евразии и в центральноазиатском субрегионе, где присутствует множество иностранных и транснациональных компаний с отличными друг от друга принципами и интересами.

Принята во внимание применимость исследовательских методов американского учёного Карен А. Мингст и труд «Основы международных отношений» [64]. Методику и эмпирические практики, испытанные временем и опытом, возможно имплементировать в данное исследование и на их основе провести комплексный анализ, найти новые решения по конкретным задачам энергетических взаимосвязей Китая и стран Центральной Азии.

Вместе с тем, теоретические исследования и методы китайских ученых, занимающихся международной политикой и мировой энергетикой отличаются конкретикой и практической заданностью, к примеру, Гуань Циньюй исследует логику нефти в контексте энергетической безопасности Китая, разрабатывая теорию моделирования для международной системы и приемлемых форм взаимоотношений между энергоресурсными государствами и их потребителями [65]. Хуан Яшэн предлагает переосмысление системных связей «капитализма с китайской спецификой», где присутствует и прагматизм, и идея, и идеологическое обоснование энергетических ресурсов [66]. Китайские учёные вводят в свои исследования новые приёмы «игрового анализа» в анализ многосторонних связей (Цзян Ли, Гао Чжиган) [67].

Достаточно широко распространена концептуальная постановка вопроса о росте мощи Китая, о его амбициях регионального доминирования и использовании механизмов ШОС в своих интересах, выраженная в одной книге «Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина» тремя разными авторами – Чжао Хуашен (КНР), Е. Румер (США), Д. Тренин (Россия) [68]. Оригинальные взгляды с трёх различных страновых ракурсов выявляют тенденции современной геополитической «игры» в Центральной Азии. Это один из первых в этом роде труд, где авторы признавали невозможность получения однозначного ответа, особенно в вопросе, с кем и когда в Центральной Азии обострится соперничество. Их внимание сфокусировано на конкуренции России и гегемонии Китая, но без США, и долгосрочной перспективе возможность замещения в Центральной Азии России Китаем в качестве главной силы

достаточно высока. Шансы других стран, например, таких как Турции и/или Иран минимальны.

Для решения заявленного комплекса задач применялись **общенаучные и специальные методы** исследования, типичные для политических и социальных наук, приемлемые для анализа международных отношений. Компаративистский и статистический анализ, методы синтеза, дедукции и индукции, аналогии, обобщения и описания позволили активизировать процесс познания от общего к частному и рассмотреть влияние энергетической составляющей на мировую политику. В труде «Основы качественного анализа» Ансельма Страус и Джульет Корбин были приняты в качестве руководства при исследовании проблемных с социологической точки зрения сюжетов диссертации [69]. Путём систематизации эмпирических данных и в целом *системного подхода*, выявлены тенденции энергетической политики, проводимой разными акторами в Центральной Азии. Используя методы аналогии и компаративистики, выявлена тенденция сближения позиций и возрастания взаимосвязей в отношениях Китая и стран Центральной Азии.

Обращение к *историческому* методу и хронологии позволило рассмотреть эволюцию политических и экономических процессов в странах Центральной Азии и формирование особенных режимов в новых государствах СНГ, которые обладают богатыми ресурсами. Без рассмотрения периода, которому более тридцати лет, сложно определиться и дать оценку фундаментальным изменениям в отношениях между Китаем и Центральной Азией, выявить тенденции и дать прогнозы на среднюю и дальнюю перспективу. Отсюда следует обоснование применения в работе *прогностического анализа*, позволившего выявить наиболее типичные тренды в развитии отношений Китая, Казахстана, Туркменистана на экономическом поясе Шёлкового пути и смоделировать будущее геополитической ситуации в регионе и меняющиеся интересы внешних игроков в ресурсно-энергетической сфере.

Для решения конкретных задач, помимо описательного метода, применялась методика «*Кейс стади (Case study)*», в частности, для анализа политических выступлений, официальных речей лидеров государств, правительств, руководителей министерств, экспертов и др.

Интервью, как метод сбора и получения качественных эмпирических данных, самостоятельно проведено автором диссертации с ведущими казахстанскими экспертами. Полученные данные легли в основу *SWOT-анализа*, метода, позволяющего комплексно подойти к рассмотрению факторов, которые влияют на национальные энергетические стратегии в регионе ЦА. Были выделены сильные (strengths) и слабые стороны (weaknesses), выявлены потенциальные и реальные возможности (opportunities) и угрозы (threats) для национальных интересов Китая, Казахстана и Туркменистана при реализации энергетических проектов.

Выше названные методы позволяют приблизиться к объективному рассмотрению представленной темы и оценке процессов в энергетической сфере.

SWOT-анализ помог определить «угрозы и слабые стороны», выявить наиболее перспективный путь стран ЦА в энергетической сфере, применить его в дальнейшем для стратегического управления процессами с высоким уровнем неопределенности в турбулентной внешней среде. Важно отметить, что названные методы позволяют сравнить выводы исследований прошлых лет с сегодняшними, которые получены в текущий период.

При использовании *метода обобщений* установлены общие свойства и признаки основных международно-политических, региональных процессов и политики Китая и других акторов в энергетической (углеводородной) сфере региона ЦА. В ходе изучения связей Китая со странами Центральной Азии применялся традиционный метод описания, выявления качественных оценок взаимосвязей между субъектами энергетического действия.

Вышеуказанные методы, подкреплённые специальными теориями, помогли изучить основные (базовые) тренды при формировании национальных энергетических стратегий Китая, Казахстана и Туркменистана в Центральной Азии и в их взаимных отношениях; сравнительный контекст статистических данных о запасах, добыче, производстве, экспорте и импорте энергоресурсов позволил рассмотреть общее состояние и перспективы развития энергетических комплексов Китая, Казахстана и Туркменистана; сформулировать прогностические выводы о будущей архитектуре нового Шёлкового пути и будущего развития китайско-центральноазиатских отношений, включая энергетическую сферу.

Степень научной разработанности темы

В рамках представленного диссертационного исследования проанализирована научная литература по международным отношениям, в которой отражается энергетическая проблематика с точки зрения её влияния на внутреннюю и внешнюю политику, на интересы и проектные направления в энергетической сфере КНР с Казахстаном, Туркменистаном.

Статьи, монографии и иные научные публикации ведущих научных центров и отдельных исследователей разделены на блоки, соответствующие тематическому направлению данной диссертации и регионально-страновой принадлежности:

- китайские исследования международно-энергетической проблематики и прежде всего, связанные с центральноазиатским регионом;
- исследования авторов Казахстана и некоторых стран ЦА;
- труды российских авторов;
- публикации западных исследователей, затрагивающие вопросы, близкие к теме настоящего диссертационного исследования.

В ходе работы над диссертационным исследованием мы старались выяснить, насколько китайская энергетическая стратегия по Центральной Азии реализуется в обозначенных во введении элементах.

Китайские исследования по Центральной Азии отличаются традиционной детализацией в изучении прилегающих к Китаю территорий,

государств и народов сопредельных центральноазиатских государств в историческом и современном международном политическом дискурсе. В рамках исследуемой темы блок научных исследований КНР представлен работами китайских авторов (или в соавторстве), разрабатывающих общие работы по широкому кругу вопросов участия КНР в современных международных отношениях внешнеполитические приоритеты своей страны через призму проектов «Один пояс, один путь» и в контексте с энергетическими запросами мировой конъюнктуры.

Особо следует отметить, что в Китае действует уже более 20-ти научно-исследовательских учреждений, специализирующиеся на изучении Центральной Азии. Заявленная в 2013 году инициатива «Один пояс, Один путь» (Экономический пояс Шёлкового пути) стимулировала значительный интерес и количественный рост научных центров, институтов в Китае. Исследованиями Центральной Азии занимаются системно, охватывая многие направления социально-гуманитарной сферы. Китайские научные институты располагаются, как правило, при известных университетах: Ланьчжоуский университет (Институт по изучению ЦА); Синьцзянский педагогический университет (Институт по изучению ЦА); Педагогический Университет Шэньси (Институт ЦА); Фуданьский университет – Центр по изучению России и ЦА, а также Центр изучения ШОС. Кроме названных действует Шанхайский институт иностранных языков; Китайская академия общественных наук; Институт Шёлкового пути при Северо-Западном университете; Академия общественных наук провинции Гансю [70] и т.д.

В указанных центрах и институтах готовят специалистов по ЦА, где изучают темы, близкие по профилю данной диссертации. Этапы становления научного центральноазиатского направления, его достижения и проблемные вопросы в проведении исследований, показаны в серьёзной статье китайского учёного, директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии (ИРВЕЦА) Китайской Академии общественных наук (КАОН) Сун Чжуанчжи [71]. Значительное внимание китайских исследователей в разных центрах сконцентрировано на анализе энергетических стратегий, текущей ситуации в нефтегазовой сфере, на прогнозировании перспектив в отношениях со странами ЦА. В первое десятилетие 2000-х годов было положено начало аналитике современной ЦА в контексте энергетических перспектив для КНР. На первом плане были работы по изучению Казахстана, как нефтяной державы Центральной Азии: У Хунцзюнь и Ван Цилян [72], Чжан Кан [73], Ван Лимао и Ли Хунцян [74]. С продвижением инициативы ОПОП обозначен стремительный рост публикаций в Китае о регионе и его странах, а статья Юй Лисинь анализирует ОПОП в контексте национальной стратегии КНР [75]. Первостепенное изучение Казахстана продолжалось вплоть до конца первой декады двадцать первого века и только к концу второго десятилетия прорабатывается региональная составляющая энергетического вопроса в связи с мировыми тенденциями: Илияс [76], У Сяньхуа [77], Лю Лихуэй и Чэнь

Вэньцзюнь [78], Лю Хайюй [79], Ху Денин и Ху Яoley [80], Ли Цин [81], Сюй Хайянь [82], Линь Пэйюань [83]. Публикации по китайско-центральноазиатским отношениям содержат анализ новой энергетической стратегии КНР по налаживанию стратегического сотрудничества с каждой из стран ЦА, в их числе энергетическое взаимодействие в контексте евразийской интеграции и России (Ли Син, Ван Чэньсин) [84-85]. Китайские авторы, изучающие «шанхайское» направление, не исключают энергетическую составляющую в многостороннем формате ШОС (Гон Чей) [86]. Обращает на себя внимание работа Лу Гань о возможном создании зоны свободной торговли в рамках ШОС и др. Вопросы европейской составляющей ОПОП, в частности, инвестиционное сотрудничество с ЕС анализирует Гонг Сюйго [87]. Блок работ китайских исследований посвящён анализу позитивных и критических моментов в энергетическом сотрудничестве с Россией и Западом, в которых важен взгляд на пересечение интересов с ЦА – Ся И [88], Пань Чанвэй [89].

О позитивной роли *энергетической дипломатии* китайские авторы пишут, исследуя проблемы международной энергетической безопасности КНР и стран ЦА, отводя ей особое место в отношениях со странами Евразии и с мировыми энергетическими державами: Пань Гуан и его классический труд «Новая модель дипломатии» и китайские перспективы в ШОС, а также работа по энергетической политике Китая и обеспечении энергетической безопасности в Центральной Азии [5; 90], Лю Цзайци о внешней политике КНР [91], Чжа Даоцзин о новых задачах внешней политики и китайской дипломатии [92], Ли Хунцзе и Юй Ванли подводят итоги 30-летней внешней политике и дипломатии со странами СНГ [93], Сюй Бо и Уильям Райзингер сделали комплексный анализ энергетической дипломатии России с Китаем на основе ролевой теории международных отношений [94], а Цзинь Юпей анализирует статус-кво энергетической дипломатии современного Китая и её перспективы [95]. Таким образом, представлено достаточное количество работ и направлений энергетической дипломатии и это обстоятельство связано с ответственной ролью Китая в Евразии.

Директор Центра российских и центральноазиатских исследований Фуданского университета Чжао Хуашэн писал, что в 2007 году стратегия Китая в отношении Центральной Азии еще не была сформулирована. Но даже уже тогда в стратегии кроме экономики, безопасности границ, геополитики, проблемы энергетики были выделены как отдельный элемент в политике [96, p. 138]. Именно с того периода времени энергетическая политика становится приоритетом в политике Китайской Народной Республики.

Как видно из анализа публикаций, в целом энергетические интересы, энергетическая стратегия и политика Китая в странах Центральной Азии осуществляется на *основе концепции гармонии*. В представленной диссертации ставится целью выяснить, насколько Китайская стратегия по Центральной Азии актуальна и реализуется в ранее обозначенных элементах.

Исследования казахстанских и центральноазиатских учёных.

Учёные стран ЦА исследуют достаточно большой пласт тематических направлений по внешней политике своих стран и азиатскому вектору в международных отношениях, под которым понимается, прежде всего, широкий разброс связей с Китайской Народной Республикой.

Анализ исследований стран Центральной Азии тематически близких нашей диссертации свидетельствует о продуктивности казахстанской школы международных отношений профессора Ж.У. Ибрашева, сформированной в начале 1990-х годов в КазНУ имени аль-Фараби. Именно эта школа открыла путь большинству учёных-международников, представители которой развивают научную международно-политическую мысль во многих университетских и аналитических учреждениях Казахстана. Школа Ж.У. Ибрашева связала международную академическую сферу с подобными учреждениями в странах региона и далеко за его пределами, с университетами и исследовательскими институтами многих стран мира, включая Китай. В контексте внешней политике в казахстанско-китайских и казахстанско-центральноазиатских отношениях и в геополитике региона, в позиции КНР, по оценкам учёных КазНУ, доминирует экономический, энергоресурсный прагматизм. Наряду с анализом двусторонних отношений в последние годы особенно интенсивно развивается изучение инициативы китайского лидера Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» (ОПОП) или нового Шёлкового пути и его сопряжения с национальными программами, как например «Нурлы жол», рассматриваются политические, правовые, экономические, исторические, информационные и иные сюжеты огромного проекта «Западный Китай – Западная Европа» в контексте зависимостей перспектив энергетической безопасности региона, его возможностей и перспектив транспортно-логистического хаба в Евразии и т.д. - Ауган М.А. [97], Байзакова К.И., Кукеева Ф.Т. [98-100], Губайдуллина М.Ш., Елибаева А. [101-104], Мовкебаева Г.А. [105], Макашева К.Н. [106], Нурдаuletова С.М. [107], Чукубаев Е.С. [108], Жекенов Д.К. [100] и др. Исследуя вопросы международной политики Республики Казахстана, казахстанские авторы уделяют внимание перспективам сотрудничества с Китаем в разных форматах, включая региональное сотрудничество в международных организациях (ООН, ШОС, ЕАЭС), рассматриваются вопросы обоюдных стратегических интересов в энергетическом секторе и т.д.

Среди казахстанских историков и востоковедов к теме данной диссертации близко стоят исследования известного учёного-китаиста Алдабек Н.А. [110-111]. Фундаментальные труды востоковеда Сыроежкина К.Л., глубоко исследовавшего специфику казахстанско-китайских отношений в их политическом, экономическом, социальном и геополитическом многообразии, актуальны и востребованы в научном сообществе. В нашем случае мы ориентируемся на степень изученности особенностей энергетических связей Казахстана, стран ЦА с Китаем [112-113]. Китаистика как направление и научная школа в Казахстане ещё не сформированы окончательно, но такие серьёзные ученые, как Мухаметхан Н. [114], Кожирова С.Б. [115], Каукенов А.С. [116] продолжают

закладывать прочные основы в этом направлении. Эти авторы изучают конкретные тематические области, процесс и эволюцию двусторонних связей КНР с ЦА, их имена и работы признаны далеко за пределами Казахстана. Но в Казахстане практически отсутствуют исследования по энергетической политике Туркменистана и Казахстана в сопряжении с энергетическими проектами ОПОП. Только в одной из публикаций Изимова Р. мы находим конкретный анализ и критическое видение энергетических перспектив этих государств [117]. Оригинальны по тематике, постановке проблем и их решения работы Лаумулина М.Т. [118].

В последние годы в институте международного и регионального сотрудничества при Казахстанско-немецком университете (КНУ) под руководством его директора, учёного, дипломата Султанова Б.К. ведется насыщенная научная работа по изучению современного Китая, его политики в ЦА, публикуются книги по китайско-казахстанской и центральноазиатской тематике [119]. В клубе «Один пояс и один путь» специалисты-международники проводят дискуссии, встречи с китайскими специалистами, дипломатами.

Значительное число международных конференций по китайской тематике в ЦА проведено Казахстанским институтом стратегических исследований (КИСИ), Институтом мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента (ИМЭП), Исследовательским институтом международного и регионального сотрудничества КНУ, факультетом международных отношений КазНУ им. аль-Фараби и др., результаты которых опубликованы в тематических сборниках, монографиях, учебной литературе. Следует признать, что большинство статей по вопросам китайско-центральноазиатских отношений носит фрагментарный характер, тема рассматривается без взаимосвязи с общей проблематикой.

Отметим современный «мозговой» Центр по изучению Китая (中国研究中心), занимающийся комплексным исследованием китайской культуры и истории, анализом перспективного развития глобальной экономики является важной платформой. Центр выступает диалоговой площадкой для сотрудничества между правительствами, деловыми кругами, экспертно-академическими сообществами и университетами Республики Казахстан и Китайской Народной Республики.

Таким образом, научные труды, выполненные в научно-исследовательских центрах Казахстана по близкой к диссертационному исследованию проблематике, важны для определения логической линии данной диссертации и выявления нерешённых ранее задач в казахстанской науке, особенно тех, которые связаны с энергетическим фактором в отношениях Китая с Казахстаном и Туркменистаном.

Отдельную группу работ составляют *публикации специалистов из стран Центральной Азии*, многие из них сотрудничают с исследовательскими институтами Китая и Казахстана. В рамках изучения темы данной диссертации проанализированы отдельные публикации учёных-международников из стран Центральной Азии (Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана). *Узбекские* авторы изучают энергетическую политику Китая в Центральной Азии с точки зрения национальных интересов своей страны и возможные сценарии взаимодействия с энергетическими державами – Россией, США, ЕС. Конкурентные взаимоотношения в странах ЦА

показаны в трудах Рахимова М. [120], Парамонова В.В., Строкова А.В., Столповского О.А. [121-122], Ходжаева А. [124]. Они указывают на асимметричность политики и противопоставление стратегий, на различия целей и задач в процессе экономического и политического двустороннего и многостороннего сотрудничества, которыми руководствуются с одной стороны Китай, Россия, западные государства и с другой, страны ЦА. Однако не вполне понятно, почему стратегию КНР по отношению к региону Центральной Азии эти авторы ставят в один ряд с российской или западными стратегиями.

Исследования *таджикских авторов* сфокусированы в основном на возможностях и перспективах стратегического сотрудничества с КНР в двусторонних связях (Майтдинова Г.М. [124], Абдулло Р. [125], Алимова Р. [126], Мамадазимов А.) [127].

Кыргызские авторы изучают, прежде всего, вызовы безопасности, перспективы внешнеполитических инициатив Китая в отношениях с Кыргызстаном. Заслуживает внимания взгляд на двусторонние отношения Кыргызстана и Китая дипломата, учёного-китаиста Иманалиева М.С. [128], по геополитике Китая в ЦА и роли энергетических аспектов в регионе Центральной Азии известны Бактыгуловы Ш. и К. [129], Асанбекова М.К. [130].

В *русской историографии* китаистика имеет давние традиции, существует несколько школ востоковедения. Не останавливаясь подробно на их особенностях, отметим рост научных публикаций по Китаю. Системное изучение китайского направления и связанного с ним энергетического фокуса интересов России как мирового энергетического экспортера чётко прослеживается в историографии. В публикациях в одном ряду рассматриваются вопросы Восточной Азии (ВА) и Центральной Азии (ЦА), подчёркивается важность поворота в сторону азиатской (китайской) политики в экономико-энергетических процессах. Авторы всё чаще обращаются к энергетическим аспектам международной политики в ЦА. В трудах российских учёных изучается международная среда и её весомый компонент в конкурентной мировой энергетике. В этом плане особо отмечается вклад в энергетическую проблематику научных трудов академика Симония Н.А. [131]. Базовые теоретико-методологические подходы в научных исследованиях Университета МГИМО, куда введены энергетические параметры Центральной Азии – Каспия – Кавказа, заявлены известными учёными-международниками – Торкуновым А.В. [132-133], Богатуровым А.Д. [134-135], Коргуном В.Г., Чуфриным Г.И. [136] и др., измеряется региональная система безопасности на Южном фланге СНГ, ставится вопрос об энергетической стратегии Китая в ЦА, о безопасности в Евразии, новой роли в экономико-энергетической дипломатии и т.д.

Учитывая тот факт, что Центральная Азия до последнего времени в российской внешней политике оставалась на периферии международной жизни, равным образом страны ЦА долгое время оставались вне научного интереса, работ по региону ЦА намного меньше, чем исследований по данной тематике в западной литературе. В одной из первых обобщающих монографий по постсоветской Центральной Азии, изданной под редакцией А.М. Васильева [137] и в других публикациях заявлено о новой задаче

более серьёзного изучения отдельных стран региона, отношениях с Россией и с Китаем, выявлении потенциала сотрудничества–конфликтности из-за наличия в регионе природных ресурсов, транспортных и энергетических интересов (Троицкий Е.Ф. [138], Лузянин С.Г., Семенов Н.К. [139] и др.).

Исследованиями по энергетической проблематике во внешней политике КНР и месте стран ЦА – Казахстана, Туркменистана, отчасти Узбекистана отмечены известные российские авторы Звягельская И.Д., Казанцев А.А., и др. [140]. Авторы выделяют такие темы, как обострение борьбы за ресурсы в Евразии, проблемы и перспективы транспортно-логистического потенциала Каспийского региона, экологические вопросы и т.д.

В целом, в отличие от казахстанской историографии, российская библиографическая картотека относительно скудна по теме китайского Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП/ОПОП), по энергетической проблематике Казахстана и Туркменистана.

Исследования западных авторов систематизированы в проблемные блоки по аналогии с выше рассмотренным обзором. Западные авторы предпочитают изучать регион ЦА с позиций геополитики, энергетической безопасности, «нового регионального порядка», противоборства России и Китая и т.д., среди них Бор А. [141], Коэн А. [142], Калахан У. [143], Ларюэль М. и Пейруз С. [144-145] и др. Зарубежные авторы отмечают усиление тенденции роста глобальной зависимости от импорта энергоносителей, возрастают риски энергетической безопасности, нужен новый подход к сбалансированной внешней политике всеми государствами, которые являются и потребителями, производителями энергии.

По мнению западных ученых, Китай, Россия и страны ЦА находятся в поисках путей реализации своих энергетических интересов. При этом, по их мнению, позитивная риторика о региональной интеграции в ЦА является ширмой, скрывающей конфликтный потенциал в регионе ЦА. Лишь некоторые ученые серьёзно изучают возможности и пути согласования с Китаем инвестиционных проблем, транспортно-логистических цепочек, в целом развития на Шёлковом пути. Так, в работах Славомира Хорака фокус исследования направлен на «евразийскую железнодорожную геополитику» и инвестиционный климат в Туркменистане [146-148], Сванстром Н. изучает перспективы «Азиатского нефтегазового союза» [149], растущего китайского «гиганта» (Александр Петерсен) [150]. Ряд авторов поднимают вновь тему создания энергетического «союза», «клуба» в рамках ШОС и стратегическому мышлению крупных держав и Казахстана по отношению к Китаю и к ЦА, Каспию, процессам в Евразии (Аллисон Р. [151], Шефер Р. [152], Легволд Р. [153] и др.). При этом авторы делают особенный упор на рассмотрении тонкости двусторонней и многосторонней дипломатии Китая на Шёлкового пути [154-155].

В результате изучения и анализа научных работ китайских, казахстанских и зарубежных авторов, приходим к выводу о том, что на текущий момент комплексных исследовательских работ, рассматривающих международно-политическое взаимодействие Китая и стран ЦА в энергетической сфере, не имеется. Значительное количество публикаций по региональной и международной политике Китая и его

внешней политике в Центральной Азии посвящено геополитической картине и противоборства КНР с США и Западом с точки зрения проблем безопасности на пространстве Евразии и в Центральноазиатском регионе.

Научных исследований о влиянии энергетического фактора на международно-политические процессы и многосторонние связи Китая с Казахстаном и Туркменистаном, крайне мало. Отдельные сюжеты темы диссертации рассматривались китайскими и зарубежными авторами эпизодически в составе общетеоретических работ по геополитической конкуренции в регионе.

Также не получила научного развития в Казахстане тема современной китайской дипломатии, особенно ее инструментов, которые позволяют в новых условиях осуществлять «дипломатию Шёлкового пути». Напротив, в зарубежной литературе наблюдается сравнительно активный интерес к китайской политике в регионе Центральной Азии, которая вместе с «энергетической дипломатией» нашла отражение в монографиях о политике и дипломатии Китая за 30 лет реформ и открытости.

При этом проблема потенциального возникновения политико-энергетической рассматривается вне конкуренции между государствами Центральной Азии, упускаются факторы сближения стран региона по линии стратегического партнёрства с Китайской Народной Республикой, развитию обоюдных интересов в регионе и т.д. Итак, работ, посвященных изучению отношений Казахстана и Туркменистана с Китаем в энергетической сфере, недостаточно. Данное диссертационное исследование нацелено на восполнение неизученных вопросов.

Научная новизна исследования заключается в новой постановке исследовательской проблемы и задач, касающихся международных и двусторонних аспектов энергетической политики Китая в сотрудничестве с Казахстаном и Туркменистаном в сравнительном аспекте. Следующие достигнутые результаты обладают определенной новизной и востребованностью в китайской и казахстанской науке и практике:

- детерминированы стратегические линии сотрудничества и влияния конкурентной среды на характер и механизмы влияния на процесс реализации энергетических (углеводородных) интересов Китая, Казахстана и Туркменистана в регионе ЦА;
- обозначены современные внешнеполитические цели и интересы КНР в осуществлении политики в Центральной Азии;
- выявлена степень совпадения и расхождений международно-политических интересов Китайской Народной Республики в энергетической сфере в странах Центральной Азии в сравнительном контексте, а также институциональные механизмы и средства управления возникающих противоречий;
- определены рамки и содержание центральноазиатского политико-энергетического «конкурентного поля» в углеводородной сфере и сложные взаимосвязи на этом поле Китая;

- выявлен комплекс политических, международных и региональных процессов (конструктивных и негативных) в диалоговом формате «Китай – Казахстан – Туркменистан» в различной конфигурации.

- обозначены тенденции многосторонней дипломатии в геополитическом аспекте и перспективы форматов «Один пояс, Один путь» ОПОП/ «Экономический пояс Шёлкового пути» (ЭПШП); Китай – Центральная Азия, Каспийский формат, формат ШОС и др. в рамках двусторонних «стратегических» связей Китая и стран региона ЦА в XXI в.

Следующие гипотезы заключают в себе теоретические и практические проблемные вопросы исследования данной темы и предполагают их научное решение:

- взаимозависимость геополитики КНР и энергетических факторов, и шире – влияние геополитических параметров на перспективы более тесного сближения с ЦА, где энергетической дипломатии отводится важнейшая роль;

- формирование баланса связей Китая с внешними акторами в формате «соперничество–сотрудничество» в регионе Центральной Азии будет проецироваться на китайско-центральноазиатское энергетическое сотрудничество;

- возможно возрастание региональных вызовов и рисков и их влияние на характер энергетической политики КНР с Казахстаном и Туркменистаном и параллельная имплементация данной проблематики в повестку дня Каспийских форумов, расширение и углубление «Диалога Китай – ЦА», ШОС и создание «энергетического клуба» и др. форматы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Результаты диссертационной работы могут быть использованы для продолжения углубленного изучения отношений КНР и стран Центральной Азии на междисциплинарном уровне, для объективного осмысления двухсторонних связей и анализа современного состояния стратегического сотрудничества КНР с ЦА.

Теоретическая значимость результатов заключается в разработке теоретико-методологической базы оценивания того, как геополитические факторы и внешнеполитические подходы влияют на решение проблем, возникающих в сфере энергетики.

Практическая значимость проявляется в выработке рекомендаций, ориентированных на их применение в международных отношениях.

Выводы и рекомендации могут быть использованы для:

1) научно-преподавательской деятельности при подготовке учебников, учебных пособий, курсов по международным отношениям стран Евразии, Центральной Азии и их взаимоотношениям с Китайской Народной Республикой;

2) решения экспертно-прикладных задач, консультаций, аналитической работы для таких организаций как министерства и ведомства, бизнес-структуры, региональные и международные организации в сфере энергетики с участием КНР и стран ЦА;

3) разработка сценариев взаимоотношений в политико-энергетической сфере на ближайшую, среднесрочную и долгосрочную перспективы между Китаем с Казахстаном и Туркменистаном, и другими государствами Центральной Азии;

4) выработка практических рекомендаций не только для усиления энергетической дипломатии, но и снижению рисков, возникающих в энергетической политике Китая в ЦАР.

Положения, выносимые на защиту:

1. Международно-политическая трансформация современного мира оказывает внешнее влияние на страны Центральной Азии и их связи с пограничными соседями региона – Китаем и Россией, на деятельность транснациональных энергетических компаний. На новом этапе «возвышения Китая» проявляется тенденция его доминирования в транспортной, энергетической и ресурсной сфере, осуществляется на практике идея нового Шёлкового пути (НШП) в Центральной Азии как части срединной Евразии.

2. КНР в основу своей геополитической энергетической стратегии взял курс на переход от развивающихся в высокоразвитые страны, фундамент которого заложил в международной стратегии «выхода за пределы» границ и становления в «великую державу», согласно официальной доктрине 2021–2049 гг.

3. Китай поддерживает стабильные экономические и политические отношения стратегического характера со всеми государствами ЦА, эффективно реализуя инвестиционные, энергетические, транспортные и иные проекты в двусторонних форматах. Богатые ресурсами – Казахстан и Туркменистан, расширяя сотрудничество с Китаем в энергетической сфере, имеют видимые перспективы особого политического сближения.

4. Формирование нового экономического порядка КНР заложило в задачи «Пояса и Пути», стремясь не ущемить суверенитет и национальное развитие стран ЦА, но в то же время привязывая их посредством транспортно-энергетических проектов. Для государств Центральной Азии присутствие Китая рассматривается ими в контексте внешних инвестиций для реализации энергетических проектов.

5. Китайская «периферийная дипломатия» видит долгосрочность и перспективность как действующих, так и новых энергетических проектов ОПОП в принципах поддержки добрососедства, «трехмерного, многоуровневого сотрудничества вне времени и пространства» (Си Цзиньпин), без политического давления и заключая взаимовыгодные договоры.

6. Китай, выстраивая по-особенному отношения с Казахстаном и Туркменистаном, находит понимание в формировании региональных форматов энергетического взаимодействия и прагматичного решения энергетического сотрудничества на многосторонней основе: «Китай – Центральная Азия» (+Западная Азия), Каспийский формат, ШОС, «Зелёный» формат и др. С развитием цепочки апстрим (upstream) и даунстрим (downstream), как это зафиксировано в договорных документах, Казахстан и Туркменистан в будущем

могут обеспечить прорыв собственного развития.

Апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования прошли апробацию в ходе научной стажировки в Институте востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Академии Наук РК; стажировки в качестве консультанта в китайской нефтяной компании «ТОО Тянь-Шань Мунай Сервис»; в ходе педагогической практики в КазНУ им. аль-Фараби. Промежуточные результаты диссертационного исследования были представлены на международных конференциях, круглых столах в виде докладов и презентаций.

По теме диссертации автором опубликовано 11 научных статей:

1. Liu Qi. Energy cooperation between the Republic of China and the European Union // *Opcción* (Universidad del Zulia/Venezuela). – 2019. - Vol. 35, Regular No. 90-2. – Pp. 359-368 *opcción*/ISSN: 1012-1587/ (Scopus) (в соавторстве с М. Gubaidullina).

2. Лю Ци. Отношения Казахстан – Россия и евразийская дипломатия // Эл. научный журнал Scientific E-journal «edu.e-history.kz». – 2019. - № 2 (18) – 1 п.л. [<http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1197>] (в соавторстве с Губайдуллиной М.Ш., Суйналиевым А.А.).

3. Liu Qi. «Green Energy» and environmental sustainability in the context of the Belt and Road Initiative // *International relations and international law journal*. - 2019. - № 3 (87). – P.58-68 (в соавторстве с Gubaidullina M., Nurdavletova S., Goncharova A.).

4. Лю Ци. Проект Нового Шелкового пути для Центральной Азии в контексте американских интересов // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки», – 2019. - №3 (62). - С. 122–127 (в соавторстве с Губайдуллиной М.Ш.).

5. Liu Qi. The SCO space in a geopolitical configuration of Eurasia: rapprochement and contradictions of energy interests (the case of China) // *International Relations and International Law Journal*. - 2020. - №1 (89). - Pp. 4-15 (<https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v89.i1.01>) (в соавторстве с Gubaidullina M., Yelibayeva A.).

6. “一带一路”助力中哈天然气化工领域合作. //国际石油经济. 中华人民共和国. ISSN 1004-7298 (на кит. яз.) // 柏锁柱, 赵刚, 王利君 (в соавторстве - BAI Suozhu, ZHAO Gang WANG Lijun) / (Liu Qi. Cooperation exploration between China and Kazakhstan with the Belt and Road Initiative in natural gas chemical Industry // *International petroleum economics, China*. - Institute of scientific and technical information of China. 2017, #12, V. 25. С.17-22).

7. Лю Ци. Китайские энергетические компании в Казахстане в проектах «Одного Пояса и Одного пути» // Шаг в будущее: научный и практический опыт развития, научные гипотезы, новизна и апробация результатов исследований // Сб. научных статей по итогам межд. научно-практ. конференции, 7-8 мая 2017 года. – Санкт-Петербург, 2017. – С. 148-150.

8. Лю Ци. Роль Китая в проекте «Один пояс - один путь» // Logistics and diplomacy. Сб. материалов межд. научно-практической конференции, 25 августа 2017 г. / Под ред. К.И.Байзаковой. – Алматы-Гавр, 2018. - С.101-106.

9. Лю Ци. Британские СМИ о перспективах нового Шёлкового пути // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Фараби Әлемі». – 2017. С. 97-98.

10. Лю Ци. Китайские энергетические компании в Казахстане: сравнительная перспектива // Материалы международной научной конференции студентов и молодых ученых «Фараби Әлемі». – 2018. - С. 25-28.

11. Лю Ци. Центральноазиатский вектор внешней политики Казахстана: сближение с Туркменией // Сб. материалов межд. научно-практической конф. «Роль дипломатии в провозглашении независимости Казахстана», ЕНУ им. Л.Н.Гумилева /Под ред. Д.К. Ахмедьянова, Р.С. Жанбулатова. – Нұр-Сұлтан, 2021. – С. 77-83 (в соавторстве с Губайдуллиной М.Ш.).

Структура работы обусловлена логикой исследования и состоит из списка обозначений и сокращений, введения, трех разделов, заключения, списка использованных источников и литературы. Основной текст диссертации включает таблицы и рисунки, а также приложения.

Признательность. Выражаю глубокую благодарность за поддержку и внимание моим научным консультантам – доктору PhD, профессору Славомиру Хораку и д.и.н., профессору Губайдуллиной М.Ш., которую они регулярно оказывали при написании данного диссертационного исследования. Выражаю искреннюю признательность преподавателям и сотрудникам кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ имени аль-Фараби под руководством заведующего доктора PhD в области международных отношений Байкушиковой Г.С.

1 ТЕОРЕТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ НА ШЁЛКОВОМ ПУТИ

Раздел включает ключевые методологические и теоретические подходы, связанные с исследованием региональной энергетической стабильности. В них входит изучение приоритетов КНР в сфере энергетики в центральноазиатском регионе и влияние китайского фактора на расширение конкуренции со стороны ведущих энергетических акторов в государствах Центральной Азии.

Исследуются различные подходы множества научных школ к определению понятия энергетическая безопасность (неолибералы, конструктивисты, неореалисты) в контексте энергетических приоритетов КНР в центральноазиатских странах с целью получения более глубокого представления о конкурентной политике ведущих глобальных акторов в области энергетики и понимания закономерностей мировой и региональной энергетической устойчивости.

1.1 Основные теоретические и методологические принципы в изучении региональной энергетической устойчивости

Одной из главных составляющих национальной безопасности каждой страны выступает энергетическая безопасность. На протяжении последних лет наблюдается рост интереса к исследованию вопросов энергобезопасности, так как уже в краткосрочной перспективе прогнозируется активизация конкуренции за энергетические ресурсы.

Благодаря динамичному росту экономического потенциала развивающихся стран они превратились в основных покупателей энергоресурсов, оставив позади себя ведущие экономики мира. Энергетический рынок активно осваивают новые сильные участники, что повышает конкуренцию за обладание энергетическими источниками. Политический кризис в Украине, сложности с ведением конструктивного диалога между рыночными игроками обостряет проблему поддержания энергобезопасности на международном уровне. По мнению З. Бжезинского, все больше стран нуждается в постоянном энергоснабжении при этом растет тенденция к милитаризации определенных стран и даже регионов [59], на этом фоне возникает необходимость формирования более эффективной системы энергетической безопасности не только на региональном уровне, но и целом – необходима выработка серьезных механизмов для ее обеспечения.

В течение XX века вопрос стабильного энергоснабжения экономик неоднократно становился актуальным для западных стран. Это привело к формированию существующей системы энергетической безопасности, которая все еще нуждается в развитии и дополнении как в системном аспекте, так и стратегически в контексте развития самой системы международных отношений.

Несмотря на уже достаточное количество исследований по различным аспектам энергетической безопасности, все еще нет единого понятийного

аппарата и унифицированного инструментария. Однако уже общепринято, что понятие «энергетическая безопасность» было использовано в 1847 году в связи с принятием в Соединённых Штатах Америки законодательства, регулирующего государственную политику в области национальной безопасности [156, с.179]. Также признано, что концептуализация этого понятия произошла в период глобального энергетического кризиса и Международное энергетическое агентство предложило определение энергетической безопасности «как уверенность в наличии энергетических ресурсов в необходимом объеме и качестве, советующих существующим экономическим условиям» [157, с.4].

На сегодняшний день концепция энергетической безопасности претерпела значительные изменения в трактовке. Изначально ее содержание было сосредоточено на национальном уровне, где акцент ставился на обеспечении энергетическими ресурсами потребностей всех стейкхолдеров в контексте национальной экономики. Наряду с этим, еще в конце 20 века понятие энергетической безопасности было расширено и охватило больше категорий техногенной и экологической безопасности, что существенно изменило ее содержание.

Как отмечает основатель Кембриджской ассоциации энергетических исследований Дж.Станислау, в современных условиях понятие энергетической безопасности перестало ограничиваться «исключительно вопросами надежности поставок». На современном этапе понятие «энергетическая безопасность» охватило не только аспекты экологической безопасности, инфраструктурной и политической, где необходимо учитывать влияние террористических угроз, концепцию устойчивого развития, включая 17 Целей устойчивого развития и последствия глобального изменения климата [158, с.3], это предполагает и новый дискурс, охватывающий глобальные механизмы и договора, в том числе имеющие поли дисциплинарные подходы и цифровое измерение как энергетики, так и экологии.

Российский исследователь С. Жизнин трактует энергетическую безопасность как «гарантию защищенности населения и государства от угроз нарушения доступа к энергоресурсам, которые вызваны проявлением неблагоприятных природных, техногенных, внешне- и внутривнутриполитических, социально-экономических и иных факторов» [159].

Современные подходы к исследованию энергетической безопасности опираются на теории международной безопасности, среди которых основными являются концепции неолиберализма и неореализма. Эти теоретические направления служат фундаментом для анализа взаимосвязей в сфере энергетической безопасности, учитывающие международные и внутривнутригосударственные факторы. Первая утверждает о значимой роли «международных институтов и сотрудничества между государствами» [62, 63] в поддержании безопасности. Неореалисты не видят порядка в международных отношениях, полагая что у них нет верховной власти. Это вынуждает страны

увеличивать военный потенциал для поддержания стабильного положения на международной арене.

Большинство исследователей склоняются к концепции, учитывающей смысловые элементы существующих направлений, что дает возможность формировать цельную картину. Положения указанных выше подходов применяются для исследования фундаментальных проблем энергетической безопасности. В соответствии с классической теорией международных отношений [57] и подходами неореализма (Д. Рассел, М. Клэр, Д. Моран) ключевой фактор, воздействующий на энергетический сектор, имеет характер межгосударственных отношений. Из этого делается вывод об увеличении напряжения между странами, активизации милитаризма, появлении вооруженных столкновений вследствие желания национальных правительств обеспечивать себя энергоносителями либо экспортировать их на выгодных условиях. Фундаментальным тезисом концепции неореалистов в данном контексте выступает так называемый «ресурсный национализм — жесткий государственный контроль над природными ресурсами» [58; 59; 62].

Проведение соответствующей политики в отношении природных ресурсов характеризует, прежде всего, страны, специализирующиеся на их добыче, стремящиеся улучшить свое положение на глобальном рынке и защитить национальные интересы. Эти положения нашли отражение в концепции неореалистов, ставшей основой Пекинского консенсуса — одного из подходов к проблемам глобализации. В рамках этой концепции энергетические ресурсы рассматриваются как государственные активы, являющиеся важным элементом национальной безопасности и часто зависящие от политической конъюнктуры (Денев К.) [160, с.28].

Если руководствоваться данным подходом, государство всячески стремится контролировать все составляющие элементы энергетической цепочки — от добычи и транспортировки до перераспределения энергетических ресурсов (Бём Д. и Данн М.Х.) [161]. Такой подход важен для стран, в которых экономика является большей частью ресурсноориентированной и доля энергетических активов существенна во внешнем аспекте ВЭД. Примером таких стран является, например, Россия, чья политика в области энергетической безопасности основывается на долгосрочном взаимодействии между поставщиками и потребителями при одновременном создании стабильных условий для деятельности как импортеров, так и экспортеров. При таком подходе для поддержания энергетической безопасности важна стабильность и прагматизм. Выстраивание долговременного и взаимовыгодного сотрудничества особенно важно в связи с необходимостью строительства дорогой инфраструктуры для разработки труднодоступных месторождений и транспортировки ресурсов от поставщиков к конечным потребителям [161, с.20]. Осуществление таких проектов всегда предполагает необходимость надежных партнеров, позиции которых не будут изменены в зависимости и международных реалий, однако в

современных геоэкономических реалиях это не видится устойчивым аспектом и всегда возможные альтернативные и большей частью негативные сценарии.

Неолибералы (Я. Витте, А. Брессан, А. Голдтау) традиционно критикуют идеи неореалистов [162]. Для них одну из ключевых ролей играют механизмы рынка, задающие главные тренды изменений в энергетическом комплексе. Деятельность мирового рынка энергоресурсов уменьшает риск применения так называемого энергетического оружия посредством установления эмбарго на покупку энергоресурсов и препятствующий монополизации рынка какой-либо страной. Также неолибералы указывают на основную роль наднациональных организаций (например, Международного энергетического форума) в создании определенного формата сотрудничества на глобальном уровне.

Исходя из этого подхода, основу энергетической безопасности составляет общий интерес к сотрудничеству государств-поставщиков и государств-потребителей. Положения неолибералов используют сторонники одной из концепций глобализации, так называемого Вашингтонского консенсуса, считающие необходимым обеспечить либерализацию энергетического рынка [147, 148]. Соединенные Штаты и государства ЕС, поддерживающие этот подход, лоббируют идею неограниченного доступа к ресурсам без влияния политических факторов. США всегда выступают за увеличение свободы рынка, отрицают долговременные отношения, приводящие к «запиранию» определенного объема энергоресурсов в условиях долгосрочных контрактов, что препятствует их попаданию на рынок [163, с.19]. Однако такой подход не всегда приемлем и не подходит для стран, которые нацелены на долгосрочное и устойчивое энергетическое сотрудничество.

Определенная доля исследователей проблем энергетической безопасности использует комплексный подход, включающий отдельные положения неореализма и неолиберализма, а также положения других парадигм, так как строго разделить влияние различных сегментов на энергетическом рынке довольно трудно. Подобная интеграция подходов, по мнению Дж. Станислау, демонстрирует одновременно конкурентные отношения поставщиков и потребителей, а с другой стороны их интерес друг к другу [158, с.34]. Изучение данной проблематики в контексте трансформации современной системы международных отношений, конечно, имеет место быть.

Российские ученые также применяют комплексный подход в анализе энергетической безопасности. Исследователь Жизнин С. акцентирует внимание на высокой зависимости отдельных государств и субрегионов от поставок энергоресурсов, что увеличивает вероятность возникновения вооруженных конфликтов. Несмотря на приоритет, который исследователь отдает военным факторам глобальной энергетической безопасности, он признает важную роль международных организации (таких как ОПЕК, МЭА) и транснациональных корпораций. В контексте современных международных реалий все большую роль играют национальные интересы и стратегии [159]. Такой подход не всегда оправдан, однако в условиях эскалации современных международных

конфликтов он имеет смысл, но в обратном контексте, когда военные действия или другие деструктивные действия влияют на безопасность энергетических поставок и маршрутов.

Как пример, или даже в качестве двух кейсов, можно отметить, что энергетическая дипломатия России и Китая исследуется в интеграции обоих направлений. Подчеркивается важная роль международных структур в процессе взаимодействия России с мировыми партнерами. При этом как и неолибералы, авторы указывают, что усиление позиций РФ на глобальном рынке возможно только за счет конструктивного взаимодействия ее нефтегазовых компаний с государством и благодаря его целенаправленной поддержке [159; 164].

Китайские ученые вводят в свои исследования теоретические обоснования энергетической политики, расставляя акценты, базируясь на научных методах анализа энергетической безопасности Китая. В ряде работ встречается методика вычисления логических связей экономики и энергетики в региональном срезе и проекцию на отношения с нефте- и газодобывающими странами Центральной Азии (Гуань Цинъюй) [65]. При этом системные связи «капитализма с китайской спецификой», по Хуан Яшэн способствуют выстраиванию мировых взаимоотношений ресурсных государств и потребителей энергии [66], используя в своих трудах методику «игрового анализа» многосторонних связей. Такой приём приводится в работе Гонг Сюйго в анализе китайской инициативы «Один пояс, один путь», эффективно связанной с инвестиционными планами ЕС [87].

Современная наука включает множество подходов к трактовке понятия энергетическая безопасность. Все еще идут дискуссии приверженцев неолиберализма и неореализма. Первые считают фундаментом энергетической безопасности существование механизмов рынка и отводят главную роль международным структурам. Вторые убеждены, что драйвером сферы энергетики выступают конкурирующие отношения между странами.

Противоречивые подходы к изучению проблемы не исключают сочетание идей разных концепций, такой подход приемлем современным исследователям. Это помогает глубже сфокусироваться на важных аспектах энергетической безопасности и актуальности энергетической политики.

Глобальная карта энергетического потребления имеет неоднородную структуру и все регионы озадачены разными аспектами в сфере обеспечения энергетической безопасности. Для государств-импортеров основными приоритетами являются обеспечение стабильности поставок энергоресурсов и диверсификация источников энергии. В свою очередь, государства-экспортеры нацелены на закрепление стабильных позиций на энергетических рынках, обеспечение конкурентоспособных цен и привлечение средств для дальнейшей разработки и добычи ресурсов. Это то, к чему они стремятся, однако выполнение всех этих аспектов не всегда видится осуществимым.

Существуют и третьи страны, желающие выгодно перевезти энергетические ресурсы по своей территории. При этом большое значение для

энергобезопасности имеет эффективное сотрудничество всех участников энергообмена (Чэнь Вэньцзюнь, Лю Лихуэй) [78, с.47].

Наблюдающиеся тренды в области энергетики имеют первостепенное значение для стран центральноазиатского региона — Туркмении, Казахстана, а также для России и Китая, выступающими ведущими поставщиками и потребителями энергетических ресурсов, чья национальная экономика имеет серьезную зависимость от поставок энергоносителей.

На протяжении последних лет становится заметным обострение проблемы энергетической безопасности. Это связано с постепенным сокращением числа освоенных объектов добычи источников энергии и падением качества открытых запасов, которое происходит на фоне увеличения экспорта ресурсов.

Конфликт между Россией и Украиной угрожает энергетической безопасности большинства евразийских государств (Ван Чэнсин, Ли Син) [84]. Среди них, прежде всего, страны, имеющие зависимость от транзитных перевозок углеводородов. Подобная турбулентность показала тесную связь между энергетической безопасностью и политическими приоритетами стран. При этом в нынешних реалиях появляются новые возможности для энергетического сотрудничества, в первую очередь, на «поясе в пути» при взаимодействии с Китаем. Перспективные контракты с Поднебесной заключили Казахстан, Туркмения, РФ (Ся И) [88].

Невозможно отрицать вывод Пань Гуана о том, что в нынешних условиях развития глобальной экономики, ставящем приоритетом процессы глобализации, энергобезопасность определяется стратегией межгосударственного сотрудничества и эффективностью совместных действий в решении данной проблемы [90, с.71].

В международном академическом сообществе ученых сформировались признанные концепции, определяющие энергетическую безопасность и связанных с ней понятий, ключевые факторы, проблемы, уязвимости и угрозы в данной сфере.

С точки зрения теории международных отношений, исследования в области энергетической безопасности не могут быть охарактеризованы как однородные по содержанию, они разнонаправлены и полидисциплинальны. Это объясняется различиями в подходах к решению проблем энергетической безопасности, которые основываются на вариативном понимании ключевых вопросов, связанных с международными отношениями. По некоторым проблемам ученые и эксперты так и не пришли к консенсусу в плане подходов и все сохранилась на уровне классической дискуссии неолибералов и неореалистов. Но сегодня очень много и других подходов, так, например свой подход к проблемам энергобезопасности выдвигают сторонники конструктивизма, отдающие приоритет дискурсу, представлениям и идеям. Новые теории, такие как зеленая теория и другие также сформировали свое видение по различным вопросам энергетической безопасности. Перед анализом указанных теоретических

подходов нужно представить общую трактовку понятия энергетической безопасности как отправной точки в исследовании.

Энергетическая безопасность рассматривается как степень обеспеченности государства энергоресурсами, которые требуются для существования национальной экономики и удовлетворения потребностей людей, а также наличие условий для эффективного и взаимовыгодного обмена энергоресурсами на глобальном рынке [62; 63]. Однако это неустойчивое определение и оно постоянно может быть дополнено новыми аспектами и важными деталями, которые принципиальны не только для определенной категории стейкхолдеров, но и для всех участников процесса обмена энергетическими ресурсами.

В исследованиях энергетической безопасности основной акцент делается на интересах отдельных государств, рассматриваемых как главный фактор обеспечения национальной безопасности в контексте разных ее составляющих. И при этом для различных групп стран (импортеров, экспортеров, транзитных государств) понятие энергетической безопасности может трактоваться по-разному. Среди ключевых факторов, влияющих на энергобезопасность и важных для всех участников данного процесса обмена ресурсами выделяются такие факторы как, безопасность транзитных перевозок, диверсификация поставок, обеспечение резервов энергоресурсов, а также получение и обмен достоверными и своевременными данными; безопасность инфраструктурных объектов; стабильная работа глобальных рынков; повышение энергоэффективности; научно-технологический прогресс и наличие позитивного инвестиционного климата при сохранении устойчивого экологического баланса.

Современные исследования энергетической безопасности большей частью рассматриваются в контексте общих теорий международной безопасности и существенное влияние на развитие подходов к пониманию международной безопасности оказала концепция неореализма. Это одна из базовых теорий, нацеленных на анализ любого аспекта безопасности в контексте национальных интересов страны. Его сторонники называют сферу международных отношений хаотичной и лишенной верховного правления. Это заставляет основных глобальных игроков постоянно увеличивать вооруженные силы (Уолтц Каплан, Моргентау) [57; 62; 56].

В период холодной войны неореализм, основывающийся на анализе противоречий биполярного мира, играл ведущую роль в теоретическом обосновании проблем международной безопасности. Однако, несмотря на свою доминирующую позицию, этот подход подвергался критике со стороны неолибералов. Для представителей неолиберальной теории важнейшим аспектом является международное сотрудничество, включающее участие многосторонних структур, влияние которых значительно возросло после распада Советского Союза и окончания Холодной войны.

В целом дискуссия неолибералов и неореалистов, называемая на Западе неопео, постепенно теряет актуальность. Важное место в изучении проблем безопасности занимают подходы, вытекающие из социального конструктивизма

(social constructivism), который подчеркивает значимость представлений и дей для понимания этих проблем. Эти вопросы активно исследуются также в рамках теории исторической социологии (historic sociology), рассматривающей факторы возникновения государства и его роль как центра взаимодействия различных социальных сил.

Также активно развивается ряд иных концепций — критической безопасности (critical security), человеческой безопасности (human security). Сегодня эти теории в большой степени интегрированы, что приводит к их взаимному дополнению. Довольно часто ученые используют сочетание идей разных концепций для более глубокого анализа изучаемого объекта.

Анализ множества исследований западных и отечественных авторов позволяет с уверенностью утверждать о существенном влиянии на проблему энергетической безопасности взглядов неореалистов.

Сторонники этого подхода акцентируют внимание на интересах отдельных стран, определяющих, по их мнению, основной вектор международных энергетических отношений. Государства стремятся получить неограниченный доступ к энергоносителям (импортеры) или добиться максимально выгодной продажи энергетических ресурсов на мировых рынках (экспортеры). В условиях обострения конкуренции между государствами неизбежны столкновения интересов, которые могут перерасти в военные противостояния или способствовать росту милитаристических настроений и увеличению военного потенциала.

В связи с этим, одним из центральных направлений исследований неореалистов является военная составляющая энергетической безопасности. Согласно мнению Д.Рассела и Д.Моран, основное внимание исследователей сосредоточено на структурных изменениях в сфере безопасности, обусловленных энергетическими интересами. Они отмечают, что на данный момент вероятность глобального военного конфликта остается невысокой. Это не снижает значимости предположения, что конкуренция за получение энергоресурсов может привести к эскалации вооруженных конфликтов [163, с.121].

Солидарен с этим подходом один из ведущих авторов в сфере изучения энергобезопасности М. Клэр. Он полагает, что значительная зависимость глобальной экономики от углеводородов тесно переплетается с вероятностью усиления эскалации. Это может выражаться в разных форматах противостояния от локального до глобального. Локальный уровень проявляется в виде соперничества между различными силами добывающих государств за обладание рентой, которую можно получить от продажи энергоносителей. По мнению М. Клэр, вопросы контроля энергоносителей могут оказаться важной причиной усиления террористической активности [164, с.64]. В перспективе наибольшую опасность несут противоречия ведущих покупателей энергоносителей — Соединенных Штатов и Китайской Народной Республики.

М. Клэр сделал глубокий анализ энергетических факторов военной стратегии США, все еще базирующейся на доктрине Картера. Она предполагает обеспечение комплексной защиты государств зоны Персидского залива (в перспективе и других значимых регионов) от потенциальных угроз, которые могут поколебать энергетическую безопасность страны. Автор описал стратегию наращивания военной мощи правительством Китая в регионах, добывающих энергоносители. В частности, Поднебесная наладила связи в военной сфере с Нигерией, Суданом. Именно в Африке наиболее вероятно столкновение интересов Пекина и Вашингтона с возможной перспективой перерастания в вооруженный конфликт.

Так как идеи М. Клэр базируются на неореализме, автор акцентирует внимание на основном положении этой концепции, связанном с преобладанием национальных интересов как формы реализации т.н. «ресурсного национализма». Последний трактуется как практика увеличения госконтроля над природными ресурсами (в приоритете добывающие государства), что приводит к упрочнению международного положения и позволяет реализовать интересы на глобальном уровне.

Большинство идей неореалистов критикуются приверженцами неолиберализма. Они полагают, что взаимодействия участников энергетического рынка нельзя рассматривать в качестве некой «игры с нулевой суммой», где усиление энергобезопасности одной страны предполагает ухудшение позиций других игроков. По мнению Оверлэнд И, Кэлахен У, Кендал-Тейлор А, Кернет Х [154] изучение проблемы на основе неореалистских идей игнорирует ведущее значение глобальных рынков энергоносителей. Именно рыночные механизмы в последние десятилетия определяли основные тренды в сфере энергетической политики вследствие проведенных реформ, которые отвечают интересам импортеров и экспортеров энергоносителей.

Как считают неолибералы, свободный мировой рынок, где реализуются большие объемы углеводородного сырья, минимизирует вероятность применения так называемого нефтяного оружия посредством введения эмбарго на поставки «черного золота». Подобная система исключает доминирование какого-либо игрока и его определяющее влияние на ценообразование. Таким образом, глобальные рынки энергетических ресурсов и, прежде всего, рынок нефти обеспечивают бесконфликтное взаимодействие поставщиков и потребителей.

Как полагают Я. Витте и А. Голдтау, основная цель в сфере поддержания энергобезопасности связана с совершенствованием рынка энергоресурсов, нивелированием вероятных отклонений и введением международных стандартов [162]. При этом идея неолибералов о значимой роли мировых рынков критикуется неореалистами. Они полагают, что глобальные рынки энергоносителей не гарантируют беспрепятственного существования международных отношений и энергобезопасности. По мнению Д. Морана, интерес экспортеров и импортеров к энергетическим ресурсам не может

полноценно обеспечить международную безопасность. Причина связана с наличием иных факторов, от которых зависит политика государств в сфере торговли источниками энергии. Нельзя отнести к мирным средствам экономические санкции, так как применение торговли для решения стратегических задач подтверждает неспособность рынков обеспечить мир и стабильность [163].

Другой особенностью подхода неолибералов выступает акцент на значении институтов (неформальных/формальных структур, которые регламентируют порядок сотрудничества рыночных участников). Они выступают полифункциональными организациями, дополняющими механизмы рынка, обеспечивающими информационный обмен, вводящими стандарты и др. Среди таких институтов — Договор к Энергетической хартии (ДЭХ), МЭА [46; 42; 43].

Ключевое положение неолиберализма — наличие заинтересованности государств-экспортеров и импортеров во взаимовыгодном сотрудничестве. По мнению Дж. Феттвейса, небольшая вероятность развития военного конфликта из-за получения энергоносителей связана с тем, что мировая торговля соответствует интересам обеих сторон. Ухудшение условий торговли энергоресурсами, вызванное военным столкновением, несет угрозу для каждого игрока. Большие затраты, связанные с вооруженной эскалацией, нерациональны применимо к возможному получению доступа к нефтяным месторождениям. Приобрести сырье проще и обойдется меньшей ценой. Также войны за энергоресурсы маловероятны из-за общего тренда на уменьшение количества и интенсивности военных столкновений в настоящее время [165, с.41]. Хотя это тезис можно подвергнуть сомнению при более комплексном подходе к данной проблеме.

Таким образом, в современных исследованиях энергетической безопасности наблюдается дискуссия между сторонниками неолиберализма и неореализма. Представители неолиберализма утверждают, что ключевую роль в обеспечении энергетической безопасности играют международные институты, а мирное сотрудничество всех заинтересованных сторон, по их мнению, обеспечат механизмы мирового рынка.

Неореалисты акцентируют внимание на проблеме взаимодействия между странами как ключевом факторе, от которого зависит энергобезопасность. При этом у них нередко наблюдаются несовпадающие интересы и глобальный рынок не в состоянии придать этим отношениям стабильность.

Конструктивисты акцентируют внимание на социальную предрасположенность политических процессов. Они рассматривают интересы акторов не как объективную реальность, а как совокупность представлений, которые становятся актуальными в определенный период под воздействием различных факторов. Конструктивный подход находит свое выражение в теории «секьюритизации», разработанной Копенгагенской школой. Среди основных представителей той теории — О.Вевер и Барри Бузан [63, с.12]. Авторы концепции считают, что основой безопасности является дискурс — процесс, при

котором определенные факторы воспринимаются как потенциальные угрозы. Это позволяет государству применять меры, направленные на поддержание социальной безопасности. Концепция «секьюритизации» предполагает исследование вопросов энергобезопасности через призму идей и представлений, которые способствуют формированию государственной политики в этой области. Так, эксперт из Германии К. Курзе подвергла анализу секьюритизацию энергетической безопасности в процессе интеграции стран Европы. По ее мнению, дискурс, связанный с вероятностью использования властями России энергетического оружия, обеспечил формирование нового импульса наднациональной надстройки Евросоюза. С учетом изменившейся ситуации на рынках энергоресурсов государства Евросоюза осознали неэффективность межправительственного взаимодействия в сфере энергетики [166].

Стоит сказать о подходах к изучению проблемы энергобезопасности, предложенных авторами школы международной политэкономии. С.Стрэндж [167, с.16], один из ведущих представителей этого направления рассматривает энергетическую сферу как «вторичную структуру силы» (secondary power structures), которая играет ключевую роль в поддержании основных первичных элементов, таких как безопасность, знания, производство и финансы. По мнению Стрэнджа, для эффективного изучения энергетики необходимо разработать комплексный подход, который в полной мере учитывает влияние политических факторов на энергетические рынки и, в свою очередь, их обратное воздействие на политическую сферу. Именно симбиоз разноплановых теоретических подходов отличает современное изучение проблем энергобезопасности.

Многие исследователи не отрицают роль государств и вероятность конфликтов в борьбе за обладание энергоносителями (неореализм) и считают важной деятельность международных структур, а также воздействие механизмов мирового рынка (неолиберализм). Стоит учитывать влияние представлений, идей в контексте восприятия вопросов энергобезопасности, часто выступающих фундаментальной основой для тех или иных политических действий.

По мнению основателей Института анализа глобальной безопасности (Institute for the Analysis of Global Security) Г. Луфт и Э. Корин, роль международного взаимодействия в сфере энергетики довольно велика, при этом они не отвергают и реалистический подход. Для более глубокого исследования энергетической безопасности нужен междисциплинарный подход, который интегрирует сферу глобальной политики, экономику и технологии [168, с.54].

Использование в изучении проблематики идей неореалистов и неолибералов отражается в работах одного из известнейших мировых специалистов по энергобезопасности Д. Ергина (США). По его мнению, ключевое значение в сфере мировой энергобезопасности имеет цепочка поставок ресурсов — от добычи до получения потребителями [169].

А.Мане-Эстрада испанская исследовательница утверждает, что анализ энергетических отношений через призму неореализма, который противопоставляет интересы поставщиков и потребителей, или неолиберальной теории, акцентирующей

внимание на роли институтов, не соответствует современным реалиям. Наиболее перспективным, по ее мнению, является третий путь, который в некотором роде синтезирует оба подхода, одновременно привнося новые элементы. Этот подход ориентирован на анализе взаимодействия государственных и частных акторов, вовлеченных в различные группы интересов и альянсы [170, с.10].

Следует принять во внимание инициативу «Устойчивая энергетика для всех», которая была впервые утверждена в сентябре 2015 г. в рамках программ ООН и 17 Целей устойчивого развития как основная цель в области развития энергетики. В 2016 г. на должность исполнительного директора и Специального представителя Генерального секретаря ООН по указанной инициативе была назначена Рейчел Кайт. Как считает Р. Кайт, эта цель предполагает, как революционные, так и эволюционные меры, направленные на реформирование системы использования источников энергии. Китай, как и другие представители международного сообщества, одобрил эту цель, так как она определила «обеспечение доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех» [171]. Р. Кайт пишет: «Целью инициативы является обеспечение всеобщего доступа к надежным и недорогим источникам энергии, необходимым для обеспечения условий полноценной жизни, безопасности, и охраны здоровья, учитывающим неизбежные ограничения в глобальном масштабе, вызванные изменением климата. Можно с уверенностью говорить о том, что указанная цель достижима» [171]. Действительно, 7-я Цель в области устойчивого развития (ЦУР 7) и связанные с ней другие пять задач занимают центральное место среди 17 Целей в области устойчивого развития. Если данная цель не будет достигнута, будет крайне сложно обеспечить доступ к качественному здравоохранению и образованию, гендерное равенство, новые рабочие места, экономический рост, устойчивое потребление или эффективную борьбу с изменениями климата, которые ставят под угрозу достижение всех целей. Цель 7 является основой практически всех вопросов развития, поэтому необходимо принимать активные меры уже на самом начальном этапе — это позволит достичь цели ранее запланированного срока (2030 года) и таким образом создать условия для работы в направлении других целей [171]. Надежное энергообеспечение выступает сегодня одним из наиболее существенных факторов стабильного экономического развития. От качества и бесперебойной работы энергетики во многом зависят и национальная безопасность стран, регионов, и в целом, энергетическая устойчивость.

Таким образом, определяющими для современных исследований энергетической безопасности и энергетической устойчивости можно, с некоторыми оговорками, принять тезисы неореалистических и неолиберальных теоретиков. Конструктивистские подходы не менее важны и приняты в данном исследовании в качестве одного из элементов теоретического осмысления глобальной и региональной энергетической устойчивости.

Теоретические дискуссии по спорным моментам сторонников неолиберального и неореалистического подходов имеют условный характер. Это не противоречит возможности интеграции отдельных положений их концепций, чем отличаются многие современные исследования. Объединение разных

теоретических подходов видится наиболее перспективным направлением для глубокого анализа национальных и мировых факторов энергетической безопасности.

1.2 Энергетические приоритеты в политике Китая в Центральной Азии

Энергетическая политика по праву считается одной из самых острых и глубоких политических, социальных и экономических проблем современного мира. Динамично растущая китайская экономика столкнулась с трудностями энергообеспечения своих потребностей. В связи с модернизационными процессами, урбанизацией, появлением новых технологий постоянно растут потребности в электричестве как промышленных предприятий, так и частных потребителей.

Хотя страна имеет множество ресурсов ведущие позиции по количеству населения неизбежно сказываются, поэтому уровень потребления энергоносителей в стране ниже среднемировых значений. КНР отличается крайне низкой энергоэффективностью, поэтому увеличение производства энергии за счет угля (он преобладает в структуре энергопроизводства) негативно отражается на состоянии экологии. В данных реалиях запросы на энергию в Поднебесной продолжают повышаться, а для обеспечения устойчивости развития нужно постоянно преодолевать различные вызовы.

Экономическое развитие страны во многом определяется выработкой энергетической политики, максимально соответствующей потребностям общества. Устойчивые и непрерывные поставки энергоресурсов на китайский рынок по приемлемой стоимости понимаются правительством КНР как ключевой фактор успешного развития, достижения политической стабильности и социального прогресса.

В последнее время страна стала больше зависеть от импортных энергоносителей. По этой причине энергетическая проблема переведена из разряда внутренней в категорию политики уровня национальной безопасности.

Первые десятилетия XXI века внешнеэкономические интересы Китая были нацелены на расширение сфер сотрудничества в области экономики и энергетики в глобальном контексте. В настоящее время регион Центральная Азия наряду с крупнейшими поставщиками нефти - Ближним Востоком, Африкой, Латинской Америкой, а также Россией [172], утвердился в качестве одного из основных направлений энергетической дипломатии КНР. В целом, Китай стремится в своей политике придерживаться диверсификации в поставках нефти и газа, поэтому сравнительно новый регион с энергетическим потенциалом, как Центральная Азия, достаточно быстро вышел во внешнеполитические приоритеты КНР. Определение ЦА в качестве приоритета явилось результатом ряда факторов, в том числе географический, фактор развития взаимовыгодный для развития, а также фактор стабильности и безопасности как общий для задействованных сторон.

Стратегическое сотрудничество со всеми центральноазиатскими государствами и прежде всего с энергетическими – Казахстаном и Туркменистаном, опирается на тесное политическое взаимодействие. Государства ЦА видятся надёжными и перспективными партнёрами. Для КНР расширилось энергетическое пространство на северо-запад благодаря договорённостям с ЕАЭС и Россией, а также в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

Благодаря вхождению китайских энергетических компаний на рынок ЦА Китай снижает свою зависимость от импорта ближневосточной нефти и это сокращает расходы во внутреннем рынке производства/потребления. Отсюда возрастают интересы КНР к обеспечению доступа к маршрутам доставки энергоносителей через евразийское пространство в сторону Европы при развитии соответствующих транспортно-коммуникационных проектов ОПОП. Такой подход получает подкрепление и развитие в форме расширения сотрудничества с Евразийским экономическим союзом. Этим объясняется большое политическое внимание Китая к соблюдению взаимных договорённостей, международным обязательствам, потому что без такого порядка сложно развивать трубопроводную политику, транспортировку нефти и газа, гарантировать энергетическую безопасность и энергетическую устойчивость как для Китая, так для всех участвующих стран ЦА.

Исходя из политических деклараций и подписанных соглашений самыми удобными партнерами КНР в течение нескольких десятков лет выступают центральноазиатские государства и РФ, которые обладают большим объемом ресурсов нефти, газа и взаимовыгодные отношения с Пекином. Это подтверждается действующими объектами транспортной инфраструктуры - «Казахстан – Китай», «Россия – Китай» и газопроводом «Туркменистан – Китай». Реализация подобных проектов позволило Китаю превратиться в центральное звено так называемого «Паназиатского глобального энергетического моста». Он интегрирует в единую систему действующих и потенциальных поставщиков (бывшие республики СССР, государства Персидского залива) с основными импортерами (КНР, Южная Корея, Япония).

В случае реализации задуманных планов Пекин сможет обеспечить себе энергобезопасность и упрочит геополитические позиции в регионе ЦА.

Россия, Туркменистан и Казахстан рассматриваются как ключевые партнеры, помогающие воплотить в жизнь энергетическую стратегию Китая. Взаимодействие с ними в энергетической области сулит немало выгод. Хорошие перспективы открывает соседствующее географическое положение, большой пакет наработанных договоров, наличие политических соглашений о многостороннем энергетическом сотрудничестве. Благодаря межгосударственным договорам создана большая правовая база в рамках двусторонних отношений.

Основные направления энергетической политики КНР связаны с долгосрочным импортом российских энергоносителей, возведением нефте- и

газопроводов, закупкой электроэнергии и взаимодействием в вопросах использования мирного атома.

Сегодня видятся огромные перспективы сотрудничества Москвы и Пекина в энергетической сфере, которые зависят от двух типов факторов. Первый связан с увеличением объемов нефте- и газодобычи на месторождениях Дальнего Востока и Восточной Сибири. Второй включает межгосударственные политические договоренности.

Стремительное увеличение потребления энергоносителей, дефицит углеводородов заставляет правительство Поднебесной более активно заниматься совершенствованием энергетической политики для поддержания энергобезопасности.

Более детально направления прописаны в принятых в 2011 году «Основных положениях XII-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития Китая». Документ обозначает ключевыми приоритетами развитие возобновляемой энергетики, активизацию энергетического сотрудничества с другими странами и энергосбережение. В рамках 13-й пятилетки (2016-2020) [173] была поставлена цель «всестороннего построения среднезажиточного общества» - смены модели развития китайской экономики с ориентированной на экспорт и заграничные инвестиции на экономику, опирающуюся на внутренний спрос. «Тринадцатая пятилетка» сопровождала внутреннюю и внешнюю политику КНР в соответствии с целью «всесторонне построить благополучное общество к 2020 году» и впервые предлагает пять концепций развития «инноваций, координации, экологичности, открытости и совместного использования». Тринадцатый пятилетний план Китая (ППК) называли «шансом стать началом золотого века для международных инвесторов благодаря реализации амбициозной и комплексной программы реформ, открывающей новые инвестиционные возможности для китайских и зарубежных компаний, говорится в новом отчете KPMG». Джон Веймайер, президент KPMG International отметил: «Китай имеет стратегически важное значение для компаний и правительств всех стран мира. Несмотря на множество трудностей, с которыми ему приходится сталкиваться, Китай будет и дальше оставаться локомотивом мирового экономического роста и источником бизнес-возможностей» [174].

Изучая Четырнадцатый пятилетний план, эксперты отметили, что в последующие пять лет будет уделяться меньше внимания на темпы роста ВВП, новая структура развития, основанная на «двойной циркуляции», будет направлять развитие китайской экономики. 14 мая 2020 года на заседании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК впервые было упомянуто о «строительстве новой структуры развития, при которой основное внимание обращается на взаимосвязанную внутреннюю и международную циркуляцию» [175]. Стратегия «двойной циркуляции» становится основной линией в средне- и долгосрочном развитии китайской экономики.

Многочисленные политические меры, направленные на стимулирование внутреннего потребления и внешнюю открытость. Об этом, в частности, говорилось еще в «Стратегии развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу до 2030 и до 2050 годов» [176].

Главные задачи энергетической политики КНР также отражены и в других документах, в том числе необходимо выделить такие как:

- «Среднесрочная и долгосрочная программы энергетической экономики (с 2005 по 2020 г.)».

- «Среднесрочная и долгосрочная программа по развитию атомного электричества (с 2005 по 2020 г.)».

- «Среднесрочная и долгосрочная программа развития возобновляемой энергетики. Пекин, 2007».

- «Программа по развитию энергетики на период 11-й пятилетки» (2007 г.) и др.

Главные аспекты политики Китайской Народной Республики в области обеспечения энергетической безопасности раскрываются на основе данных официальных документов [177]. Данные документы важны в привязке к постоянной трансформации энергетической политики Китая и совершенствования энергетической дипломатии страны.

При разработке энергетической стратегии власти Китая используют принцип диверсификации, подразумевающий одновременное выполнение ряда основополагающих целей:

- развитие альтернативной энергетики;
- расширение геополитического влияния КНР;
- поиск новых поставщиков нефти и участие в проектах нефтедобычи.

Подобные цели серьезно влияют на глобальную экономику и международные отношения.

Результаты анализа сферы энергетики и рекомендации по оптимизации энергетической политики указаны в ежегодном докладе Академии общественных наук «Доклад энергетического развития Китая» (так называемой Голубой книге), в Белой книге Ситуация и политика Китая в сфере энергетики. Пекин, 2007; в докладе корпорации CNPC «Международная нефтяная экономика».

Энергетическая политика Поднебесной все больше начинает интересовать международное сообщество. Так как найденных запасов нефти и газа не хватает для закрытия внутренних потребностей акцент делается на приобретении жидких углеводородов у различных поставщиков, среди которых Латиноамериканские государства и пространство от Африки до Ближнего Востока, а также страны Центральной Азии и Россия. В связи с ограниченностью запасов углеводородов у поставщиков становится острее соперничество за их использование. Также импортеры пользуются энергоносителями как средствами реализации своих интересов в международных отношениях. Исходя из этого, достижение «баланса интересов» экспортеров и импортеров — трудная и

многоплановая задача, решать которую необходимо в двух- и многосторонних форматах.

Обеспеченность энергоносителями превратилось в доминирующий фактор внешнеполитической деятельности и концепции национальной безопасности Китая, одновременно став предметом большой обеспокоенности на глобальном уровне других акторов международных отношений.

Таким образом, драйвером экономической политики Пекина выступают ускоренные темпы экономического роста. Ее исследование позволяет глубже понимать реалии энергетической безопасности КНР, выступая основой для прогнозирования роли Поднебесной в XXI веке. Анализ международного сотрудничества Китая в сфере энергетики помогает понять, чем качественно наполнен нынешний этап обеспечения мировой энергетической безопасности.

Действующие «Положения о внешнем сотрудничестве в разработке континентальных нефтяных месторождений» направлены на отстаивание прав и интересов зарубежных игроков, занимающихся их разработкой. Они помогают повысить эффективность сотрудничества с другими странами в разведке месторождений и добыче сырья.

Правительство КНР вносит поправки в законодательство, меняет политические установки с целью расширения международных связей, включая энергетическую отрасль. В 2001 году в стране была опубликована обновленная редакция «Положений о внешнем сотрудничестве в разработке морских нефтяных месторождений».

Геополитические и экономические подходы Поднебесной к сотрудничеству с поставщиками из России и Центральной Азии (бассейн Каспийского моря) существенно отличаются. По сравнению с Россией, для Китая углеводороды Центральной Азии кажутся многообещающими и доступными. Существующие трудности в поставках энергоресурсов из Центральной Азии вместе с отдельными политическими намерениями неблагоприятно отражаются на реализации проектов строительства трубопроводов. Несмотря на это, увеличение КНР сети собственных наземных трубопроводов в Центральную Азию от Казахстана и Туркмении до Северного Ирана многими трактуется как попытка сформировать китайско-арабскую магистраль, подходящую к нефтяным терминалам государств Персидского залива.

Китай планирует стать участником северной магистрали для транспортировки нефти, получив долю в восточносибирских, дальневосточных проектах на основе договоренностей с Казахстаном и Россией. Подобно нефтяным изучаются и воплощаются в жизнь проекты газопроводов между Поднебесной, странами Центральной Азии и Россией.

Власти Китая ставят задачу при формировании транспортных коридоров получить статус ведущего игрока «Паназиатского глобального энергетического моста», который интегрирует в единую схему поставок действующих и потенциальных экспортеров с основными импортерами жидких углеводородов. В случае их реализации будет значительно улучшена энергетическая

безопасность страны и возрастет геополитическое влияние Пекина в центральноазиатском регионе.

Межправительственное китайско-казахстанское энергетическое сотрудничество регулируется «Рамочное соглашение о развитии всестороннего сотрудничества в области нефти и газа» (2004 г.), «Меморандумом о комплексном сотрудничестве в сфере энергетики и кредитования» (2009 г.), «Соглашение о некоторых вопросах сотрудничества при развитии и эксплуатации нефтепровода «Казахстан-Китай»» (2012 г.) и др. [178-179].

Основные задачи энергетической стратегии КНР связаны с обеспечением непрерывных поставок энергоносителей, диверсификацией видов приобретаемых за рубежом ресурсов, участием национальных компаний в проектах по разработке нефте- и газоносных месторождений в других государствах.

Энергетическая политика Поднебесной строится на двух ключевых факторах. Внутренний связан с сокращением энергопотребления, повышением энергоэффективности, формированием национального нефтяного резерва, устранением трудностей в управлении энергетическими ресурсами, реструктуризацией модели энергопотребления для снижения зависимости от зарубежных поставок нефти. Также предполагается активно развивать альтернативную энергетику.

Внешняя политика Китая по обеспечению национальной энергетической безопасности включает несколько основных направлений:

- увеличение эффективности энергопотребления;
- улучшение инвестиционного климата с целью роста производительности сильно выработанных нефтепромыслов и освоение расположенных в отдаленных местах национальных месторождений;
- диверсификация источников энергетических ресурсов и обеспечение контроля над жидкими углеводородами зарубежных стран посредством капиталовложений в сферу разведки и освоения месторождений минеральных веществ.

Внешняя энергетическая политика Китая проявляется в двух основных направлениях:

- привлечение зарубежных инвестиций Пекин намерен укреплять сотрудничество с ведущими ТНК в сфере энергетики, которые имеют большой капитал, передовые технологии и значительный опыт как теоретический, так и практический
- вложение инвестиций в зарубежные проекты по разработке месторождений. Это направление очень важное и оно усиливает конкуренцию с ведущими ТНК, глобального энергетического рынка.

Расширение энергетического сотрудничества со странами-поставщиками и потребителями энергоносителей, международными организациями в сфере энергетики и крупнейшими ТНК - фундаментальная основа энергетической дипломатии Пекина. Национальные корпорации играют большую роль в

обеспечении внешней энергетической политики КНР. Они сочетают свои коммерческие цели в разных субрегионах планеты с продвижением социально-экономических и политических интересов государства.

Сегодня Китай активно сотрудничает в сфере энергетики с государствами Африки, Ближневосточного региона, Центральной Азии и Латинской Америки. При этом самым перспективным партнером выступает Москва и это объясняется целой серией факторов.

Российско-китайское энергетическое сотрудничество обладает значительным потенциалом и имеет множество уникальных особенностей. Партнерство Москвы и Пекина охватывает нефтегазовую отрасль, мирный атом, более широкое энергетическое взаимодействие. Оно давно переросло уровень торговли и теперь имеет стратегическое значение, однако в условиях действующих санкций и это сфера взаимодействия подвержена многочисленным рискам и вызовам.

В течение последних лет КНР играет важнейшую роль в деле поддержания международной энергобезопасности. Если увеличивающийся спрос на энергоносители усиливает энергетическую конкуренцию, то укрепление позиций КНР в глобальной энергетике открывает новые перспективы энергетического сотрудничества. Энергетическая безопасность Поднебесной тесно переплетена с мировой энергетической безопасностью.

В данном диссертационном исследовании учтено обстоятельство, связанное с отсутствием единого подхода к изучению китайской энергетической безопасности. Это относится и в целом к данной теме в региональном и глобальном контексте. Определенная часть китайских экспертов считает, что для страны энергетическая безопасность, прежде всего, связана в первую очередь с нефтью. Так, в работе У Лэя «Нефтяная безопасность Китая» [180] представлен прогноз на мировую нефтяную безопасность в XXI веке, раскрывается специфика этого явления для Поднебесной, анализируются трудности сотрудничества в сфере энергетики с различными регионами мира, включая Центральноазиатский регион. Такой подход можно считать оправданным, так как именно нефть видится оптимальным ресурсом для развития экономики Китая на современном этапе, особенно учитывая ее темпы.

Китайские ученые, изучая проблемы энергетической безопасности в контексте национальной безопасности, полагают, что энергетическая политика выступает составляющей внутри- и внешнеполитической деятельности по обеспечению национальной энергобезопасности (Мэнь Хунхуа) [181]. При этом отдельно выделяется особая роль китайского правительства в поддержании безопасности поставок энергоносителей. Это выражается в стремлении поддерживать устойчивые политико-дипломатические отношения со странами, которые входят в список приоритетных в контексте обеспечения энергетической безопасности.

В процессе ускоренного экономического развития быстро увеличивается использование энергоресурсов. КНР вошла в когорту крупнейших мировых

потребителей и производителей энергоресурсов. Несмотря на рост внутреннего производства энергоносителей полностью удовлетворить свои потребности Китай не может. Это означает, что экономический рост Поднебесной определяется стабильным импортом энергоресурсов, что нашло отражение в национальной энергетической политике.

Некоторые китайские специалисты полагают, что нынешняя энергетическая политика Пекина содержит определенные критические факторы: зависимость в энергоносителях от других стран; нарушенный баланс потребностей и реального предложения на энергетические ресурсы, что вызывает внутренние энергетические кризисы; значительное увеличение стоимости энергоносителей, сдерживающее экономическое развитие (Цин Чэнжуй и Хэ Цзосю [182]).

По мнению одного из самых авторитетных исследователей энергетической экономики Линь Боцян (КНР) [183], внутренний аспект китайской энергетической политики включает:

- развитие сегмента мирного атома, газовой сферы, альтернативной энергетики для диверсификации источников энергии и улучшения экологии;
- формирование стратегического резерва нефти и рост эффективности энергопотребления;
- развитие передовых технологий чистого угля с целью его оптимального применения;
- продолжение рыночных реформ в энергетической сфере. Такой подход важен в контексте комбинирования традиционного и инновационного подходов и важен для поступательного и прогрессивного развития энергетической дипломатии.

С учетом указанных направлений необходимо изучать национальную энергетическую политику в контексте внешних трендов в энергетике.

Как полагает большинство западных исследователей, ускоренный рост потребления энергоносителей выступает одним из драйверов повышения нефтяных цен на глобальном рынке. Из-за дефицита жидких углеводородов власти КНР активизируют их поиск за границей. Подобная политика квалифицируется как составляющая внешнеэкономической экспансии Пекина. При этом китайское руководство постоянно расширяет сотрудничество в энергетической отрасли с государствами Евразии, в первую очередь, имеющими значительные запасы энергоресурсов, для удовлетворения собственных энергетических потребностей. Эта деятельность также зафиксирована в программных документах и договорах с КНР.

Таким образом, современный Китай занимает одну из ведущих позиций на глобальном энергетическом рынке. Пекин сделает все возможное, чтобы занять выгодное место в мировой энергетической системе и активно влиять на ее развитие в нужном для своих интересов направлении.

Поднебесная будет и дальше использовать методы энергетической дипломатии и расширение международного партнерства в сфере энергетики с целью обеспечения собственной национальной безопасности.

Привлечение зарубежных капиталовложений в национальный ТЭК и деятельная поддержка своих энергетических корпораций за границей остаются главной составляющей энергетической дипломатии Пекина. В период глобализации ни одно государство не способно поддерживать национальную энергетическую безопасность, полностью исключая международное сотрудничество.

Исследуя взаимоотношения КНР со странами Центральной Азии, нельзя обойти вопрос о проблемах энергетического сотрудничества с главными игроками мировых энергетических рынков, в том числе с США и ЕС, с которыми у ЦА тоже есть договоры о стратегическом партнёрстве [184], а отсюда вытекающие противоречия и конкуренция между главными акторами.

Энергетическая политика Пекина интегрирована в программу комплексной модернизации и развития государства [185], которая будет реализовываться десятилетиями. Задачи внешней энергетической политики нужно воплощать в жизнь посредством энергетической дипломатии. Энергетическая дипломатия основывается на стремлении укреплять энергетическое партнерство со многими поставщиками энергоносителей, в том числе государствами Центральной Азии.

Таким образом, Центральная Азия играет все большую роль в осуществлении энергетической дипломатии Китая и это обосновано теоретическими концептами и практическими потребностями как самой КНР, так и стран региона ЦА.

1.3 Конкурентные позиции мировых акторов в регионе ЦА: китайский фактор и энергоресурсы

Дезинтеграция Советского союза в конце прошлого века существенно изменила международную архитектуру не только безопасности в классическом понимании, но и энергетического взаимодействия. Появление независимых государств и конструирование Центральной Азии, включающей Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан вызвало необходимость выстраивания новых отношений и выработки соответствующих подходов для взаимодействия.

Регион исторически находился в центре внимания ведущих мировых держав. Современная ЦА имеет огромный экономический потенциал, реализация которого усложняется многочисленными вызовами. Здесь имеются колоссальные запасы минеральных и углеводородных ресурсов, есть высокий демографический и транзитный потенциал, но при этом устойчивые демократические институты и инновационные подходы все еще формируются. Экономика стран региона имеющих большие запасы углеводородных ресурсов, нацелена на диверсификацию, но все ориентирована на экспорт ресурсов. По периметру региона есть серьезные вызовы и угрозы безопасности, в том числе соседство с политически нестабильным Афганистаном, уязвимость внешних границ и конфликт между Россией и Украиной – факторы, которые влияют и на энергетическую и логистическую составляющую.

Несмотря на это, ЦА остается привлекательной для зарубежных игроков, стремящихся получить выгоду от сотрудничества в экономической и энергетической сферах, растет динамика привлечения инвестиций в регион. Наличие существенных запасов углеводородов является одним из основных факторов вовлечения интересов глобальных и региональных игроков в ЦА.

Интересы к Центральноазиатскому региону помимо Китая и России имеют Соединенные Штаты, государства Евросоюза, Иран, Индия, Турция – это естественный процесс межрегионального и глобального взаимодействия. Большое влияние здесь имеет Россия и Китай, который год от года наращивает политический вес и экономическое присутствие в регионе. Роль и потенциал Китая в ЦА действительно значительны и это важно для региона при должном уровне внимания стран и соответствующей политике.

В регионе также представлены США и Европейский союз, как традиционные межрегиональные и глобальные игроки. Интересы этих держав часто бывают несовпадающими и противоположными, что нередко приводит к конфликтным взаимодействиям. В частности, охлаждение отношений США и РФ, КНР и США, сопряжение проектов интеграции Кремля и Пекина влияют на взаимодействие государств ЦА.

Развитие интересов Соединенных Штатов в регионе ЦА. Интерес Вашингтона к центральноазиатскому региону активизировался после дезинтеграции Советского Союза. В течение последнего десятилетия XX века Белый дом стремился исключить здесь распространение оружия массового поражения. Играя роль глобального полицейского, США ставили целью остановить рост числа ядерных держав с неразвитыми демократическими институтами и нестабильной политической системой. Одновременно Вашингтон пытался сдерживать распространение в регионе исламского фундаментализма, способствовавшего получению оружия массового поражения террористическими и экстремистскими организациями, а также радикальными режимами.

Относительно экономических и энергетических интересов США страны региона ЦА занимают далеко не первое место. Это связано с небольшим совокупным ВВП, континентальным положением без выхода к морям и большим расстоянием до Соединенных Штатов.

Несмотря на это, Белый дом предпринимал попытки экономической экспансии в регион ради своих геополитических интересов. В постсоветский период американские корпорации начали активно осваивать местные нефтяные и газовые ресурсы. Чтобы сократить влияние России и Китая для усиления позиций в энергетической сфере были применены различные инструменты воздействия: содействие международному развитию (помощь развивающимся государствам) [168, с.148]; программы прямого инвестирования; запуск проектов CASA-1000 (транспортировка электричества из ЦА в Афганистан, Пакистан), Транскаспийская магистраль из Казахстана, Туркменистана в Закавказье и европейские страны, TAPI (трубопровод для транспортировки газа

из Туркменистана в Афганистан), C5+1 (площадка для переговоров с участием государств ЦА и Вашингтона), а также Новый Шелковый путь (план по объединению ЦА с Южной Азией в общий макрорегион).

Исходя из вышесказанного, интересы Белого дома в ЦА менялись следующим образом:

- 1991-2000 — решалась проблема нераспространения ядерного оружия, оказывалась помощь в укреплении независимости, стимулировался разрыв сформировавшихся инфраструктурных связей с Россией;

- с 2001 — после террористических актов 11 сентября основным приоритетом США стали вопросы безопасности. Американцы начали навязывать местным правительствам сотрудничество в военной сфере, развитии демократических институтов, экономическое партнерство, что негативно отразилось на отношениях с властями государств ЦА. За минувшие 25 лет стал очевиден провал стратегии демократизации, а вектор интересов стран ЦА сдвинулся в сторону Китая и России.

Представляется, что Вашингтон вновь активизировался и пытался расширить присутствие в ЦА, что нашло выражение в обновленной Стратегии Соединенных Штатов в Центральной Азии 2019-2025 гг. [186]. Это большей частью было связано с Афганистаном, но при этом есть вероятность, что, как и прежде, США не очень выгодно усиление позиций в ЦА Москвы и Пекина. Наряду с этим, регион ЦА не является приоритетным для США и не стоит переоценивать данный фактор.

Расширение интересов Китая в центральноазиатском регионе Развал СССР повлиял на геополитическое положение КНР, которая имеет длинную границу с постсоветскими странами. Правительство Поднебесной в 1990-е годы пыталось выстраивать партнерские отношения с правительствами ЦА для создания себе надежного тыла.

В первую очередь Пекин стремился решить пограничные противоречия с Россией, Таджикистаном, Казахстаном и Кыргызстаном. Формирование модели дружеских отношений способствовало созданию Шанхайской пятерки, которая в 2001 трансформировалась в ШОС. Организация создавалась в период развития и усиления религиозных экстремистских течений в ЦА, активизации сепаратизма в КНР и операционной деятельности НАТО в Афганистане по предотвращению терроризма. Сложилась уникальная международная ситуация, которая по мнению Грозина А. способствовала «пониманию государствами региона невозможности противостояния таким глобальным вызовам и угрозам в одиночку послужили основанием для интеграционных процессов и объединения усилий, выразившихся в образовании ШОС» [187, с. 30].

Для Пекина крайне важна стабильность в ЦА и поддержание с местными правительствами дружественных отношений, так как подобная стратегия отвечает его национальной безопасности, геоэкономической и геополитической стратегии. Поднебесной удалось добиться компромисса в спорах о границе и расширить партнерские отношения со странами ЦА. Их правительства и Китай

заинтересованы в совместном противостоянии исламскому фундаментализму, сепаратизму, бандитизму и организованной преступности. Принципы этой политики стали основой деятельности ШОС. Однако, как показала практика деятельности этой организации, фокус ШОС в последствии сместился на экономику и энергетику.

В экономической сфере Китай занимает лидирующее положение для государств Центральной Азии. Расширение экономического влияния Пекина стало следствием торговой экспансии, динамичного экономического роста, активизации инвестиционной политики.

В 1990-е годы экономическое сотрудничество со странами ЦА находилось на низком уровне и в основном касалось нефтяного сегмента. Рост потребности КНР в жидких углеводородах стимулировал расширение «присутствия в нефтегазовом секторе новых игроков мирового энергетического рынка, включая постсоветские государства» [171, с. 154].

С начала XXI века Китай начал активно реализовывать инфраструктурные проекты, связанные с возведением трубопроводов. Одновременно происходило усиление позиций китайских ТНК и крупных компаний на энергетическом рынке Туркменистана, Казахстана и Узбекистана. В результате потребление энергоресурсов из этих стран в Китае существенно возросло. По мнению американского исследователя М.Олкотт, с учетом зависимости стран региона от инфраструктуры России и инвестиций Запада (США, ЕС), именно Китай реализовал задачи по диверсификации рынков. Стоит отметить, что работы Олкотт пользуются популярностью в КНР и многие из них переведены на китайский язык [189]. Такая политика Китая изменила расклад энергетических потоков из региона ЦА и сформировала новый подход к Китаю и у стран региона ЦА.

В 2013 году была анонсирована программа «Один пояс – один путь», которая существенно увеличила значимость государств региона ЦА для политики Поднебесной [190], однако ОПОП достаточно сложный и неоднозначный проект для всех сторон. Чтобы удовлетворить потребности КНР в транзите через территорию ЦА увеличились капиталовложения в инфраструктурные проекты и развитие транспорта. Страны постоянно оценивают влияние и важность ОПОП, также как и его последствия для региона в ЦА в среднесрочной и отдаленной перспективе.

Как полагают Тао Юнсинь, Ван Шоуцунь, Юй Лисинь, финансовое обеспечение проектов посредством связанного кредитования (применение китайских материалов, технологий, оборудования, специалистов для работы над проектами) способствовало увеличению торгового оборота с ЦА, расширению политического влияния Пекина и росту объемов зарубежных инвестиций [75, с. 39-41]. Все это происходило на фоне постепенного ухода активного американского присутствия из ЦА.

Рост экономического влияния Поднебесной в государствах ЦА открывает не только благоприятные перспективы, но и создает новые вызовы. В обществе

стран региона периодически происходит всплеск популярности синофобии, падает доверие к Китаю из-за активной торговой экспансии и сложившихся традиционных предрассудков.

Чтобы решить эти проблемы Пекин применяет технологию мягкой силы. В рамках этой политики была усилена внешняя коммуникация, расширены связи в сфере науки и образования. Однако такая политика не принесла ожидаемого результата, что во многом связано с ее несоответствием требованиям социально-экономических реалий.

За весь период независимости центральноазиатских государств именно Китай оказался их стратегическим партнером, задающим вектор их развития. Обе стороны имеют взаимный интерес к ресурсной базе друг друга. Поступательное наращивание интересов Пекина в ЦА меньше определялось внешнеполитическими факторами и в основном задавалось внутренними интересами КНР.

Трансформация политики России в регионе Центральной Азии. К настоящему времени интересы России в центральноазиатском регионе подверглись существенным изменениям. После дезинтеграции СССР интерес к региону ЦА ослаб по ряду причин: неспособность из-за экономического кризиса, рост национального самосознания в республиках Центральной Азии и нежелание их возвращаться в прежнее русло ССС в новом формате - все это негативно отразилось на влиянии России на данном пространстве.

Но даже принимая во внимание неудачные попытки экономической интеграции нельзя говорить о полной утрате Россией ключевых инструментов присутствия и влияния в Центральноазиатском регионе, в том числе и в сфере энергетики.

С начала XXI века Кремль стал делать ставку на усиление влияния в странах постсоветского пространства, включая государства региона ЦА. Они были объявлены территорией российских интересов в плане экономики и безопасности. Предпринимались действия по активизации экономического и гуманитарного сотрудничества. Концепция внешней политики России дала старт реализации новой политики, которая была объявлена в Мюнхенской речи В. Путина в 2007 г. Основным внешнеполитическим приоритетом страны стала попытка вернуть статус великой державы [191]. Россия стала более активно продвигать свое влияние во всех регионах, в том числе в странах ЦА. Начала более целенаправленно действовать в энергетической отрасли, препятствуя продвижению и развитию инфраструктуры нефтегазового сектора ЦА в восточном направлении. Это также было частью нового подхода Путина на пути к возврату России статуса сильного глобального игрока.

По мнению известного казахского политолога М.Т. Лаумулина, для всех были очевидны трудности процессов интеграции в бывших советских республиках. Москва пыталась увеличить потенциал ключевых международных институтов, в том числе СНГ, поэтому она рассматривалась ее оппонентами в качестве «нежелательного субъекта внешнеполитических отношений для

Запада, а также для таких региональных лидеров как КНР, Иран и Турция» [118, с. 83].

В фокусе вопросов безопасности главным интересом России остается поддержание стабильности и предотвращение усиления радикальных настроений в странах ЦА, укрепление их политических систем.

Регион играет значимую роль и как буферная зона между Россией и Пакистаном и Афганистаном (Ли Син) [85, с. 67].

Государства ЦА имеют важное геоэкономическое, стратегическое значение для планомерного развития России. Экономические интересы обусловлены добычей ресурсов, выходом на перспективные рынки сбыта. Российские нефтяные компании вкладывают большие инвестиции в местный Топливо-энергетический комплекс (ТЭК). Одной из ключевых составляющих энергетической стратегии России выступает удержание монополистических позиций экспортера для стран Европы и ведущего транзитера для государств ЦА. В современных условиях санкций в отношении России, роль Центральной Азии сильно возросла.

При этом не стоит сбрасывать со счетов других крупных игроков - США, Европейский союз и Китай - планомерно продвигающих собственные интересы и продвигающих свои транспортно-логистические проекты. Это дало повод ряду исследователей сделать вывод о неспособности России сохранить доставшуюся с советского периода «монопольную роль в транспортировке энергоресурсов» [189, с. 180].

Реализация экономических интересов в ЦА имеет для Кремля стратегическое значение. Здесь есть большой потенциал для сбыта российской продукции, вложения инвестиций, а в также для параллельного импорта. Регион дает трудовые ресурсы, которых не хватает в России. В большинстве государств Центральноазиатского региона Россия находится в тройке по объему торгового оборота, что подтверждает взаимозависимость этой сферы. При этом увеличение положительного баланса РФ объясняется «структурой импорта из стран Центральной Азии» [192, с.171], включающей, прежде всего, полезные ископаемые и продукцию сельскохозяйственного назначения. Планомерное экономическое развитие государств региона выступает одним из главных факторов российской политики.

Интересы в контексте треугольника Россия, Китай и США в центральноазиатском регионе

С учетом интересов ведущих мировых держав можно создать матрицу их приоритетов в ЦА. При реализации собственных интересов каждая из них учитывает фактор присутствия оппонентов, что приводило время от времени к политике сдерживания.

В 1990-е годы Вашингтон стремился сохранить однополярный мир, в этой связи укрепление позиций в регионе, занимающем центральное положение в Евразии, нельзя было упускать. Как утверждал З. Бжезинский, попытки сдержать «в Евразии доминирующую и антагонистическую силу определяет способность

США осуществлять глобальное первенство» [59, р. 217.]. Разделяет эту позицию и один из авторитетнейших западных экспертов в сфере геополитики более раннего периода - Х. Маккиндер, который считает, что установление контроля над хартлендом (с ним ассоциируется Центральная Азия) [55] дает возможность контролировать всю Евразию.

По территории ЦА проходит «часть исторического разлома, отделяющего западный, православный и синский мир от мусульманского, вдоль которого, по прогнозам Сэмюэля Хантингтона, назревает «столкновение цивилизаций» [193].

Геополитический вектор Вашингтона в 1990-х годах в ЦА был направлен на усиление позиций в регионе с одновременным сдерживанием Москвы и Пекина. Для реализации этой задачи расширялось военно-политическое партнерство, делались попытки внедрения демократических принципов. Активизация военного присутствия Вашингтона в регионе в ходе проведения операции в Афганистане обеспокоила власти КНР. Подписание устава ШОС, о которой было указано выше, формирование ОДКБ, открытие баз России подтверждает реакцию на эти события со стороны Пекина и Москвы [193].

Американцы сумели укрепить положение в ЦА перед началом вооруженных действий в Афганистане, что стимулировало совместные действия России и Китая. Сложилась ситуация, при которой РФ, поддерживающая безопасность в ЦА на фоне установившихся добрососедских отношений, стала рассматриваться как благоприятный фактор для Пекина. Поступательное развитие экономического сотрудничества с государствами ЦА соответствовало реалиям того периода из-за отсутствия развитой инфраструктуры, которая связывала бы КНР со странами региона.

Пекин лояльно относился к проектам интеграции, разрабатываемым Кремлем, и признавал существование особой связи стран даже на фоне стойкого нежелания экономической интеграции в формате ШОС.

Вашингтон усилил позиции в регионе ЦА после начала операции в Афганистане. Вектор действий был направлен на формирование демократических институтов в государствах региона, как это делалось в других странах постсоветского пространства — Украине, Кыргызстане, Молдавии, Грузии, чаще всего через инструменты протеста, но чаще в форме цветных революций. Для Китая подобная практика считается неприемлемой, поскольку в конце 1980-х года Китай столкнулся с немотивированным протестом на площади Тяньаньмэнь. Китайская исследовательница С. Фань, сравнивая процесс демократизации в ЦА и китайскими урокам прошлого, делает вывод, что навязывание демократической модели «не только испортило государственный имидж США в Центральной Азии, но и изменило баланс сил между Москвой и Вашингтоном в регионе» [194, с.61], как когда-то были испорчены отношения Китая и США.

Соединенные Штаты неизменно пытаются реализовать стратегию ликвидации монопольного положения РФ как нефтегазового транзитера и перенаправления потоков сырья на запад. Но из-за существования объективных

сложностей, отдаления Москвы и Вашингтона в схватку за энергоресурсы Центральной Азии включился Китай. В результате новые трубопроводы РФ и КНР полностью заняли предложение по жидким углеводородам поставщиков из ЦА. В рамках «трубопроводной дипломатии» в регионе интересы ведущих акторов выстраивались в формате треугольника США-Россия-Китай.

На новом этапе активизации указанных акторов в ЦА свою роль сыграли и интеграционные объединения. Державы внимательно следили за стратегиями реализации интеграционной модели оппонентами. РФ стремилась увеличить количество участников объединений, Соединенные Штаты лоббировали идею «Большая Центральная Азия и Новый Шелковый путь» с интеграцией Центральной и Южной Азии. Пекин пытался сблизить партнеров в формате ШОС. При этом каждая из держав ставила цель уменьшить влияние в регионе оппонентов. Это превратилось в своего рода игру за влияние в регионе, в том числе и энергетическое.

Достигнутый баланс между Россией и Китаем в Центральной Азии был основан на их отношениях с Вашингтоном и складывающейся ситуации в других регионах мира. Примером наличия общих интересов стран, на первый взгляд, выступает сопряжение ЭПШП и ЕАЭС [195, с.21], но позднее стало ясно, что Россия не намерена активно продвигать ЭПШП по причине отдаленности перспективы достижения «равноценного торгового баланса между ЕАЭС и Китаем» [195]. При этом Китай делает ставку на решение экономических проблем с государствами ЕАЭС в двустороннем формате. В современных реалиях ЭПШП получил дальнейшее развитие, в то время как Россия оказалась в затруднительном положении, но это не препятствует дальнейшему согласованному сотрудничеству обеих стран, в том числе и в сфере энергетики.

Россия продолжительное время была готова сдерживать китайское экономическое влияние в Центральной Азии, опасаясь конкурирующей продукции. Как полагает В.Зогг, в случае последующего нарастания противопоставляемых интересов Пекин способен прекратить добровольное самоограничение на присутствие в ЦА [196]. Несмотря на растущий экономический потенциал, Поднебесная старалась не делать лишних шагов, соблюдая договоренности с Кремлем, который обладал более эффективными политическими инструментами в регионе. Как писал Л. Гусев, Россия сумела сохранить «особые отношения со странами Центральной Азии» [197], при этом Китай продвинулся только в экономической сфере. Китай и Россия имеют множество взаимных интересов и схожих позиций, стремятся к бесконфликтному взаимодействию на основе дружеских отношений и взаимодоверия (формат WIN-WIN). Стратегия отношений основана на практике коллективного сотрудничества, несмотря на присутствие определенных противоречий. В классической ситуации в этих отношениях выигрывают оба партнера. Как правило, при таком сотрудничестве происходит равноправный обмен мнениями, так строятся успешные проекты будущего. Наоборот, в регионе Центральной Азии отношения между США – Россией – Китаем укладываются в скорее

в формат стратегии «WIN-LOSE» (соперничество), иногда в формат стратегии «LOSE-LOSE» (уклонение). Здесь приведены примеры классического дипломатического поведения, которое в настоящее время не присутствует в международных отношениях, поэтому мы говорим об отдельных проявлениях разных стратегических форматов сотрудничества, конкуренции, противодействия на поле Центральной Азии более крупных акторов.

В 2020 году была обнародована Стратегия Вашингтона в ЦА, которая предусматривает новое направление политики в этом регионе. В ситуации латентного противостояния за изменение мирового порядка в своих интересах и многополярное устройство мира, в котором основными ревизионистами Белый дом называет РФ и КНР, несложно спрогнозировать желание США усилить присутствие в ЦА.

Хотя все акторы стремятся не допустить трансформацию ЦА в очаг мировой напряженности в их действиях явным образом доминируют геополитические интересы. Яркий пример — взаимное противодействие Кремля и Белого дома и «игра с нулевой суммой» для обоих акторов.

Подвергнув анализу новую американскую стратегию Ц. Сянхун, пришел к выводу о том, что другие внешние акторы определяются как злые силы и рассматриваются в качестве соперников [198].

В контексте противоречивых интересов держав немаловажное значение приобретает их оценка государствами ЦА. Склонность к положительной оценке действий Соединенных Штатов на начальном этапе связана с желанием найти баланс монопольному положению РФ. При этом Западу отдавался приоритет как более значимому источнику инвестиций и помощнику в устранении накопившихся проблем.

Когда Вашингтон стал проводить насильственную демократизацию настраения стали меняться в худшую для него сторону, а РФ в этом свете рассматривалась как сторона, которая пыталась сохранить независимость. Сегодня государства уже не ЦА воспринимают Запад в качестве силы, способной противодействовать растущему влиянию Пекина и Москвы. В 2019 году Ларюэль М. и КОРТУНОВ А. писали об отсутствии в общественном мнении населения ЦА положительной оценки США [199]. Сегодня такая оценка имеет более нейтральный характер.

Впрочем, и отношение к Пекину нельзя считать однозначным. Правительства рассматривают КНР как источник инвестиций и положительно оценивают его технологические достижения. Как полагает Иманалиев М., для властей центральноазиатских государств имеет большое значение, что КНР не связывает выдачу кредитов и вложение инвестиций с формированием демократических ценностей. При этом существует определенная синофобия, так как часть граждан представляет Китай в будущем как «как мирового гегемона и агрессора» [200, с.15].

Противоречивые оценки обусловлены стремительным увеличением экономической активности компаний из КНР, малоэффективной политикой

китайской мягкой силы, недостаточностью комплексной информации. Для того, чтобы сбалансировать экономическую экспансию Пекина и его политическое давление страны начинают сближаться с РФ. При этом в целом они ориентируются на многовекторную стратегию и стараются выстраивать доверительные отношения со всеми акторами треугольника. Для этого они реализуют формулу поддержания равновесия как залога для подобных отношений [201].

Таким образом, «Повышенный интерес ведущих и региональных государств к Центральной Азии, по мнению китайского учёного, Ч. Цзюнь, определяется объективным и выгодным экономико-географическим и военно-стратегическим положением данного региона, а также богатейшими запасами минерального и энергетического сырья, доступными трудовыми ресурсами, транспортно-коммуникативными возможностями и потенциалом» [202, с.168].

Страны Центральной Азии за годы независимости по-разному воспринимали ведущие державы – США, ЕС, РФ, КНР. На данном этапе развития современных международных отношений наблюдается новая полярность по периметру США-ЕС с одной стороны и КНР-РФ с другой. Наряду с этим, сложные реалии, вызванные конфликтом между Россией и Украиной, сформировали новые реалии и сфере реализации энергетической политики и дипломатии. В тоже время, внешняя политика и дипломатия баланса сил способствует сохранению в регионе стабильных отношений, что важно для безопасности всех стран региона ЦА и реализации энергетического экспортного потенциала.

2 ОСНОВЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И РОЛЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

С момента обретения независимости государствами Центральной Азии в 1991 году и по настоящее время двусторонние отношения между Китаем и странами Центральной Азии претерпели значительные изменения и улучшения в различных областях. Это было важно, как для Китая, так и для стран Центральной Азии. Для Китая это было особенно значимо, поскольку после распада СССР, входившие в ее состав государства обрели независимость, мировые и региональные центры силы стремились укрепить своё присутствие в Центральной Азии. Это было обусловлено как политическими, так и экономическими интересами.

В этом контексте стремление Китая в ближайшем будущем стремиться занять лидирующие позиции в мире и его попытки укрепить своё влияние в Центральной Азии представляются вполне закономерными. Страны Центральной Азии, в частности, Казахстан и Туркменистан, которые богаты на энергетические ресурсы имеют стратегическое значение во внешнеполитической стратегии Китая. Центральнoазиатский регион вошел в так называемую сферу внешнеполитических рубежей Китая, которая напрямую затрагивает не только энергетические, но и также экономические, политические и национально-государственные интересы. В данном разделе исследуются общие и специфические подходы Китая к Казахстану и Туркменистану и сведение интересов всех государств Центральной Азии в проектном сотрудничестве с КНР в рамках ОПОП. Особое внимание уделяется энергетической дипломатии КНР с китайской спецификой «периферийной» дипломатии, действующей в регионе ЦА.

2.1 Китайские интересы и путь к стратегическому сотрудничеству Китая и Казахстана

После получения суверенитета в 1991 году у государств региона ЦА появились хорошие перспективы налаживания взаимовыгодных экономических отношений с КНР, что было очень важно и для самого Китая. Торговля через Великий Шелковый путь была основным двигателем экономического прогресса, культурного обмена и внутреннего развития стран этого региона. Свою внешнюю политику по отношению к Центральной Азии Китай проводит, опираясь на собственные национальные интересы [121, с.210]. Среди основных аспектов национальных интересов можно отметить:

1. Поддержание стабильности на своих северо-западных рубежах особенно в приграничных районах. Протяженность границы КНР с Центральнoазиатскими странами порядка 3,7 тыс. км, и она требует постоянного внимания правительства. В Китае полагают, что есть целая серия факторов и разных угроз и уязвимостей, способных нанести ущерб независимости и единству страны,

которые исходят из других континентов и поддержка стран Центральной Азии очень важна.

2. Экономическое развитие северо-западных регионов КНР, преодоление социально-экономического отставания от прибрежных и внутренних районов, путем налаживания прочных торгово-экономических отношений со странами Центрально-азиатского региона. По архивным данным министерства торговли КНР в период до первой декады 21 века, объем товарооборота между Китаем со странами Центральной Азии не превышал полмиллиарда долларов США. Однако после начала проектного сотрудничества в формате ОПОП показатель вырос к 2015 году до 32,6 млрд долларов [42] и далее все время возрастает.

Согласно мнению казахстанского исследователя Сыроежкина К., одним из ключевых направлений активной экономической политики КНР в ЦА выступает создание зон свободной торговли в приграничных с Китаем зонах [112, кн.1, с.45]. Это находит подтверждение в функционировании, например, Международного центра приграничного сотрудничества (МЦПС) Хоргос, который действует между Китаем и Казахстаном. Этот центр активно функционирует и пользуется популярностью в Казахстане.

Официальное открытие китайской части этой зоны состоялось 1 ноября 2023 года, когда была торжественно открыта и создана Экспериментальная зона свободной торговли Китая (Синьцзян). В том же году, 5 декабря был внесен в список район Хоргос и открыло новую главу в строительстве района Хоргос экспериментальной зоны свободной торговли Китая (Синьцзян).

Являясь важной частью региона Хоргос, МЦПС в основном фокусируется на преимущества трансграничного сотрудничества и национальных логистических центров типа сухопутных портов. Он фокусируется на развитии современных отраслей услуг, таких как трансграничная логистика, трансграничный туризм, финансовые услуги и выставки по всему миру [203]. Также необходимо отметить семь основных функций, которые возложены на государство и создают новую модель трансграничного экономического и торгового инвестиционного сотрудничества, а именно: ведение торговых переговоров, демонстрация и продажа товаров, складирование и транспортировка, гостиницы и рестораны, объекты коммерческого обслуживания, финансовые услуги, а также проведение различных региональных международных экономических и торговых конференций. Такая активность существенно расширяется возможности приграничного сотрудничества, в первую очередь, в сфере экономики, торговли, энергетики и логистики.

3. Получение беспрепятственного доступа к энергоресурсам для закрытия потребностей развивающейся промышленности. Одна из стран, где эти ресурсы может получить КНР - Казахстан. Приоритеты финансовых инвестиций в экономику этой страны связаны с нефтегазовым сектором. Второй по значимости энергетический партнер Китая - Туркменистан. Неудивительно, что энергетика выступает основной сферой двустороннего взаимодействия.

Существенное значение для активизации сотрудничества в энергетической сфере имеют кредиты и капиталовложения. Только в 2013 году КНР предоставила займы на сумму более 3 млрд долларов [93]. По мнению эксперта Поштитча: «можно утверждать, что между Китаем и странами региона сложилась определенная взаимодополняемость экономических интересов: странам Центральной Азии необходимы китайские инвестиции для разработки своих месторождений нефти и газа, а также для развития соответствующих отраслей экономики, а Китаю нужны новые рынки сбыта для своей продукции, а также новые источники импорта энергоресурсов» [204, с.97].

Исходя из этого можно утверждать, что энергетические ресурсы стран Центральной Азии находятся в кругу приоритетных интересов официального Пекина, а достижения полноценного доступа к ним является одной из стратегических задач внешнеполитической и экономической деятельности Китая.

Создание и обеспечение безопасности транспортно-логистических маршрутов в регионе, с целью полноценного выхода на рынки бывшего СССР и Европы. Данную задачу аргументированно подтверждает, и казахстанский эксперт Каукенов А.: «Прямое сообщение между центральными и западными регионами Китая с Центральной и южной Азией позволит получить прямой доступ китайских товаров на рынки регионов и снизит транспортные издержки» [116].

Страны Центральной Азии находятся в особой сфере транспортно-логистической политики КНР. На территории стран региона формируются альтернативные мультимодальные транспортные коридоры по направлению «Китай-Европа» и меридиональные маршруту «Север-Юг» [82; 86]. Сегодня Китай уже на протяжении десятков лет использует станцию «Дружба» и автомобильную дорогу, проходящую через КПП «Хоргос». Актуальным является и перспективы строительства 300 км железной дороги от станции Цзяньхуа до города Инин (СУАР) и дальше до МЦПС «Хоргос» [190].

4. Внешнеполитическую деятельность КНР в регионе определяют некоторые опасения за усиление активности США в Центральной Азии, и поэтому Китай стремится оказывать противодействие главенствующему положению США в энергетическом, экономическом, политическом сегменте. Следует согласиться с утверждением во многих публикациях, что Китай, ставший одной из ведущих экономик мира, усиливается в политическом весе, становится одним из важных геополитических игроков, который оказывает позитивное влияние на развитие региона Центральной Азии.

Китай в начале 90-х годов проявлял некоторую пассивность в странах Центральноазиатского региона. После установления с ними дипломатических отношений в 1992 году, основу политики в этом регионе составляла идея поддержания стабильности в регионе, в чем был заинтересован Китай и страны ЦА. Однако начавшаяся в Центральной Азии политическая турбулентность, вызванная ростом мусульманского радикализма, обострением конкуренции за

энергетические ресурсы, а также поиск правительствами стран ЦА внешних партнеров побудили Пекин активизировать действия в регионе и во второй половине 1990-х годов наблюдается его осязаемое усиление присутствия в Центральной Азии.

На современном этапе КНР в Центральной Азии ведет активное сотрудничество со всеми странами региона - Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном. Пекин вышел на второе место по значимости экспортного рынка для первых двух стран. Сегодня видятся большие перспективы для углубления экономического сотрудничества КНР и государств Центральной Азии. При этом большинство стран ЦА, а именно, власти и бизнес строят амбициозные планы трансформации сырьевого экспорта в поставки готовой продукции и услуг с высокой добавленной стоимостью.

Самым естественным рынком сбыта выступают страны-соседи. При этом Китай занимает прочное положение в товарно-сырьевом сегменте, занимаясь продажей своих товаров в страны Центральноазиатского региона и закупаая здесь энергоносители.

Эксперт Аюшиеа Е. считает: «военного присутствия иностранных держав в непосредственной близости от Синьцзяна создает потенциальную угрозу национальной безопасности и территориальной целостности Китая» [171].

С началом присутствия в Центральноазиатском регионе США, которые рассматриваются Пекином в качестве конкурента в сфере энергетики возникли значительные трудности в реализации планомерного развития некоторых регионов Китая, например, приграничных, требующих большего энергообеспечения.

Китай, проявляющий особый интерес к энергоресурсам стран Центральной Азии, прежде всего, Казахстана, был серьезно обеспокоен попытками США утвердиться на нефтяных месторождениях региона, особенно в Каспийском регионе. Высока вероятность риска монополизации энергетической отрасли с закреплением прав на отдельные месторождения, инфраструктурные объекты, в том числе системы трубопроводов для поставки сырья на мировой рынок. Данная ситуация представлялась потенциально опасно угрожающей для энергетической безопасности КНР [74, с.10]. Однако, как показала практика присутствие США в регионе оказалось недостаточно устойчивым и не представило угрозы для развития сотрудничества между Китаем и странами ЦА, в частности, в сфере энергетики.

Все указанные факторы новые, связанные с современной международной обстановкой по периметру региона, на нынешнем этапе способствуют тому, что Китай активизирует влияние в Центральной Азии. Страна встала лицом к лицу с новыми и ранее не встречавшими вызовами безопасности. Как утверждают Э. Теллис и М. Суэйн, в данном контексте нужно выделить два ключевых фактора, от которых зависит дальнейшая политика Пекина в странах ЦА. Первый связан с упрочнением положения Соединенных Штатов в этом регионе, второй определяется трендами на углубление сотрудничества РФ и КНР [60].

Не стоит забывать, что китайская политика в Центральной Азии зависит от характера отношений с Белым домом и Кремлем, а также отношением между ними. Исключение Поднебесной из числа акторов, игнорирование ее геэкономических, геополитических интересов делает неэффективными все модели региональной безопасности в ЦА. КНР будет всегда заинтересована в поиске партнеров для противодействия США и усиления позиций Центральной Азии.

Таким образом, после распада СССР Китай довольно сдержанно взаимодействовал со странами ЦАР в плане решения проблем безопасности, развития торговых отношений, решения пограничных споров. Но уже в новом XXI столетии постепенно роль Китая в Центральной Азии меняется и серьезно трансформируется.

По мнению Ф. Старра, стремительный экономический рост с начала XXI века способствовал увеличению потребности китайской экономики в энергоресурсах, что сформировало условия для укрепления политического влияния в государствах Центральной Азии [61].

В течение нескольких лет КНР сумела добиться статуса, ведущего политического и экономического партнера государств Центральной Азии благодаря эффективной торговой экспансии, активной кредитной и инвестиционной политике. Вовлечение Пекина изменило мнение о центральноазиатском рынке как довольно рискованном и бесперспективном на обратное – энергетический рынок ЦА сегодня один из стабильных и относительно устойчивых.

Роль энергоресурсов Казахстана и Туркменистана существенно выросла для китайской экономики, поскольку экономический рост Китая в значительной мере связан с успешным решением обеспечения себя энергией. Китай пришёл в регион ЦА постепенно, основными принципами были и остаются «невмешательство во внутренние дела», «приоритет экономического сотрудничества». Китай воспринимается руководством стран ЦА в качестве убедительной альтернативы тем внерегиональным игрокам, которые изначально действуют в ЦА и по свидетельству информационных источников стран ЦА, периодически ставят вопрос о недостатке лояльности и о необходимости введения западных «демократических норм и стандартов» политической и социальной жизни. Прагматизм Китая, наоборот, связан с его готовностью инвестировать в инфраструктурные проекты (строительство железных дорог, автодорог, магистральных трубопроводов, мостовых сооружений, транспортно-логистических центров). Реализация большинства из них без китайской поддержки была бы невозможна.

Как указывают международные соглашения Китая со странами Центральной Азии [41] и как показывают результаты деятельности Китая в этом регионе, КНР не стремится к своему однозначному доминированию в регионе [73, с.1638]. Основные направления Китая традиционно связаны с экономическими регионами Восточной и Юго-Восточной Азии, государствами

АТР. В этих регионах формируются ключевые для Пекина торговые пути и транспортно-логистические коридоры, по которым экспортируются китайские товары на мировые рынки. Но надо отметить, что Центрально-Азиатский регион не остаётся без внимания китайского бизнеса, который укрепляет политические связи и сотрудничество Китая с руководством стран Центральной Азии, об этом свидетельствуют факты и логика развития международных событий.

Китай является наиболее крупным рынком для сырьевых ресурсов центральноазиатских стран (жидкие углеводороды, цветные металлы, уран). Так, страна импортирует $\frac{2}{3}$ туркменского газа и свыше половины казахстанского урана.

Также страна проявила себя как крупного инвестора и кредитора для стран Центрально-азиатского региона. Только по данным за 2019 г., Пекин инвестировал в страны Центральной Азии более 22 млрд долл. США, из которых более 50% приходится на Казахстан [42].

В Евразийском регионе объем накопленных взаимных ПИИ составил 48,8 млрд долл. на первое полугодие 2023 года. Только Казахстан укрепил в последние годы позицию основного импортера взаимных прямых инвестиций с долей 27,2%. Такие данные приводятся в докладе Евразийского Банка Развития «Мониторинг Взаимных инвестиций ЕАБР 2023». Согласно данным Центральной Азии китайские инвестиции превышают российские в 2,3 раза. По итогам первого полугодия 2023 г. объем китайских инвестиций составил 55,9 млрд долл., российских — 23,8 млрд долл. Для обеих стран наибольший интерес представляют проекты в сырьевых секторах экономик стран региона [205].

Во внешней политике КНР регион Центральной Азии отмечен как регион, очень важный в плане безопасности, в том числе энергетической. Совместная борьба с терроризмом укрепляет региональную безопасность и позиции Китая в отношениях со странами в Центральной Азии. Китай оказывает финансовую, организационную и методическую помощь силам специального назначения и правоохранительным органам ЦА, регулярно проводятся совместные антитеррористические учения, оказывается военно-техническая помощь.

В то же время, для усиления позиций Китая имеются некоторые препятствия. Речь идёт о существующих антикитайских настроениях, которые время от времени возникают в некоторых странах ЦА, однако они имеют временный и фрагментарный характер. Серьёзные трудности для развития отношений с Китаем создают коррупционные скандалы вокруг китайских проектов. На фоне пандемии коронавируса наблюдалось снижение активности КНР в продвижении проектов «Пояса и Пути». Несмотря на это через ОПОП были реализованы многие инфраструктурные проекты, что даёт основания прогнозировать новый инвестиционный подъём Китая в период после пандемии.

Таким образом, развитие отношений Китая и стран Центральной Азии зависит от нескольких факторов: все страны региона все еще находятся в процессе т.н. «большой трансформации» и смены экономических моделей, наблюдается рост численности градостроительства. В государствах ЦА стала

расти мобильность граждан, получила более широкий охват внешняя и внутренняя миграция, трансформация экономик и развитие инновационных проектов постоянно продолжается.

Многовекторность внешней политики Казахстана [2] и нейтральный статус Туркменистана [24; 27] являются стремлением этих стран получить максимум внешней инвестиционной поддержки для решения внутренних задач. Страны региона ЦА приступили к новому этапу экономического развития и поэтому они осваивают международный инвестиционный рынок для привлечения помощи в строительстве транспортной и социальной инфраструктуры, новых производств и создании рабочих мест, новых и энергетических мощностей, повышении качества образования и медицинского обслуживания.

Прагматизм Китая заключается в том, что, понимая ситуацию в развитии энергетического сектора стран ЦА, он оказывает им инвестиционную, консультативную поддержку. Здесь играет роль в обеспечении энергетической безопасности Китая своя «логика нефти» по Гуань Циньюй [65], зависящая от применения механизмов, влияющих на мировые цены на нефть. Кроме того, как пишет Хуан Яшэн, играет роль та устойчивая система «капитализма с китайской спецификой», где есть свобода предпринимательства и сильное государство [66].

Интересы Китая в регионе Центральная Азия определяются ключевыми факторами - ресурсами, логистикой и безопасностью. В рамках своей внешней политики Пекин сосредоточен на решении вопросов, которые напрямую поддерживают его долгосрочные экономические и политические цели, оставляя менее приоритетными вопросы, связанные с социальными проблемами. Так, Пекин намерен вкладываться в проекты, направленные на укрепление безопасности, включая борьбу с террористической угрозой. Наряду с этим, Китай готов финансировать возведение магистральных трубопроводов для транспортировки жидких углеводородов.

Кроме того, КНР также намерен строить транзитные коридоры для поставки продукции на европейский рынок, что способствует его экономическому расширению и укреплению позиций в глобальной торговле. Вопросы же расширения транспортной доступности отдаленных регионов ЦА, пока не вызывают значительного интереса. Все это подтверждает, что интересы Пекина к Центральной Азии нужно рассматривать в контексте растущих экономических запросов, увеличивающихся потребностей, обеспечения безопасности и создания транзитных коридоров.

Международная политика Китая включает одно из важных направлений – сотрудничество с соседним Казахстаном, который является регионом «специального внимания». Поэтому объяснимы обоюдные интересы на выбранном ими еще в начале 1990-х годов пути, который прокладывался в течение тридцати лет и достиг стратегического сотрудничества Китая и Казахстана.

Двустороннее взаимодействие Пекина с Центральноазиатскими странами пока не в полной мере освещено западными и китайскими учеными. При этом

доминирует точка зрения, что появление у китайских границ новых государств потребовало от Китая сменить внешнеполитические приоритеты. Ясно, что с каждой из стран ЦА КНР развивала отношения по-особенному, что было обусловлено внешними и внутренними факторами, доминировавшими в каждой стране. Но были одинаковые для всех международные обстоятельства, повлиявшие на развитие всех стран. Исходя из этих обстоятельств обозначим некоторые этапы (периоды) в развитии взаимных отношений между Китаем и странами ЦА. Развал Советского Союза и наступивший экономический «хаос» 1990-х годов внутри постсоветских стран ЦА можно выделить, как череду однотипных событий в течение десятилетия, происходивших в отдельный период. Положительным фактом по мнению Лю Цзайци, Ли Хунцзе и Юй Ванли стало закрепление союзнических отношений с Китаем и соседними странами, а также стремление к безопасности и стабильности на внешних границах [91, с.77; 93, с.221].

Как упоминалось ранее, первым принципом является стремление к миру в Центральной Азии. Китаем было заявлено, что его стремления будут способствовать процветанию региона.

Ситуация в регионе потенциально могла измениться кардинально. В качестве примера можно привести пример Афганистана. Ни одна из стран Центральной Азии или соседних с ними государств не желает развития подобного сценария, которая развернулась в Афганистане. Даже Китай считает неблагоприятным, что страны Центральной Азии поддерживают теплые отношения с другими мировыми державами. Например, известно, что Узбекистан добровольно установил связи с Китаем после «Андижанского инцидента». Это решение было принято в свете того факта, что Соединенные Штаты со своей позицией высказали критику в адрес Узбекистана после событий в Андижане в июне 2005 года. Впоследствии Узбекистан стал активным членом Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что принесло пользу Китаю и России.

Российский исследователь В. Боровой считает, что принципиально новый этап отношений КНР со странами Центральной Азии наступил после развала Советского Союза, когда открылись иные возможности и стали видны новые угрозы. Тогда китайская политика в регионе была основана на сочетании принципов осторожности и умеренности [206, с.55]. Начало 1990-х годов можно рассматривать как подготовительную стадию, во время которой цели Поднебесной не подразумевали четкую, выверенную стратегию и ограничивались поддержанием стандартного дипломатического взаимодействия, сбором данных и расширением региональной торговли [206, с.56-57].

По мнению китайского исследователя С. Гуанчэна, ключевые внешнеполитические принципы КНР по отношению к странам ЦА были определены лишь в 1994 году. Среди них сохранение дружеских и бесконфликтных отношений, формирование системы взаимовыгодного

сотрудничества и обеспечение совместного процветания, взаимоуважение выбора каждой стороны и отсутствие вмешательства в дела других государств, поддержание стабильности в регионе, уважение независимости [207].

Иного мнения придерживается ряд российских авторов. В частности, С.Лузянин и А.Вознесенский акцентируют внимание на проблемах в сотрудничестве со странами ЦА. Они возникают из того, что власти КНР официально заявляя о равном и дружественном отношении к странам ЦА, на самом деле строили отношения с ними неодинаково, дифференцируя их по определенным основаниям. С середины 1990-х годов Китай начал выделять приоритетные страны, с которыми первоначально налаживались экономические и политические отношения. Другие были отнесены к так называемому второму эшелону, где уровень связей был ниже и не выходил за рамки официальных контактов [208, с.390]. Определяя «приоритетные» государства для Китая - Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан, имеющие с ним общую границу, эти авторы упустили важный момент принципа китайской «периферийной» дипломатии, которой придерживается КНР. Китай традиционно в политико-дипломатических отношениях выделяет государства так называемого «ближнего круга» из числа соседей по общей границе, мотивируя географической близостью непредсказуемые опасные прецеденты с новыми неизвестными государствами (Ли Хунцзе и Юй Ванли, Сюй Бо и Уильям Райзингер) [93; 94]. Пограничные вызовы и сложности в северо-западной провинции СУАР, относительно свободные региональные трансграничные взаимодействия, ряд экономических вопросов определяли в качестве факторов безопасности внешнеполитическую активность КНР.

После терактов 11 сентября 2001 года Вашингтон приступил к военной операции в Афганистане, что серьезно изменило ситуацию в странах Центральной Азии. Соединенные Штаты добились легитимного доступа своих вооруженных сил на территорию региона, в частности, через открытие авиабаз в Узбекистане и Кыргызстане.

Как считает Л. Диттмер, хоть Пекин и формально поддержал американскую операцию, проникновение Вашингтона в ЦА определялось стремлением контролировать природные ресурсы и желанием оказаться рядом с западным пограничьем КНР. Все это позволяло Белому дому определенным образом влиять на внутривнутриполитическую ситуацию в Поднебесной [209, с.18].

По мнению Константина Сыроежкина военная компания США в Афганистане привела к краху стратегии Пекина, сформированную в 80-х гг прошлого века, которая выражается формулой «опираться на север, стабилизировать западное направление, а основные усилия сосредоточить на востоке и юге» [210, с.8].

Как считают большинство исследователей, вышеуказанные события вынудили официальный Пекин активизировать внешнеполитическую деятельность в направлении стран ЦА и увеличить ее значимость в структуре региональной политики. Подобного мнения придерживается и ученый Э.

Усубалиев, который пришел к такому мнению, проанализировав факторы усиления присутствия Китая во внешней политике Кыргызстана [211].

С начала XXI века Китай, стремясь укрепить свои позиции на мировой арене, стал постепенно менять акценты с краткосрочных стратегических целей на более долгосрочные, что отражает его амбиции на международной политической и экономической сцене. Одним из основных направлений этой трансформации является активное расширение торгово-экономических связей, углубление взаимодействия с соседними государствами и более широкое участие в ключевых секторах экономики стран Центральной Азии.

Основу экономических связей Китая с Кыргызстаном, Таджикистаном и Казахстаном составили увеличение объема инвестиций со стороны китайских госкомпаний в нефтегазовой отрасли Казахстана. Китайские государственные компании начали активно вкладывать средства в этот сектор, что значительно укрепило взаимную экономическую зависимость. По мнению К.Сыроежкина, если в период 1993-1998 гг. общий объем прямых зарубежных инвестиций Китая в Казахстан составлял 0,411 млрд долларов, то к 2005 году он достиг рекордных 1,2 млрд долларов [210].

Для правительства КНР ключевым элементом центральноазиатской политики выступает тесная связь региона с китайской экономикой. Начиная с 2005 года и по сегодняшний день постоянно увеличивается товарооборот Китая и стран ЦА, периодически реализуются масштабные инфраструктурные проекты.

Как утверждают исследователи во главе с В. Парамоновым, товарооборот КНР и Казахстана увеличивался следующим образом:

1992-1995 - с 0,21 до 0,45 млрд долларов;

2000 - четырехкратное увеличение относительно предшествующего периода;

2001 - 1,25 млрд долларов;

2004 - 4 млрд;

2007 - 12 млрд;

2008 - 17,5 млрд [212].

Товарооборот между КНР и Кыргызской Республикой до 2004 года не превышал 0,125 млрд.

Товарооборот с Таджикистаном составлял в 1993 и 2003 соответственно 8,9 млн и 38,8 млн долларов. К 2005 году он вырос почти до 158 млн, к 2006 до 323,7 млн, а в 2007 до 0,524 млрд долларов [213].

Динамика роста сохранилась на протяжении всей второй декады и имеет тенденцию к росту и на сегодняшний день. По итогам 2023 года товарооборот между РК и КНР достиг \$41 млрд. За 10 месяцев 2024 года общий товарооборот Китая вырос на 5,2% и составил 36,02 трлн юаней (около \$5 трлн). При этом экспорт вырос на 6,7%, а импорт – на 3,2%. По данным ГТУ КНР, за первые 9 месяцев 2024 года товарооборот Казахстана и Китая составил \$33 млрд. [214].

Наряду с таким подходом и развитием сотрудничества со всеми странами Центральной Азии, Китай входит в «пятерку» крупнейших инвесторов Казахстана. Общий объем прямых инвестиций Китая в Казахстан с 2005 по 2020 год превысил 19,2 млрд долларов [215].

Тем не менее, Китай продолжает усиливать свое присутствие в регионе ЦА, все больше охватывая и другие страны – Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан.

Исходя из статистических данных, мы видим, что, начиная с миллениума 2000-х Китай наращивает свое торгово-экономическое присутствие в Центральной Азии, постепенно осуществляя энергетический интерес в регионе.

Потребности и планирование имеют важное значение при формировании основных стратегий взаимодействия отношений между Китаем и Центральной Азией. Обозначив ключевые этапы взаимодействия Поднебесной с расположенными вблизи ее границ центрально-азиатскими странами в период 1991–2009 годов, выполним анализ главных интересов и охарактеризуем стратегию внешнеполитическую деятельность КНР в Киргизии, Казахстане, Таджикистане в указанный период.

Внешняя политика Китая в Центральной Азии тесно переплетается с потребностями его внутреннего развития. Среди них:

- обеспечение внутривнутриполитической стабильности;
- создание условий для устойчивого экономического роста;
- увеличение объемов производства и экспортной составляющей;
- обеспечение надежных поставок жидких углеводородов, минеральных - ресурсов из-за рубежа [211].

Первостепенным условием поступательного внутреннего развития выступает формирование мирных, бесконфликтных международных отношений, а в контексте особенностей государств Центральной Азии — создание условий для поддержания безопасности и стратегической стабильности, борьба с реальными и потенциальными стратегическими угрозами, возникающими для КНР.

По мнению Мукиджановой Р. страны Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан) рассматриваются Китаем как «стратегический тыл» с которыми установлены и поддерживаются дипломатические отношения, урегулированы пограничные вопросы [216, с.23]. А государства Центральной Азии поддерживают позицию Китая в его борьбе с «тремя силами зла»: терроризм, сепаратизм и экстремизм. Для Китая «слабым местом» является - Синьцзян исходя из этого КНР важна стабильность, экономическая устойчивость и развитие стран Центральной Азии. Ведь 1990-годы до сих пор памятливы для Китая: активизацией деятельностью исламистских группировок, волнениями в г.Кульдже (СУАР) в 1997 году, серией терактов в Пекине в 1999 году. Для недопущения превращения ЦА в базу восточно-туркестанских сепаратистских сил и становлением их каналом связи с международным терроризмом Китай приложит все усилия [216].

В рамках ШОС были заключены ряд соглашений о сотрудничестве по борьбе с терроризмом [217]. КНР в рамках дипломатической стратегии взаимодействия с регионом ЦА подписало договора о сотрудничестве с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном.

Китайская политическая стратегия направлена на открытость в отношениях с центральноазиатскими странами, что к настоящему времени убедительно демонстрируют все страны региона. Решение о безвизовом сообщении между Китаем и Казахстаном является убедительным доказательством взаимного доверия. Шихор Ю. еще в 2008 году говорил о силе и давлении, которые Китай будет применять в отношениях с государствами Центральной Азии. По его мнению, Синьцзян (СУАР) стал бы плацдармом для усиления китайского присутствия в экономике данных стран [218, с.62]. В то же время, сегодня СУАР – это важный регион для Казахстана в контексте приграничного торгово-экономического и энергетического сотрудничества.

Поскольку 2/3 торговли КНР и Казахстана приходится на СУАР, Китай понимает, что необходима взвешенная и осторожная стратегия. После обеспечения стабильности в странах ЦА, реализовав краткосрочные цели, Китай приступил к реализации долгосрочных (торгово-экономическому сотрудничеству), вовлекая данные страны в экономический обмен. Место Центральной Азии в иерархии внешнеполитических приоритетов КНР изменилось после событий 2001 года. Приоритетом для укрепления своего присутствия в ЦА для Китая стало экономическое сотрудничество.

Для Китая углубление экономического сотрудничества с Центральной Азией стала стратегическим инструментом, направленным на снижение растущего влияния Соединённых Штатов и России в регионе. Более того, правительства стран Центральной Азии предпочитают поддерживать прочные экономические связи с Китаем, пока он не вмешивается во внутренние дела этих государств.

Таким образом, обещанные выгоды от российских и американских проектов не смогли стать достаточным стимулом для отказа стран Центральной Азии от огромных экономических и коммерческих возможностей, предоставляемых Китаем. Выход Китая на энергетический рынок Центральной Азии открывает новые перспективы для обеспечения безопасности и экономического роста страны.

Основные приоритеты Китая в Центральной Азии направлены на укрепление его позиций в регионе, что включает в себя не только экономические, но и стратегические аспекты. Одним из ключевых факторов является сохранение контроля над ситуацией в области безопасности, особенно в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и на границе с Афганистаном; обеспечение безопасности своих энергетических инфраструктур (нефте- и газопроводов); устранения потенциальных угроз стратегическим экономическим интересам Китая вовлекая страны Центральной Азии в совместные проекты и сотрудничество.

Для Казахстана, Кыргызстана и Таджикистана Китай является одним из важных экономических партнеров. В свою очередь КНР осознает, что развитие крепких экономических отношений с Центральной Азией способствует расширению влияния и укреплению безопасности в регионе.

Китай активно инвестирует в транспортную и энергетическую инфраструктуру стран Центральной, что приносит выгодные результаты как для самих стран, так и для Китая. Во-первых, присутствие китайского капитала в торговле, в важных секторах экономики стран региона, наличие развитой логистической сети между КНР и государствами региона способствует усилению значимости китайского фактора. Во-вторых, инвестиции КНР в ключевые секторы экономики стран ЦА снижают вероятность социально-политической дестабилизации, которая может влиять на экономику КНР и ситуацию в СУАР. Устранение этих угроз через укрепление экономического сотрудничества становится важным инструментом внешней политики Китая, направленной на стабильность и долгосрочные процветание в регионе.

Экономическое сотрудничество Республики Казахстан до середины 1990-х годов осуществлялось через и в СУАР. И только в конце 1990-х годов – начале 2000-х годов на рынке Казахстана стали появляться крупные китайские кампании, а доля СУАР стала в торговом балансе стала сокращаться [219, с.51]. Торговые и политические вопросы, связанные с отношениями между ЦА и СУАР являются предметом внимания американского исследователя С. Пейруза и М.Ларуэль [144, с.209].

В целом, масштабы китайской экономики позволяют использовать свои преимущества и расширять торгово-экономическое, инвестиционное сотрудничество с пограничными странами и особенно, энергоресурсными – Казахстаном и Туркменистаном.

Присутствие Китая в Казахстане до середины 1990-х годов ограничилось стихийной неконтролируемой торговлей [210, с.8]. В XXI веке начинается новый этап отношений между Китаем и тремя странами ЦА, когда начинается реализация крупных стратегических совместных экономических проектов.

С начала 2009 года Китай заключил сделки с приграничными странами. В апреле 2009 года после визита бывшего президента Н.Назарбаева в Китай, Астане был предоставлен кредит в размере 10 млрд долларов США. Ровно половина из которых пришлась на Национальную компанию «КазМунайГаз» по сделкам в нефтегазовой отрасли, и вторая половина Национальному Банку Казахстана.

Китай является крупнейшим внешнеторговым партнером Туркменистана. Торговля в основном основана на экспорте природного газа Туркменистаном в Китай. Общая годовая пропускная способность газопроводов достигнет 70 миллиардов кубометров, когда будет введен в эксплуатацию еще одна линия газопровода, строящийся в рамках газопровода Китай - Центральная Азия.

В 2009 году состоялось важное событие в сфере энергетического сотрудничества – открытие газопровода Туркменистан-Китай, который

проходит транзитом через территории Казахстана и Узбекистана на запад Китая. Этот проект стал ключевым звеном в развитии энергетического сотрудничества между странами региона и Китаем [220]. (Приложение 2).

Через год, в 2010 году, был запущен нефтепровод Казахстан-Китай, который реализовался в два этапа. Первый этап включал строительство нефтепровода Атасу-Алашанькоу, который был введен в эксплуатацию в 2006 году, а второй этап – строительство нефтепровода Кенкияк-Кумколь. Через этот трубопровод в 2010 году к 1 апреля было транспортировано около 1,3 млн. тонн нефти. Важной частью инфраструктуры стал участок нефтепровода, соединяющий Кенкияк (расположенный у Каспийского моря) с Атырау, который был построен еще в 2002 году [221]. Таким образом, реализация подобных масштабных энергетических проектов, а также активное развитие торгово-экономического сотрудничества, сыграли ключевую роль в укреплении влияния Китая в Центральной Азии. Данные шаги позволили официальному Пекину не только диверсифицировать поставки энергоресурсов, но и удовлетворить растущие потребности в нефти и газе, особенно для его западных провинций. Китай, благодаря этим проектам, смог существенно укрепить свои позиции на международной арене и в регионе, обеспечив стабильность и надежность энергетических поставок.

С момента обретения независимости Туркменистан сохраняет статус «постоянно нейтральной» страны на международной арене. Таким образом, Ашхабад не является официальным членом ни одного проекта регионального сотрудничества или военной организации, за исключением Содружества Независимых Государств. Туркменистан, изолировавший себя от мира, строит свои взаимоотношения со странами Центральной Азии и всего мира в основном на основе двусторонних отношений. Хотя в 2013 году Туркменистан вывел свои двусторонние отношения с Китаем на уровень стратегического партнерства, он не подписал меморандум о взаимопонимании в рамках проекта «Один пояс, один путь». В то же время Туркменистан также не присоединился к ШОС и Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций (ААИВ), возглавляемому Китаем (в качестве члена-учредителя). Ашхабад поддержал проект «Один пояс, один путь» в рамках двусторонних отношений. Во время своего официального визита в Китай в июле 2017 года Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов заявил, что Китай выступает за развитие сотрудничества в таких областях, как природный газ, экологически чистая энергетика, производственные мощности и транспортная инфраструктура в рамках инициативы «Один пояс, один путь».

Необходимо отметить, что несмотря на общие тенденции взаимодействия Китая с Центральной Азией, каждая страна региона имеет свою специфику в отношениях с Пекином. Китайский исследователь Син Гуанчэн подчеркивает, что Казахстан занимает ключевую стратегическую позицию в Центральной Азии и является лидером в развитии многосторонних связей с Китаем [207, с.53]. Эта роль Казахстана обусловлена выгодным географическим расположением,

развитой инфраструктурой и важностью для реализации китайской стратегии по обеспечению энергетической безопасности и расширению торговых связей в регионе.

Хотя КНР выстроило добрососедские отношения со всеми странами Центральной Азии, но у Казахстана имеется привилегированный особый статус. Еще в 2005 году Астана была отмечена как «стратегический» партнер Пекина на постсоветском пространстве [212].

Если сравнить товарооборот 1992–2008 годов между Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном с Китаем, то на первом месте сохраняется Казахстан – 80–86%, далее Кыргызстан 1–8%, и замыкает Таджикистан 0,1–4% [208]. В основе взаимодействия Китая и Казахстана лежит энергетическое сотрудничество. Ведь для Китая, чья быстрорастущая экономика нуждается в энергоресурсах, Казахстан является идеальным партнером в этой сфере, чем и воспользовались китайские кампании в своей проектно-инвестиционной деятельности. С конца первой декады 21 века и по сей период эти тенденции сохраняются.

За более чем 30-летнее сотрудничество товарооборот между Китаем и странами Центральной Азии увеличился почти в 100 раз. Объем торговли между Китаем и пятью странами Центральной Азии достиг рекордных 90 млрд. долларов, что свидетельствует о значительном расширении экономических связей. Прямые китайские инвестиции Китая в страны Центральной Азии в том же году составили 15 миллиардов долларов, при этом большая часть этих вложений направлена в энергетический сектор [215].

В сфере внешнеполитической торговли также произошли значительные изменения: импорт сельскохозяйственной продукции, энергоносителей и продукции горнодобывающей промышленности из Центральной Азии в Китай увеличился почти на 50 %, а экспорт китайской механической и электротехнической продукции в страны региона вырос на 42 % [215]. Эти данные подтверждают укрепление взаимных экономических позиций и развития взаимовыгодных торговых связей между Китаем и странами Центральной Азии.

Кроме того, также одним из наиболее перспективным направлением торговли между Китаем и регионом Центральной Азии являются трансграничная и электронная коммерция. Эти сферы тоже продолжают активно развиваться и открывают новые возможности для увеличения товарооборота и укрепления экономических связей. Как нам известно, за годы сотрудничества реализованы многочисленные инфраструктурные проекты, включая строительство газопроводов, нефтепроводов, автомобильных и железных дорог, что значительно улучшило транспортные и логистические сообщения в регионе.

Введенный в эксплуатацию в 2009 году газопровод «Центральная Азия – Китай» является примером успешного сотрудничества. К 2022 году по данному трубопроводу в Китай было поставлено 423,2 млрд кубометров природного газа, что стало важным вкладом в энергетическую безопасность страны [222]. Реализация данного проекта обеспечила более 500 миллионов китайских

потребителей доступом к стабильной поставке газа, что содействует экономическому росту и улучшению качества жизни в стране. Такие объемы впечатляют и дают видение того, насколько это важно для Китая, учитывая его ресурсопотребление.

И Китай и Казахстан обладают взаимной экономической потребностью и взаимодополняемостью, что в свою очередь открывает огромный потенциал для развития взаимовыгодного сотрудничества между странами.

В период с 1992-2023 года китайско-казахстанская торговля увеличилась с 368 млн. долларов до 31,5 млрд. долларов, это показывает что развивается успешное экономическое партнерство. Можно сравнить, например товарооборот Казахстана с Россией в 2023 году составил 26 млрд. долларов, а с США – 3 млрд. долларов, что подчеркивает важность Китая как стратегического торгового партнера для Казахстана [215].

Особое значение в двусторонних отношениях имеют реализация совместных крупномасштабных проектов, они стали ярким примером эффективного сотрудничества. Среди них – Шымкентский нефтеперерабатывающий завод, ветряная электростанция в городе Жанатас, Атырауский нефтехимический комплекс по производству полипропилена и Тургусунская ГЭС в Восточно-Казахстанской области. Эти реализуемые проекты не только способствуют развитию энергетической инфраструктуры и промышленности Казахстана, но также укрепляют экономические связи двух стран, служа моделью для дальнейших инициатив в рамках китайско-казахстанского партнерства.

В рамках программы двустороннего индустриально-инвестиционного сотрудничества на территории Казахстана продолжается реализация совместных проектов. В стране работают около 4 700 казахско-китайских предприятий. Кроме того, мы стремимся расширить нашу совместную деятельность в финансовом секторе, используя возможности, предоставляемые Международным финансовым центром Астана. Сегодня на его площадке зарегистрировано около 2 800 компаний из 78 стран, десятая часть из них – из Китая [223].

Налажено тесное взаимодействие в рамках таких международных структур, как ООН, ШОС, СВМДА, в формате «Центральная Азия – Китай» и других многосторонних площадок.

Казахстан всецело поддерживает китайский мегапроект «Один пояс – один путь» и готов продолжать активное участие в дальнейшем сопряжении наших национальных стратегий.

При общем фокусе на все страны Центральной Азии все же есть некоторая специфика в подходе Китая к отдельным странам.

По мнению ряда экспертов, Казахстан и Кыргызстан являются стратегическим плацдармом для Китая в рамках ее политики торговой экспансии в регионе Центральной Азии и на постсоветском пространстве в целом [209]. Таджикистан из-за малых масштабов своего рынка в начале занимал

незначительное место в торговой политике КНР, но со временем присутствие китайского капитала сильно увеличилось. Таджикистан сам был инициатором присутствия КНР в энергетическом секторе своей страны прежде всего в гидроэнергетической сфере и расширение проектов в рамках ОПОП. На данный период времени Таджикистан основной партнер Китая в данном направлении. Не забывает Китай и про инвестиции в сетевую инфраструктуру, минерально-сырьевые ресурсы Таджикистана [224].

Но есть и факторы, которые препятствуют более динамичному развитию между КНР и государствами Центральной Азии. В данном регионе также заинтересованы Россия и США [225, с.404], также можно сказать, что это справедливо по отношению к Турции, есть интерес у Ирана и др.

Но несмотря на сдерживающие факторы сотрудничество Китая и трех стран ЦА развивается активно, особенно в ЭПШП (экономический проект Шелкового пути). Китай умело отстаивает свои интересы, эффективно использует рычаги в сфере экономики при взаимодействии с данными странами ЦА.

Приоритетами для Китая будут оставаться: освоение ресурсов, создание транспортной инфраструктуры для экспорта сырья, увеличение импорта товаров и услуг в ЦА. Китай будет инвестировать в экономику Кыргызстана и Таджикистана, но будут ли от этого динамично развиваться их взаимоотношения большой вопрос. Если крупные проекты, которые были заложены между странами ЦА и Китая будут реализованы, то значимость данных государств повысится. Пока что между данными государствами сохраняется статус-кво, хотя Гонг Сюйго пишет, что в будущем Центральная Азия займет «почетное второе» место в региональной политике КНР [87, с.130].

Основные направления стратегического партнерства Казахстана и Китая. В Казахстане сотрудничество с КНР в сфере политике, торговле и экономике имеет приоритетное значение причем на высшем уровне. 5 ноября 2021 года во время V Китайской международной выставки импортных товаров Президент Казахстана К.-Ж.К. Токаев подчеркнул, что отношения между двумя странами вступили на новый этап стратегического партнерства [226]. Председатель КНР Си Цзиньпин на 30-летие Независимости Республики Казахстан прислал поздравительную телеграмму, подчеркнув, что Китай готов прокладывать усилия для дальнейшего сотрудничества на благо двух стран и их народов [227].

Приоритетными направлениями сотрудничества двух государств являются:

- Борьба с последствиями пандемии;
- Привлечение инвестиций Китая в экономику Казахстана;
- Продвижение товаров Казахстана (экспорт) не только в Китай, но и в страны Юго-Восточной Азии;
- Развитие транзитно-логистического Евразийского хаба в Казахстане;
- Завершение переговоров в рамках «водной дипломатии» для рационального использования трансграничных водных ресурсов;
- Определение оптимальной стратегии «Нурлы жол», Евразийского экономического союза с Экономическим поясом Шелкового пути.

Торгово-экономическое сотрудничество. Потребность Китая в энергоресурсах способствовала динамичному развитию отношений с Казахстаном. Так за 12 лет (2000–2012 гг.) товарооборот увеличился с 1557 млн долл. США до 25,113 млн долл. [6]. Двухсторонняя торговля между двумя странами не ограничилась лишь энергоресурсами. В торговле превалировал экспорт китайских товаров в Казахстан.

В 2020 году несмотря пандемию коронавируса ВВП КНР составил 16 трлн. долл. в ближайшем будущем по мнению экспертов прогнозируется выход экономики Китая на первое место в мире. Для Астаны Пекин стал ключевым внешнеторговым партнером, так в 2020 году доля торгового оборота составила 18,1% от общего объема торговли. Двухсторонняя торговля выросла на 4% что составляет 15,4 млрд долл. Экспорт в Китай составил 9 млрд долл., а импорт из 6,4 млрд долл. Китай также стал крупнейшим инвестором Казахстана с общей долей в 4,7% инвестиций [228].

Если с 2005 по 2020 год общий объем прямых инвестиций Китая в Казахстан составил 19,2% млрд долл, а вливания в нефинансовый сектор составили около 600 млн долл. В то же самое время из Казахстана в КНР объем ПИИ – 667,2 млн долл.

На территории Казахстана в рамках индустриально-инвестиционного сотрудничества двух стран планировалось построить более 50 промышленных предприятий с капиталом более 24,5 млрд долл. Также на территории РК функционирует 700 совместных предприятий [228]. Особое внимание уделяется также укреплению отношений в области цифровых технологий, электронной коммерции. В рамках этого были подписаны меморандумы о взаимопонимании и сотрудничестве в сфере электронной торговли. Министерство торговли и интеграции Республики Казахстан активно углубляет сотрудничество в торговле, экономике и электронной коммерции. Налажено активное сотрудничество с ведущими китайскими маркетплейсами: Alibaba.com, который фокусируется на бизнесе между компаниями (B2B), и jd.com ориентированным на прямые продажи потребителям (B2C). Эти партнёрства открывают новые перспективы для расширения торговых и логистических возможностей, укрепляя экономические связи и способствуя улучшению цифровой инфраструктуры для бизнеса. Сотрудничество в таких гигантах e-commerce способствует внедрению современных технологий в сфере торговли и логистики, а также расширяет возможности для малого и среднего бизнеса в регионе.

Казахстан инициирует регулярные форумы для предпринимателей, поднимает вопрос о совместном использовании информации данных путем создания концепции Единого банка данных МЦПС «Хоргос». Перспективным экспортом для Казахстана в Китай будет сельскохозяйственная продукция, поскольку спрос на экологически чистые продукты питания растет из года в год [228].

После саммита «Китай - Центральная Азия» в мае 2023 года укрепилось культурно-гуманитарное сотрудничество между Китаем и Казахстаном. Например, введение безвизового режима (30 дней) способствовало росту взаимного туризма, поездкам бизнесменов, простых граждан. Некоторые казахстанцы хотели бы поехать в Китай для лечения или отправить на лечение своих родителей, престарелых родственников.

В Китае уровень развития медицины на достаточно высоком уровне, наряду с такими странами как медицинская индустрия Германии, Израиле, Турции, Южной Кореи, куда, как правило, выезжают на лечение казахстанцы. Более того, в Китае, наряду с классической медициной, успешно практикуется многовековая национальная медицина, основанная на важных практиках и традициях.

Понятно, что все эти аспекты укрепляют отношения Китая со странами Центральной Азии и дают новые импульсы развития, в том числе и в торгово-экономической и энергетической сферах.

Но энергетический сектор и взаимодействие в этой сфере всегда будет занимать особое место в отношениях между двумя государствами.

2.1.1 Китайско-казахстанское энергетическое сотрудничество

В 1997 году после встреч глав государств Н. Назарбаева (РК) и Цзян Цземиня (КНР) были подписаны документы сотрудничества в сфере нефти и газа (разработка месторождений и скважин, строительство нефтепроводов). Важность Казахстана в роли партнера Китая демонстрируется в принятии Китайской стороной обязательства по строительству нефтепровода из Западного Казахстана в Западный Китай (2 900 км).

Нефтегазовые транснациональные корпорации из Китая приобретают доли в местных казахстанских компаниях, тем самым участвуют в разработке нефтегазовых месторождений [34; 47] (Приложение 1). Так, Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) осуществляет освоение Узеньского и Актюбинского нефтяных месторождений Казахстана. Так, Китайская национальная нефтяная корпорация (CNPC) осваивает Узеньское и Актюбинское нефтяные месторождения Казахстана. В 1997 году CNPC приобрела 60,28% акций ОАО «Актобемунгаз» (месторождения: Жанажол, Кенкияк). Обязательством с китайской стороны было инвестирование 4 млрд долл. в течение 20 лет. Объем добычи нефти составляет 6 млн тонн в год, а компания входит в «пятерку» крупнейших компаний по добычи нефти [34].

С 2005 года функционирует первая ветка нефтепровода «Атасу-Алашанькоу». С 2001 по 2009 года CNPC выкупило 50% акций, следующих компаний по добыче нефти: Buzachi Operating Ltd (месторождение Северное Бузачи, 2001 год), PetroKazakhstan (Кумкольская группа нефтяных месторождений, 2005 год), Мангистаумунгаз (Жетыбайская группа месторождений, 2009 год) [34]. Компания CITIC в 2006 году приобрела 50% Каражанбасмунгаз (месторождение Каражанбас).

Доля китайских компаний в 2008 году составила 18,6%, что было на 1,6% больше, чем в 2007 году. В 2014 году доля CNPC составила 90% на нефтяном рынке Казахстана из 21,5% [46].

Итогом в области развития инфраструктуры между КНР и РК в начале 2000-х годов стало строительство и введение в эксплуатацию в 2006 году нефтепровода Казахстан-Китай (Атырау-Алашанькоу) мощностью 10 млн тонн в год, протяженностью 2200 км. В 2009 году экспорт в Китай по нему составил 3 млн тонн [43].

Совпадение интересов в энергетической сфере видно по тем сдвигам, которые произошли в направлении разработки ресурсов нефти и газа в СУАР, где расположено 1/3 нефтяных запасов Китая.

Были реализованы энерго-транспортные проекты между Китаем, Казахстаном и Туркменистаном. Из Казахстана стала поступать нефть, а из Туркменистана газ. Причем при подписании соглашения о строительстве газопровода было решено, что он будет проходить через территорию Казахстана. Реализация данных проектов способствовала росту объема торговли и разрушению монополии РФ на транспортировку ресурсов.

Одними из задач стратегии ОПОП Китая является углубление торгово-экономических и транспортно-логистически-коммуникационных связей для соединения стран ЦА, находящихся вдоль Великого Шелкового пути [100; 102; 106].

Если Казахстан реализует такие проекты как «Пояс и путь», «Евразийский экономический союз», то в перспективе появится возможность морского торгового пути на рынки Азии и Европы. Так если для КНР Экономический пояс Шелкового пути, проходящий через Республику Казахстан и другие страны является «золотой дверью» при блокировке США ее морских путей и портов, то и Казахстан сможет получить выгоду от ЭПП в виде получения таможенных пошлин.

Не будем забывать про быструю доставку товаров при использовании наземных путей. Так доставка груза поездом может занять до 20 дней, например, с Китая до Германии, в то время как по морскому пути срок увеличивается вдвое (до 40 дней). Статистические данные за последние годы показывают увеличение товарооборота между Китаем и Европой. И, если в 2020 году – 20 млн тонн (12,4 тыс. рейсов), то в 2021 году – 1941 рейсов (174 тыс. контейнеров). То есть 49% контейнеров шло с Китая в Европу через территорию Республики Казахстан [229].

ВВП Казахстана 8,1% — это транспортная логистика (4 воздушных, 6 автомобильных и 9 железнодорожных коридоров). На данный промежуток времени ведется строительство коридора «Западная Европа-Западный Китай» протяженностью 8445 километров, из которых 2787 км строит Казахстан. Преимуществом данной дороги будет сокращение сроков доставки грузов (до 10 дней) из Ляньюньганя до Санкт-Петербурга.

Открытие транзитных перевозок между СУАР (КНР) – ВКО (РК) – Омской областью (РФ) нужно не только Китаю, но и Казахстану. Ведь благодаря газопроводу «Центральная Азия-Китай» увеличивает объем поставок газа. Начиная с 2009 года Пекин получил 336 млрд кубометров газа [229; 40].

После завершения в 2017 году строительства дороги в рамках ЭПШП К.-Ж. Токаев призвал глав государств, входящих в ЕАЭС закончить модернизацию транспортной инфраструктуры на трансграничных участках.

Сотрудничество в области энергетики между Китаем и Казахстаном развивается на постоянной основе и отражает специфику двусторонних и региональных тенденций. Созданы и функционируют определенные механизмы в этой сфере. Одним из них является Подкомитет по сотрудничеству в области энергетики и 28 ноября 2024 года в Астане состоялось 13-е заседание казахстанско-китайского Подкомитета по сотрудничеству в области энергетики

В данном мероприятии приняли участие руководители обеих стран на уровне вице-министров энергетики, представители министерств и ведомств обеих стран, представители заинтересованных организаций.

В ходе мероприятия обсуждались перспективы развития двустороннего сотрудничества в ключевых областях энергетики, таких как возобновляемые источники энергии, электроэнергетика, нефть и газ, а также атомная энергия. Вице-министр энергетики РК А. Жамауов отметил, что под руководством Глав двух государств казахстанско-китайское стратегическое партнерство продолжает успешно развиваться, в том числе в энергетической сфере. Он также отметил, что сотрудничество в энергетической сфере является ярким примером успешного взаимодействия в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и способствует укреплению энергетической безопасности. На данный момент в Казахстане реализуется 26 проектов в области возобновляемых источников энергии с участием китайских компаний, суммарная мощность которых составляет 1140,85 МВт. В рамках 13 заседания обсуждены проекты по строительству парогазовой установки мощностью 160 МВт на площадке ТОО «МАЭК» [230].

В сфере нефтяных перевозок продолжается работа над расширением нефтепровода Казахстан-Китай, включая участки Атырау-Кенкияк и Кенкияк-Кумколь. Кроме того, успешно развивается сотрудничество в газовой сфере. Казахстан продолжает экспортировать природный газ Китай через газопровод «Центральная Азия – Китай», что способствует укреплению энергетической безопасности региона. Важная роль Казахстана также отмечается в транзите газа из Туркменистана и Узбекистана в Китай.

Стороны также обсудили дальнейшие перспективы сотрудничества в области атомной энергетики. В частности, обсуждалась возможность расширения транзита природного урана через территорию Китая в третьи страны.

В качестве развития новых инициатив казахстанская сторона приветствовала инициативу китайской стороны по проведению форума

энергетического сотрудничества «Китай – Центральная Азия». Также была достигнута договоренность о проведении 14-го заседания Подкомитета по сотрудничеству в области энергетики на территории Китая в 2025 году, что также важно для продвижения устойчивого диалога по развитию сотрудничества в сфере энергетики.

Для реализации Экономического пояса Шелкового пути по мнению экспертов необходимо еще 30 лет, хотя самой инициативе уже больше 10 лет. В будущем к КНР не менее амбициозные планы создания «семи поясов» (транспорт, энергетика, торговля, информация, туризм, аграрный и научно-технический сектора).

2.2 Внешнеполитические и энергетические интересы КНР в Туркменистане: принципы, эволюция, особенности

На современном этапе по запасам природного газа Туркменистан занимает четвёртое место в мире после России, Ирана и Катара. Всего в стране насчитывается 22 газовых месторождения, которые полностью разработаны, а остальные 6 месторождений имеют потенциальные запасы газа. Среди газовых месторождений наиболее важными являются Дулетабат, Саман-депе и Галкыныш. Дулетабат расположен недалеко от границы с Ираном, и запасы этого месторождения оцениваются в 1,2 трлн. млрд. куб. м. [231]. В настоящее время это месторождение является основным источником трубопровода «Центральная Азия — Центр» в северном направлении.

Газовое месторождение Саман-Депе относится к Багтыярлыкскому району, который считается вторым по величине месторождением природного газа в стране с доказанными запасами, оцениваемыми в 1,3 трлн. млрд. куб. м. Багтыярлыкский район разрабатывается в рамках Соглашения о разделе продукции, подписанного между Туркменистаном и CNPC в 2017 году сроком на 30 лет [232]. Самое важное газовое месторождение Туркменистана, ранее известное как Южный Иолотань-Осман и переименованное в Галкыныш, открыто в 2006 г. и считается вторым по величине газовым месторождением в мире по доказанным запасам. Месторождение Галкыныш стало основным экспортным направлением для Китая, как считает Саймон Пирани, по причине того, что разработка месторождения контролируется китайской компанией CNPC, где добыча составляет 30 млрд. куб. м в год [232].

Основная политика страны в отношении газового сектора заключается в диверсификации экспортных маршрутов страны, чтобы избежать монополии России. В первые годы независимости России было выгодно быть единственным связующим звеном Туркменистана с другими рынками, по расчётам Равшана Ибрагимова, она ввела квоту, ограничивающую экспорт Туркменистана на европейский рынок 11 млрд. куб. м. [233, с. 144]. Россия прекратила действие этой квоты в 1994 году, чтобы заставить Туркменистан экспортировать газ только в Украину и бывшие советские республики. Кроме того, Россия покупала туркменский газ по более низким ценам и перепродавала его на европейский

рынок по более высоким ценам, поскольку это было дешевле, чем разрабатывать оставшиеся российские месторождения. После взрыва на газопроводе «Центральная Азия - Центр» и разногласий с Россией по поводу цены и контрактных условий, Туркменистан обратился к альтернативным маршрутам, таким как Иран и Китай [234].

В настоящее время Туркменистан имеет 3 различных потенциальных маршрута для экспорта газа - в Россию, Иран и Китай. Мощность маршрута экспорта туркменского газа в Россию составляет 50 млрд кубометров, в Иран - 20 млрд кубометров и, наконец, в Китай - 55 млрд кубометров. В последнее время Китай стал основным партнером Туркменистана в газовом секторе. По итогам 11 месяцев 2022 года в Китай было экспортировано газа на 9,28 млрд долларов США [235].

Для китайского руководства вопрос энергетической безопасности традиционно относится к сфере национальной безопасности, который следует рассматривать на самых высоких уровнях политической пирамиды. Высокие темпы роста, урбанизация и впечатляющие социальные преобразования совпали с истощением и нехваткой природных и минеральных ресурсов (в основном ископаемого топлива) внутри страны.

Китай столкнулся с необходимостью обеспечения энергетической безопасности за счет внешних источников. В этой связи страны Центральной Азии стали рассматриваться как удобные партнеры, через территорию которых можно осуществлять не только транзит энергоресурсов из других стран, но сами страны превратились в прямых поставщиков нефти и газа на китайский рынок. Калашников Д.Б., описывая китайскую помощь развитию, отмечал отсутствие со стороны Китая ожиданий политических уступок в обмен на свою финансовую поддержку. Основными принципами предоставления финансовой помощи со стороны Китая являются – равноправное партнерство и отсутствие дополнительных условий. Данные принципы отличаются от принципов других крупнейших политических и экономических акторов [236]. У западных авторов вызывает критическую реакцию заявления официальных лиц КНР, которые дипломатическим языком говорят об основных принципах сотрудничества, где чаще всего встречаются такие темы как добрососедская дружба, взаимное доверие, взаимная выгода, равенство, консультации и стремление к достижению общих целей развития (Бернардо Мариани) [237].

Политика Китая в Центральной Азии не ограничивается вопросами энергоресурсов. Как отмечается в Белой книге о мирном развитии Китая 2011 года, «главными целями китайской дипломатической политики являются защита мира во всем мире и содействие совместному развитию» [238]. Для Китая, которому так важна борьба с «тремя силами зла» - терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, вопрос экономического развития Синьцзяна выдвигается на передний план. Способствуя экономическому развитию, Китай также концентрирует свои усилия по обеспечению региональной безопасности в Синьцзяне и в Афганистане, в частности исходя из того факта, что большинство

транспортных маршрутов из Центральной Азии в Китай тесно связаны с Синьцзян-Уйгурским автономным районом.

Политика Китая строится на «Пяти принципах мирного сосуществования 1957 года» (невмешательство, равенство, уважение, ненападение и мирное сосуществование) при этом государство позиционирует себя как «ответственная великая держава» (фу зерен де дагуо) [239]. Правительство КНР подчеркивает, что не стремится к гегемонии и не хочет навязывать свою волю другим государствам [240]. Китай на фоне усиления своей мощи начал поднимать вопрос о создании нового миропорядка, учитывающего интересы всех стран и предполагающего взаимную выгоду.

На этом фоне значимость Туркменистана для Китая возросла, хотя в начале 1990-х годов отношения между двумя странами носили лишь представительский характер и не проявляли особого интереса друг к другу. Постепенно на фоне разработки природных богатств Туркменистаном правительство Китая стало проявлять свой интерес к данной стране. В 1994 году китайская компания CNPC подписало соглашение с Министерством нефти Туркменистана о строительстве трансграничного газопровода во время визита премьера Госсовета КНР Ли Пэна [241, с.130]. Согласно технико-экономическому обоснованию, совместно проведенному CNPC, Exxon и Mitsubishi в 1996 г., стоимость проекта должна была составить около 12 млрд долл. США [242], но проект был отложен.

На новом этапе энергетического сотрудничества, начиная с 2000 г., подписываются новые соглашения, в том числе на высшем уровне. Председатель КНР Цзян Цзэминь и Сапармурат Ниязов в соглашении подтвердили участие корпораций из Китая в разведывательных процессах и добыче нефти и природного газа в Туркменистане. Также договорились о вводе проекта по строительству трубопровода «Туркменистан - Китай» [243].

Во внешней политике КНР произошли некоторые изменения, «принцип добрососедства» трансформировался в «принцип глобального добрососедства». Так была разъяснена активность КНР в различных государствах мира, в том числе на «китайской периферии», а именно по отношению к странам Центральной Азии. На 16-м съезде КПК в 2002 г. северо-западной «периферии» Китая было уделено особое внимание. Председатель Ху Цзиньтао выдвинул девиз «великие державы – это ключ, а периферия – приоритет» (大国是关键·周边是首要/ дагуо ши гуанжан, жоуибиян ши шоуяо) [244]. Год спустя бывший премьер Вэнь Цзябао сформулировал концепцию «доброго, безопасного и богатого соседства» в качестве всеобъемлющего описания целей Китая в отношении периферийных государств [245].

Расширение энергетического сотрудничества было начато после подписания в апреле 2006 г. правительствами Китая и Туркменистана соглашения о строительстве трубопровода «Центральная Азия-Китай», по которому туркменский газ стал поступать в Китай через территорию Узбекистана Казахстана. Причиной поворота Туркменистана в сторону Китая

было названо автором Кэтлин Дж. Хэнкок, «бегством из России в поисках Китая», так как «Туркменистан возлагает надежды Китай, который тяготеет к природному газу» [246].

В июле 2007 г., китайская компания CNPC подписала Соглашение о разделе продукции при проведении разведки и разработки газовых месторождений на правом берегу Амударьи, а также Соглашение о поставках в объеме 30 млрд. куб. м в год в течение 30 лет, начиная с начала эксплуатации газопровода Туркменистан-Китай в 2009 г. Строительство трубопровода было начато в июле 2008 г., и первоначальная стоимость составляла более 8 млрд долл. США. В западных источниках информация прошла под названием «туркменская сырая нефть, газ и окружающая среда пробуждаются в Южном Каспии» [247]. В настоящее время газопровод «Центральная Азия-Китай» состоит из трех параллельных линий, каждая из которых протянулась на 1830 км, а общая мощность поставок составляет 55 млрд куб. м газа в год, что составляет более 30 процентов от годового потребления природного газа в Китае [45, BP Global].

После визита президента Г.Бердымухамедова в Китай в 2007 г. двусторонние отношения укрепляются. Частые встречи президента Туркменистана с председателем КНР Ху Цзиньтао наладили более тесное взаимодействие между странами. Китайские национальные нефтегазовые компании заняли лидирующие позиции в туркменском газовом секторе. Китай с готовностью взял на себя расходы по привлечению аффилированных с CNPC компаний к строительству трубопровода «Центральная Азия-Китай», первоначальная стоимость которого оценивалась в 8 млрд долл. США [248]. Ставилась цель диверсифицировать поставщиков энергоресурсов и найти альтернативные маршруты транспортировки энергоносителей вдали от США.

Ведущую роль в освоении энергоресурсов Туркменистана сыграла Китайская Национальная Нефтегазовая Корпорация (CNPC). CNPC вошла в энергетический сектор быстрее и через большее количество каналов сотрудничества, чем любой из предыдущих партнеров Казахстана и Туркменистана в энергетическом секторе за последнее десятилетие. CNPC участвовала во всех соглашениях с Туркменистаном, выдвинула проект соглашения от 2007 г. о разработке газовых месторождений на реке Амударья, а также соглашение о покупке доли, что является четким сигналом того, что Туркменистану отдается стратегическое значение. Более того, инвестиции CNPC в Туркменистан были одобрены правительством, так как иностранные инвестиции свыше 30 млн долл. США должны быть одобрены Национальной комиссией развития и реформ (NDRC), а те, что превышают 200 млн долл. США, должны быть сначала рассмотрены NDRC, а затем одобрены Госсоветом [249, с.85].

Для того чтобы укрепить свое влияние в стране, китайские власти грамотно и дипломатично используют свое экономическое преимущество в качестве рычага влияния. Например, Туркменистан смог приобрести китайское буровое оборудование, благодаря значительной финансовой поддержке со стороны

Китая, в виде кредита с низкими процентами на сумму 25 миллионов долларов США [249, с.86]. Кроме того, в период начала глобального финансового кризиса 2008 года, со стороны Китая Туркменистану было предоставлено 8 миллиардов долларов США кредита, что помогло туркменскому правительству, испытывающему нехватку денежных средств избежать обращения в международные финансовые институты, где процентные ставки были бы значительно выше. Более того, в 2007 г. Китай предоставил туркменским вооруженным силам высокоточное снаряжение и обмундирование, а также предоставил кредит в размере 3 млн долларов США на военные нужды [234, с.21].

В июне 2012 г. было подписано новое соглашение об увеличении поставок газа из Туркменистана в Китай по газопроводу «Центральная Азия – Китай» [250]. В сентябре 2013 г., CNPC и национальная газовая компания Туркменистана «Туркменгаз» подписали дополнительное соглашение на покупку 25 млрд куб. м газа на рыночных условиях, а также контракт на проектирование, закупку и строительство газового месторождения «Галкыныш» для создания мощностей по добыче газа в объеме 30 млрд куб. м. Китай является единственным иностранным инвестором, имеющим прямой доступ к крупному сухопутному газовому месторождению в Туркменистане, возможно как в знак признания КНР в качестве ведущего потребителя и инвестора в энергетической сфере [251].

В 2013 г. китайской стороной было определено долгосрочное видение китайской дипломатии, которое направлено на создание добрососедства, основывающееся на таких понятиях как справедливость, развитие, сотрудничество и взаимная выгода [252]. Как результат, провозглашенная инициатива «Один пояс и один путь» стала одним из результатов этой политики добрососедства. Основные проекты, реализуемые в Туркменистане в рамках инициативы «ОПОП»:

1) Газопровод Центральная Азия-Китай состоит из четырёх магистральных участков: протяженность в Узбекистане составляет 180 км, по территории Таджикистане 400 км, по Кыргызстану – 215 км, остальная часть газопровода будет проходить на территории Китая.

2) Международный транспортный коридор «Север-Юг» направлен на усиление экономического взаимодействия и сотрудничества между Россией-Ираном-Туркменистаном-Казахстаном и Китаем.

3) Железная дорога Китай-Казахстан-Узбекистан-Туркменистан-Иран является решением вопроса о скоростной доставке грузов с Восточного Китая на рынки стран Персидского залива. Первый пробный контейнерный поезд был пущен по маршруту еще в 2016 году.

4) открытый в 2018 году порт Туркменбаши (бывший Красноводск) рассматривается в качестве регионального хаба, соединяющего Европу и Азию.

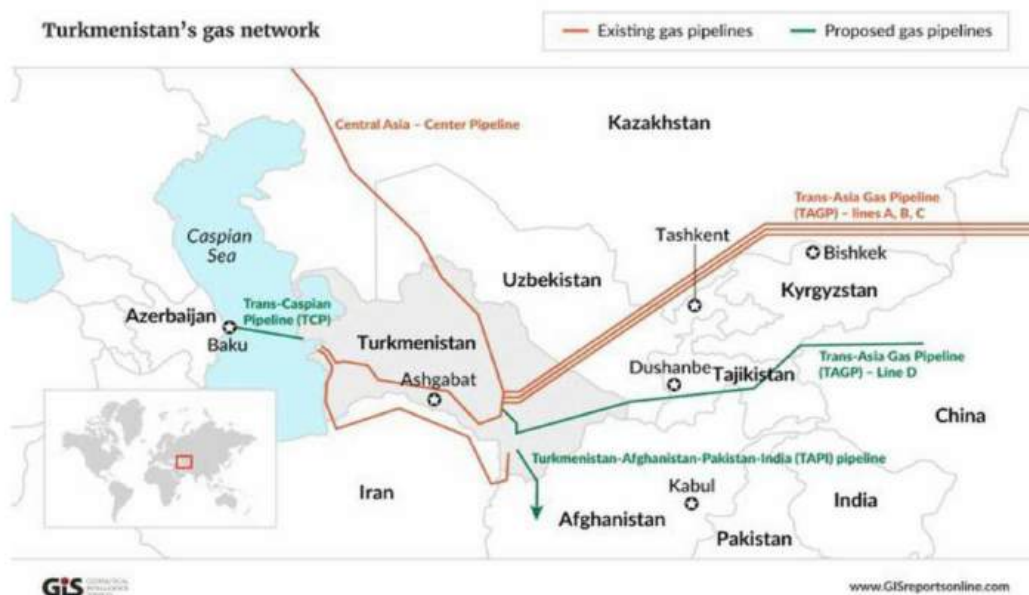
Согласно мнению американского ученого Марты Брилл Олкотт, эта политика позволила постепенно вытеснить Россию и США в Центральной Азии,

потому что китайская сторона привлекает щедрыми торговыми и кредитными условиями без вмешательства во внутреннюю политику. Кроме того, инвестиции Китая в индустрию и инфраструктуру стран региона, согласно М.Б.Олкотт, помогают им ослабить зависимость от России [243].

Так, Китай и Туркменистан сделали еще один шаг вперед, признав прогресс во всех областях сотрудничества и установив стратегическое партнерство [253]. Политический диалог сопровождался стремительным ростом торгово-экономических связей, что отразилось на показателях объема двустороннего товарооборота, который увеличился с примерно 83 млн долларов США в 2003 г. до 10,5 млрд долл. США в 2014 г. [41]. В 2014 г. Китай и Туркменистан подписали Договор о дружбе и сотрудничестве, Совместную декларацию о всестороннем углублении китайско-туркменских отношений дружбы и сотрудничества и План развития отношений стратегического партнерства на 2014–2018 годы, подчеркнув свою заинтересованность в работе во благо мира и стабильности. Две страны провозгласили совместную решимость и далее укреплять более тесную связь в различных областях, включая борьбу против «трех зол» и продвижения мира и стабильности. По мнению Президента Туркменистана, сотрудничество КНР и его страны не зависит от международной конъюнктуры: «Туркмено-китайское взаимодействие имеет долгосрочный характер и выстраивается в полном соответствии с подписанным нашими странами в 2013 г. соглашением об установлении отношений стратегического партнерства. А это означает, что они не зависят от международной конъюнктуры, времени или ситуативных факторов, не подвержены влиянию извне» [254].

В марте 2014 г. дочерняя компания CNPC Trans-Asia Gas Pipeline Company Limited подписала соглашение с компанией ОАО «Таджиктрансгаз», о совместном строительстве линии D газопровода «Центральная Азия-Китай», что позволило увеличить пропускную способность газопровода до 65 млрд. куб. м газа в год, сделав его крупнейшей газотранспортной системой в Центральной Азии [251; 253], и продолжено предметное обсуждение проекта строительства «четвертой нитки» или ветки D из Туркменистана в Китай. Отличие маршрута четвертой нитки от остальных веток заключается в том, что он планировался от границ Туркменистана через Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан в южную и центральную часть СУАР Китая. Протяженность магистрали составляет около 1840 км, пропускная мощность – 33 млрд м³ в год. В 2015 г. Был назван «знаковым годом для экспорта туркменского газа в Китай» [255], так как «нефтяной дракон увеличил добычу на месторождениях Туркменистана» [256].

На современном этапе наблюдается более активное вовлечение Туркменистана в китайско-центральноазиатские энергетические проекты. По данным PipeChina к середине 2022 г. за 12 лет по магистральному газопроводу Центральная Азия-Китай было поставлено более 400 млрд м³ природного газа, около 40 млрд м³ в год.

Источник: Stefan Hedlund, 'Turkmenistan Comes into Focus,' Geopolitical Intelligence Services, 25 March 2019 [257].

В начале 2023 года были проведены переговоры между президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым с председателем КНР Си Цзиньпином в Доме народных собраний. Дата их встречи – 6 января совпала с 31-й годовщиной со дня установления дипломатических отношений между двумя странами. Символично, именно в этот день 2023 года стороны заявили о том, что китайско-туркменские отношения подняты на новый, более высокий уровень всестороннего стратегического партнёрства [258]. По итогам переговоров были подписаны документы о сотрудничестве в рамках проекта «Один пояс – один путь», в сфере цифровой и зеленой экономики, в вопросах здравоохранения, в области культуры и спорта, информации и СМИ, а также по сотрудничеству в газовом секторе. В контексте «формирования сообщества единой судьбы» Китай показывает глубокий интерес во взаимодействии с Туркменистаном. Стороны выразили готовность в новых международных реалиях искать новые точки роста экономического сотрудничества и точки соприкосновения интересов в различных областях.

В целом, продвижение Китая в его связях с Туркменистаном объясняется несколькими факторами. Во-первых, Китай может предложить финансовую поддержку и масштабные инвестиционные пакеты в масштабах, недоступных для западных компаний. Во-вторых, некоторые аналитики утверждают, что успех Китая проистекает из его политики невмешательства во внутренние дела и принятия им существующих неформальных правил.

2.2.1 Туркмения и Китай в энергетических проектах ОПОП: риски и перспективы

Инициатива «Экономический пояс Шелкового пути» в 2013 году ускорила связь между странами, расположенными в Евразии, углубила всестороннее и

многопрофильное сотрудничество Китая с государствами, расположенными вдоль маршрута ЭШП. Туркменистан, расположенный на юго-западе Центральной Азии, вблизи Каспийского моря, имеет значительные преимущества в качестве важного узла вдоль «Экономического пояса Шёлкового пути». В новую эпоху глобализация мировой экономики сталкивается с проблемами, сложная и изменчивая энергетическая ситуация, и укрепление энергетического сотрудничества между Китаем и Туркменистаном имеют большое геополитическое и экономическое значение для реализации стратегии диверсификации импорта энергии, обеспечения энергетической безопасности Китая, углубления экономического и торгового сотрудничества в энергетических проектах ОПОП.

На фоне строительства «Экономического пояса Шелкового пути» торгово-экономическое и энергетическое сотрудничество между Китаем и Туркменистаном становится все более тесным. Особое географическое положение Туркменистана и богатые минеральные ресурсы имеют большое геополитическое и экономическое значение для обеспечения энергетической безопасности Китая. Энергетическое сотрудничество между двумя сторонами имеет в целом устойчивую основу для взаимодополняемости спроса и предложения энергии и развития особых торговых отношений [259].

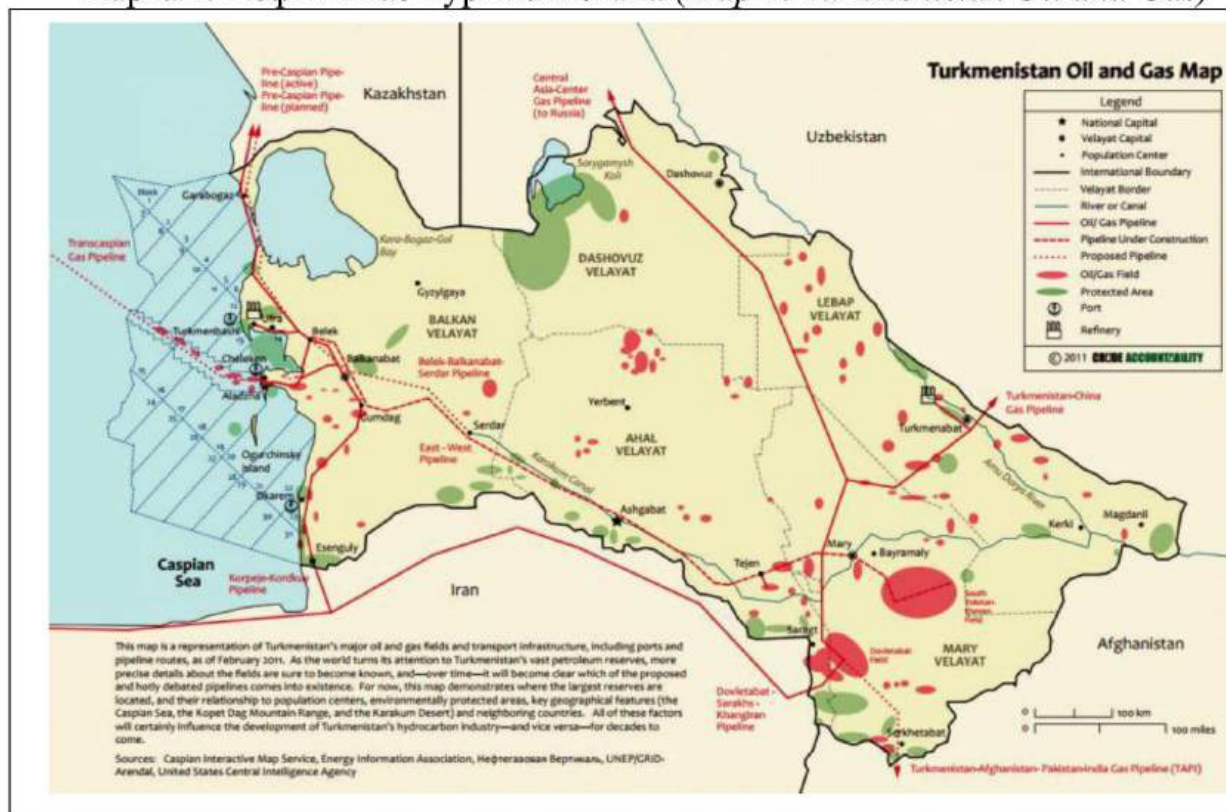
Учитывая нейтральный статус Туркменистана, который не участвует в политической борьбе за геополитическое влияние в Евразии, вместо этого предпочитая сотрудничать не с частными компаниями, а с долгосрочными и надёжными партнёрами. Внешнеполитические цели Туркменистана и региональные энергетические проекты реализуются в соответствии с выбранной политикой вечного нейтралитета.

Запасы энергетических ресурсов Туркменистана значительны: страна обладает одним из крупнейших в мире запасов газа. Согласно анализу ежегодной энергетической статистики «BP» за несколько лет (с 2018 по 2021 год) и единственному независимому аудиту, проведенному в стране компанией British Gaffney, Cline, Associates, запасы природного газа Туркменистана составляют 26,2 триллиона куб., что соответствует 12,7 процента от общего объема мировых запасов. Туркменистан занимает четвёртое место по объемам разведанных запасов природного газа в мире.

Стоит отметить, что в бытность СССР Туркменская ССР занимала второе место по объемам экспортируемого природного газа после РСФСР. В объемах поставок в республики бывшего Советского Союза, доля России составляла 92 млрд кубометров, а Туркменистана 78,7 млрд кубометров. В рамках этой системы Туркменистан получал квоту в твёрдой валюте на экспорт 13 млрд кубометров в Европу [260]. Для сравнения, Азербайджан производил 8 млрд кубометров в год для потребления на месте [260]. В то время как Россия и Туркменистан служили основными источниками газа для Советского Союза, Азербайджан был одним из его основных источников нефти. После обретения независимости пути двух братских союзных республик разошлись. Долгое время

Туркменистан продолжал поставлять около 30 млрд куб. газа в год в Россию по традиционным советским трубопроводным системам, основанным на оси Юг-Север. Туркменистан без перебоев получал доходы от добычи газа, что удовлетворяло потребности бюджета страны и не требовало срочных иностранных инвестиций.

Карта 1. Нефть и газ Туркменистана (*Map 1. Turkmenistan Oil and Gas*)

Source: Turkmenistan Oil and Gas Map. Eurasian Security. [261].

Китайская Народная Республика в конце прошлого столетия становится основным импортером газа из Туркменистана. Иран был каспийским партнером, но объемы импортируемого природного газа из Туркменистана не могут превзойти нынешние китайские потребности. В 2013 г. ученые А. Вавилов и Г. Трофимов утверждали об этом, что чрезмерные попытки Москвы установить контроль над ценами на поставки Центрально-азиатского газа, а также крупный взрыв имевшее место на газопроводе в 2009 г. на территории Туркменистана привели к резкому падению объемов экспорта в Россию [260]. Это подтолкнуло Туркменистан к необходимости пересмотра ценовой политики, необходимости оплаты долгов и перехода к стратегии диверсификации экспорта, усилить контакты с Китаем и Ираном. В настоящее время, по оценкам международных энергетических агентств, «доказанные и вероятные запасы природного газа в Каспийском бассейне в 292 триллиона кубических футов», из них только в Туркменистане примерно 265 триллионов кубических футов. Запасы нефти составляют 11 млрд тонн, что также относится к одному из самых больших запасов в мире.

Сегодня Ашхабад способен на поставки в размере до 50–80 млрд куб. природного газа в год, но может и удвоить этот объем при наличии необходимой логистической инфраструктуры. Этому мешает отсутствие геологических исследований, и технико-экономические обоснования не позволяет иностранным инвесторам оценить прямые выгоды от потенциальных совместных проектов. Таким образом, нет других возможностей для достижения уступок и консенсуса между иностранными инвесторами и государственными органами.

Эволюция энергетического сотрудничества Китая и Туркменистана со времени установления дипломатических отношений в 1992 г. претерпело изменения, отмеченное периодами стагнации и углубления сотрудничества. В 1994 г. был дан официальный старт отношениям между Китаем и Туркменистаном в энергетической сфере, было подписано первое соглашение о намерениях в области энергетики. Постепенно Китай становился основным потребителем туркменского газа.

Надо отметить, что в Туркменистане энергетический рынок контролируется государством и требуются сотрудничество с государственной компанией «Туркменгаз», а иногда и с рядом других партнеров, что создает дополнительный уровень контроля со стороны партнерских организаций и компаний. Параллельно согласно международным соглашениям, частные иностранные компании заинтересованы в инвестициях в разведке месторождений и в получении профильных контрактов о разделе продукции частным компаниям, занимающимся добычей нефти; однако самые выгодные контракты – это контракты, включающие добычу газа. К примеру, по состоянию на 2015 г. только две компании имеют СРП на разработку береговых газовых площадок: China National Petroleum Corporation International (2007 г.): Сухопутный контрактный участок Багтыярлык на правом берегу реки Амударья на востоке страны. 19,8 млн кубометров нефти в сутки в 2013 г. и 8 млрд кубометров природного газа в год в 2014 году. Burren Resources Petroleum Limited (в 1996 г. приобретена итальянской ENI в 2007-2008 гг.): Контрактный участок на суше Нейбитгаз в западном Туркменистане, увеличение добычи нефти с 30 000 баррелей в сутки в 2007 г. до 12 000 баррелей в 2009 г. [262].

В 1997 г. для Китая был открыт рынок Туркменистана для экспорта инженерно-технической продукции. Китайская сторона стала поставлять услуги для реконструкции скважин на месторождении «Победа» и участия в добыче туркменской нефти. В 2002 г. Китай предоставил полный комплект оборудования для разработки месторождения Куддак в Туркменистане. Китайская нефтеразведка внесли свой вклад в техническую поддержку в модернизацию добычи на месторождении Гюмдаг, что эффективно продемонстрировало нефтегазовые технологии и возможности управления проектами энергетических предприятий и заложило основу для существенного энергетического сотрудничества между Китаем и Туркменистаном.

Существует два основных типа соглашений - соглашение о разделе продукции (СРП) и соглашение о совместном предприятии (СП). СРП — это тип контракта, по которому принимающее государство предоставляет компании права на разведку и добычу ресурса в обмен на долю, прибыли от добычи ресурса. В Туркменистане СРП структурированы на основе международной Модели СРП, является универсальным для всех компаний, а уполномоченным органом СРП в Туркменистане является Национальный комитет по углеводородным ресурсам. Рассмотрим общую основу для установления отношений сотрудничества между Туркменистаном и иностранными инвестиционными компаниями, поскольку у правительства Туркменистана есть обоснованные опасения относительно рисков, связанных с распределением контрактов.

Экспорт газа приносит основные и важные статьи доходов бюджета. По оценкам Resource and Governance, экспорт природного газа и нефти составляет 44% доходов бюджета Туркменистана [263]. Согласно официальным данным Азиатского банка развития (АБР), энергетический сектор составляет 90% от общего объема туркменского экспорта и способствует почти полному росту промышленности на 11,4 процента, включая производство продуктов питания, строительство и машиностроение. Энергетический сектор по-прежнему остается основным источником дохода и финансирования национальных программ развития. Поэтому правительство прилагает усилия к тому, чтобы эти доходы служили национальным интересам. С 1997 г. Туркменистан активизировал разведку природного газа, доказанные запасы которого составляют уже 19,5 трлн куб, что намного выше, чем в Китае.

Туркменский газовый рынок зависит от экспорта в Китай, куда идет почти 60% всего экспорта, в то время в Россию и Иран менее 20 %. Учитывая, что правительство Туркменистана приступило к стратегии диверсификации экспорта энергоносителей и объявило в 2015 г. о коммерческой разработке второго по величине в мире месторождения природного газа «Галкыныш», расположенного на юго-западе страны. Для разработки этого месторождения природного газа туркменское правительство использует кредиты и инвестиции из Китая, необходимые для строительства дополнительных трубопроводов [264]. В разработке находятся и другие крупные действующие месторождения, а именно Даулетабад, Малай, Корпедже, Багтыярлык (Саман Деппе и Алтын Асыр) и Шатлык.

В соответствии с условиями кредитного соглашения, «Туркменгаз» и Банк развития Китая подписали второй этап развития Галкыныша. Туркменистан оставляет за собой право разведки газовых месторождений своими национальными компаниями, но из этого правила есть исключение. Китайская CNPC - единственная иностранная компания, получившая СРП на работу на береговом газовом участке Багтыярлык [265].

Деятельность CNPC в Туркменистане свидетельствует об особенностях и взаимосвязанности политики, энергетики, экономики и других аспектов

двусторонних взаимоотношений. Так, согласно договорным условиям, безопасность иностранной компании обеспечивается правительством КНР, с которой подписано соглашение, также в случае возникновения спора компания будет нести ответственность, установленную правительством Китая

Туркменистан, нацеленный к большей самостоятельности от доминирования России над национальным экспортом, согласился получить кредит от китайского правительства в обмен на гарантированные поставки газа, а также права на разработку одного из доходных месторождений газа. На газовом месторождении «Галкыныш» действуют компании Petrofac International LLC (ОАЭ), китайская корпорация CNPC, Chuanging Drilling Engineering Company Limited и южнокорейский консорциум LG International и Hyundai Engineering Co. Ltd. Благодаря данным компаниям, были построены три газоперерабатывающих завода общей годовой мощностью 30 млрд куб. \$9,7 млрд. [266].

На основе крупных китайских кредитов продолжается строительство и развитие инфраструктуры, был построен трубопровод «Центральная Азия – Китай», Одним из наиболее важных фактов о трубопроводе является то, что он имеет двойное владение. Китайская сторона получила право на разработку участка «Багтыярлык» - одного из крупнейших береговых газовых месторождений в Туркменистане. Таким образом, инвестиции были разделены между Китаем и тремя странами Центральной Азии - Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Это дало возможность Китаю владеть каждым маршрутом газопровода без риска того, что страны Центральной Азии прекратят подачу газа в случае возникновения конфликтов друг с другом [267].

В 2006 г. энергетическое сотрудничество между Китаем и Туркменистаном достигло эпохального развития. В Общем соглашении о реализации проекта газопровода «Китай – Туркменистан», четко определено, что с 2009 по 2039 год Туркменистан будет поставлять в Китай 30 млрд куб. газа в год. Энергетическое сотрудничество между Китаем и Туркменистаном вступило, таким образом, в существенную фазу и стороны приступили к строительству первого трансграничного газопровода общей протяженностью магистральной до десяти тысяч (10 000) км. В 2008 г. было достигнуто согласование того, что Туркменистан будет поставлять 40 млрд куб. газа в год, а затем достигнет 65 млрд куб. газа. С завершением строительства и вводом в эксплуатацию в 2009-2010 годах газопроводов «А» и «В» в Центральной Азии Китай стал крупнейшим импортером природного газа Туркменистана, а газопровод «Центральная Азия» стал самым безопасным и стабильным экспортным каналом для экспорта туркменского газа.

В последующие годы политические, торгово-экономические связи между Китаем и Туркменистаном углубились, а энергетическое сотрудничество стало более тесным. Начиная с 2011 г., Китай и Турция договорились о создании долгосрочного и стабильного механизма энергетического сотрудничества для дальнейшего ускорения процесса строительства газопровода. Самый длинный в мире транснациональный газопровод Центральной Азии был построен по

линиям «А», «В» и «С» с мощностью 25 млрд куб. газа. Линия «D», строительство которой было начато с туркменских месторождений в 2014 г. пошла в Синьцзян, Китай через У, Башню и Цзи, тесно связав все пять стран Центральной Азии с Китаем с проектной мощностью передачи газа 30 млрд куб. в год. В 2020 г. газовая магистральная система была завершена, она ведёт к беспроигрышному для стран региона ЦА результату, как для ресурсных стран, так для стран транзитёров и потребителей. В то же время Китай получил право у Туркменистана на добычу природного газа в прибрежной части, тем самым туркменский газ достиг полностью охватил отраслевую цепочку Туркмении. В 2017 г. экспорт энергоносителей в КНР достиг рекордно высокого уровня. Сотрудничество Китая и Туркменистана в энергетической сфере перешла в зрелую фазу [268].

Китайско-туркменские отношения обрели устойчивый и взаимовыгодный характер, основанный на взаимодополняемости спроса и предложения в энергетической сфере. Так, в Китае уровень потребления нефти и газа значительно превышает уровень внутреннего производства, для удовлетворения внутреннего спроса Китай активно наращивает объёмы импорта энергоресурсов. У Туркменистана же иное положение – превышение производства энергоресурсов позволяет им ориентироваться на экспорт своей продукции. К 2020 году Туркменистан планировал достичь целевых показателей по добычи природного газа в объёме 187,7 миллиардов кубометров в год, 130 миллиардов из которых планировались направить на экспорт. Такой дисбаланс внутренних потребностей и экспортного потенциала основал стратегическое партнёрство в энергетической сфере с Китаем, который является одним из крупнейших потребителей туркменского газа.

Китай и Туркменистан имеют высокую энергетическую торговую зависимость. Государственный визит председателя КНР Си Цзиньпина в сентябре 2013 г. и подписанные документы повысили уровень отношений между Китаем и Туркменистаном до стратегического сотрудничества. Китай является одним из самых крупных торговых партнёров Туркменистана в течение семи лет подряд, достигнув 40 млрд долларов США в период с 2012 по 2016 г., и в 2017 г. его торговля с Туркменистаном оставалась сильной и составила 6,94 млрд долларов США, что на 17,6 процента больше, чем годом ранее. Взаимодополнение в энергетической сфере Китая и Туркменистана очевидно. Что касается Туркменистана, то, несмотря на исключительно богатые запасы нефти и газа, он также испытывает технологическую и современную моральную отсталость при освоении нефтяных и газовых ресурсов, нехватку современного оборудования и инвестиций. Эти причины ослабляют производственные мощности и снижению темпов в развитии энергетической промышленности, что не соответствует стратегическому планированию энергетической сферы. Для Китая, несмотря на наиболее упорядоченную систему поставок энергии в мире, внутреннее энергоснабжение далеко не отвечает высококачественному спросу на энергию.

Структура торговли между Китаем и Туркменистаном уникальна главным образом потому, что на экспорт природного газа приходится значительная доля, на протяжении многих лет он неуклонно растёт. На импорт Китаем природного газа из Туркменистана приходится 52 % потребления, что подтверждает значительную зависимость от газа Туркменистана.

Таким образом, Китай и Туркменистан намерены не только поддерживать друг друга в энергетической стратегии, они координируют интеграцию энергетической промышленности. Страны достигли наибольшей согласованности в сотрудничестве в таких областях, как энергетика и телекоммуникации. Нефтегазовые компании с Китая и государственные предприятия с Туркменистана, работающие в сфере энергоресурсов, продемонстрировали общие интересы – современные нефтяные и газовые технологии Китая широко используются в разработке нефти и газа и строительстве трубопроводов в Туркменистане. Китайские производственные компании, китайские рабочие и китайский капитал также активно используются на крупных газовых месторождениях Туркменистана. Инвестиционный капитал Китая, технологии и другие факторы производства играют большую роль в развитии и расширении энергетической отрасли Туркменистана, в оптимизации его энергетической структуры, улучшении баланса спроса и предложения на энергию, в укреплении координации между Китаем и Туркменистаном в энергетической отрасли [259].

Китайский взгляд на анализ рисков в торговле в нефтегазовой сфере между Китаем и Туркменистаном свидетельствует об эффективности сотрудничества, о предсказуемости с обеих сторон. При структурировании государственно-частных отношений учитываются три основных вопроса:

- во-первых, выбор компаний;
- во-вторых, тип соглашения;
- в-третьих, механизмы финансирования [259].

Регулирование вышеуказанных трех вопросов в области рисков основывается на следующих принципах:

- Ашхабад обладает богатыми природными ресурсами, которые обеспечивают большую часть доходов своего бюджета. Таким образом, у правительства очень высокие ставки и ответственность за потенциальный провал некоторых проектов, что объясняется то, почему оно не склонно к риску и не открывает свою отрасль легко.

- Общая цель регулирования рисков в Туркменистане состоит в том, чтобы побудить частные компании максимально увеличить свои усилия и получить вознаграждение от правительства. В свою очередь, это приносит принимающему государству максимальную прибыль. Идеальный тип регулирования включает мониторинг и оценку, а не вмешательство в операции и расторжение контрактов в качестве наказания за невыполнение.

В данном случае выполнение контрактов на данном принципе весьма уязвимо [269]. Вместе с тем остаётся ряд рисков:

- Риски, связанные с государственным управлением Туркменистана. Политическая и экономическая система страдает хрупкими демократическими основами и тенденцией к авторитарному управлению. Признаётся, что степень модернизации государственного управления недостаточна; присутствует неравномерное распределение нефтяных и газовых ресурсов; нередко вмешательство правительства в международные проекты; распространены коррупционные схемы при поиске арендной платы, при заключении договоров и их реализации [270].

Критика в отношении Туркменистана сводилась к следующим основным претензиям. Туркменистаном было принято несколько нормативных актов – Закон о внешнеэкономической деятельности, Закон об иностранных инвестициях и Закон об иностранных концессиях, они не являлись достаточно совершенными и оперативными для того, чтобы внешнеэкономические связи работали на привлечение иностранных инвестиций. Зарубежные компании постоянно выражали недовольство административным вмешательством со стороны местных учреждений в дела иностранных предприятий и проектов, связанные с иностранными инвестициями, что является серьезным препятствием и ограничением для иностранных инвестиций.

С целью предотвратить риски, связанные с процессом отбора компаний, которым подвергается правительство и репутационные риски, в Туркменистане введена обязательная регистрация филиалов частных иностранных компаний [270].

Туркменистан сталкивался с непредвиденными рисками и случаями судебного разбирательства с иностранными компаниями, пример тому, участие в арбитраже в 1996 г. с компанией Bidas SAPIC из Аргентины, которая имела контракт с JVA Yashlar с 1991 года [271]. Тендерный процесс на газовый участок Яшлар в Туркменистане был проведен при содействии компании WaveTech Geophysical Inc. (США), принадлежащей миллиардеру Э. Гендельману. Этот правовой спор вращался вокруг контракта между Bidas и туркменским правительством и был описан в работе Кирстен Биндеман. Стороны оспаривали вопрос наличия соглашения и необходимости его соблюдения или объявить о его недействительности. Стороны потребовали компенсации за предполагаемые нарушения. Bidas SAPIC призвал суд признать Туркменистан виновным в нарушении соглашения JVA Yashlar, тогда как Туркменистан приводил доводы в пользу ненадлежащих процедур, многочисленных нарушений в виде невыполнения соглашений и обязанностей Bidas. Компания Bidas не поставляла добытую продукцию на международный рынок и, таким образом, препятствовала установлению мировых рыночных цен на туркменский природный газ как внутри страны, так и за ее пределами.

Суд признал факт использования компанией Bidas покровительства для продвижения своих интересов при получении и реализации JVA Yashlar, также выяснилось, что WaveTech и Bidas организовали торги, не допустив участия в торгах на JVA Yashlar двадцати других компаний. Судебное дело «JVA Yashlar»

(СП «Яшлар») – Bidas и выявленные обоюдные нарушения вызвало разногласия и постановку вопроса по эксплуатации трубопроводов, а дефолт затруднил получение инвестиционных средств для будущих предприятий. Практика ликвидации энергетической монополии в сфере электроэнергетики была тиражирована в нефтегазовой отрасли [272].

Таким образом, Туркменистан как принимающее государство берет на себя не только экономические, но и политические риски. Хотя принимающая страна может предпринять любые законные или незаконные действия против инвестора, не обязательно, что правительство воспользуется этим положением, поскольку это наносит ущерб имиджу государства и уменьшает количество потенциальных инвесторов.

Необходимо отметить и реформы в этой сфере. Так, в 2024 году принят новый Закон Туркменистана от 30 марта 2024 года Об энергосбережении и энергоэффективности [273]. Закон устанавливает правовые, экономические и организационные основы стимулирования энергосбережения и повышения энергоэффективности в стране. Документ определяет основные понятия, такие как энергетическое обследование, энергетический паспорт, нормы расхода топливно-энергетических ресурсов и другие. В документе прописаны права и обязанности потребителей топливно-энергетических ресурсов. Закон вводит обязательные энергетические обследования объектов и зданий, определяет порядок проведения энергоаудитов. Предусмотрены меры стимулирования энергосбережения, в том числе льготные кредиты, налоговые преференции и тарифная политика.

Новый закон закрепляет принципы правового регулирования в области энергосбережения, среди которых научно-техническая и экономическая обоснованность энергосберегающих мероприятий, приоритет внедрения энергоэффективного оборудования, технологий и материалов [274].

В соответствии с законом, краткосрочные программы энергосбережения и энергоэффективности разрабатываются сроком на один год, долгосрочные – сроком на пять лет. Закон определяет компетенции государственных органов в сфере энергосбережения и контроля за соблюдением требований.

Особое внимание уделено международному сотрудничеству и информационному обеспечению в области повышения энергоэффективности.

Политическая стабильность Туркменистана в целом зависит от международных и внутриэкономических условий. Колебания международных цен на энергоносители, изменение структуры мирового спроса и предложения на энергию, нестабильность на финансовом валютном рынке будут способствовать продолжению в развитии проектов нефти и газа, а также прямо или косвенно повлиять на стабильность и долгосрочность энергетического сотрудничества Китая и Туркменистана.

Геополитические риски Туркменистана в сфере энергетики связаны с тем, что страна, не имея выход к открытому морю, ограничена в экспортных возможностях по морю, и использует преимущественно сушу. Энергетическая

промышленность Туркменистана при поддержке Китая восстановила производственные мощности, а строительство газопровода из Центральной Азии повысило зависимость Китая от экспорта энергоносителей, что привело к его желанию избавиться от такой зависимости.

Китайские ученые доказывают, что торговля энергоресурсами между двумя странами является взаимодополняющей. Однако энергетическое сотрудничество имеет тенденцию к ослаблению (стагнации), главным образом из-за намерения Туркменистана осуществлять стратегию энергетической диверсификации, открывать новые рынки и возвращаться вокруг «баланса великих держав» для получения максимальной выгоды. В дополнение к китайско-российскому рынку Туркменистан успешно построил газопровод в Иран, туркменский индийский газопровод (ТАПИ, мощностью около 33 млрд куб. газа в год) начал строительство в 2015 г., а газопровод в Европу мощностью 30 млрд куб. включён в национальное экономическое планирование Туркменистана. Нет сомнений в том, что эта стратегия имеет риск для Китая в отношении устойчивых поставок нефти и газа.

Риск транзита нефте- и газопроводов. Торговля нефтью и газом между Китаем и Туркменистаном в основном основана на транзите нефте- и газопроводов, в то время как четыре газопровода А/В/С и D (в процессе строительства) центральноазиатских нефте- и газопроводов сталкиваются с большими рисками транзитных перевозок из-за большого количеством трансграничных стран (через Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан и др. страны) и из-за протяжённых линий и сложности эксплуатации. Несмотря на то, что политическая ситуация в странах ЦА остаётся в целом стабильной, сохранение религиозных, этнических расколов и террористических актов в Центральной Азии создает непредсказуемые риски для инвестиций Китая в энергетику и создаю риски безопасности в эксплуатации трубопроводов. Имеются трудности в эксплуатации нефте- и газопроводов из-за протяжённых линий и внешнего воздействия.

Риски на международных финансовых рынках в нынешней международной ситуации становятся все более интенсивными, что приводит к большой волатильности в глобальном экономическом развитии, оказывают влияние на финансовые рынки и цены на энергоносители. Колебания мировых цен на нефтяные и газовые ресурсы, изменение структуры спроса и предложения энергии и нестабильности на рынке финансовых фьючерсов влияет на продолжение проектов развития нефти и газа, на стабильность энергетического сотрудничества с Китаем. В процессе строительства Китая экономического пояса Шелкового пути важность оценки рисков на международных финансовых рынках будет все более очевидной.

Пути укрепления и углубления политического взаимного доверия прошли апробацию со времени установления отношений в 1992 г. Обе страны поддерживает добрососедские и дружественные отношения. С продвижением «Экономического пояса Шелкового пути» углубляется энергетическое

сотрудничество Китая и Туркменистана в таких важных отраслях как энергетическая, химическая. Китайскими энергетическими компаниями, согласно рекомендациям, используют гибкие и разнообразные методы сотрудничества как с отечественными, так и с зарубежными энергетическими компаниями в рамках международных договоренностей по внедрению китайских передовых технологий, инвестиций, для создания большего числа рабочих мест и условий для развития местной экономики и достижения экономической взаимной выгоды.

В настоящее время идет процесс формирования взаимовыгодных зон свободной торговли с участием обеих стран. Столкнувшись со сложной и изменчивой международной ситуацией, Китай придерживается реформ и открытости. Туркменистан имеет большой профицит с Китаем, который взял на себя инициативу по снижению тарифов, преодолению торговых барьеров, дерегулированию торговли, снижению торговых издержек с Туркменистаном, укреплению торговых связей, достижению свободной торговли и достижению беспроигрышной ситуации в торговле между двумя странами. Китай намерен и дальше активно участвовать в строительстве инфраструктуры Туркменистана, которая по-прежнему отстает и не способствует экономическому развитию страны и торговому синергизму. Китай взял на себя инициативу по стыковке, используя свои собственные инфраструктурные преимущества для повышения транспортного потенциала страны и обеспечения гарантии устойчивого сотрудничества.

Китай также содействует экономическому сотрудничеству даже в такой области, как сельское хозяйство. В Туркменистане заложен большой потенциал развития сельскохозяйственными ресурсами, и Китай должен активно экспортировать сельскохозяйственных культур, поэтому предприняты шаги по участию капитала КНР в развитии и оживлении сельского хозяйства, тем самым способствуя сотрудничеству в смежных отраслях. Китай, кроме прочего, содействует развитию финансовой интеграции. В финансовом сотрудничестве с Туркменистаном КНР укрепляет нефтяной юань, добиваясь свободного обращения в стране, помогает модернизации финансовой системы Туркменистана, повышая уровень замещения финансовых активов.

Перспективы повышения уровня энергетического сотрудничества заключаются в дальнейшем укреплении сотрудничества в области технологий разработки нефти и газа. Перспективы заключаются в слиянии и поглощении энергетических предприятий. Китайские нефтегазовые предприятия имеют более продвинутый технический и управленческий опыт, и, активно участвуя в слияниях и поглощениях между энергетическими предприятиями Туркменистана, они могут повысить операционную эффективность и конкурентоспособность предприятий, повысить уровень занятости и доходов и способствовать совместному строительству сообщества судьбы; наконец, скорректировать стратегию разработки нефти и газа. Из-за богатых природных ресурсов Туркменистана сотрудничество между Китаем и Туркменистаном

сосредоточено главным образом на разработке природного газа и строительстве трубопроводов, а сотрудничество в нефтяной сфере недостаточно глубокое. Каспийский регион Туркменистана богат дальновидными запасами нефти, и Китай будет укреплять разработку и инвестиции в нефтяной сектор и рассматривает проект создания параллельного трубопровода нефти и газа.

Глобальные запасы нефти и газа сокращаются и в сочетании с ограничениями на добычу нефти и газа Китай переходит на новые источники энергии, переходит к чистой энергии. Считается, что это станет новой точкой роста мировой энергетики. Несмотря на то, что Туркменистан переживает пиковый период добычи нефти и газа, страна богата возобновляемыми источниками энергии - солнечной, ветровой, водной энергией. Имеются идеи в решении проблемы истощения нефти и газа, в совершенствовании системы энергетического сотрудничества.

Китай лидирует в мире по новым технологиям в области новой энергетики, что дает сторонам незаменимые преимущества сотрудничества. Таким образом, в будущем энергетическое сотрудничество между Китаем и Туркменистаном может принять «двухпутный» механизм энергетического сотрудничества, одновременно продвигая двустороннее сотрудничество в области нефти, газа и новой энергетики.

2.3 Энергетическая дипломатия Китая в Центральной Азии

Энергия является чрезвычайно важной движущей силой развития мировой экономики. Энергия напрямую влияет на качество жизни миллиардов людей в мире, а также на экономическое развитие и политические процессы всех стран мира. В последние годы непрерывный рост спроса на энергию, вызванный глобальным экономическим развитием, также побудил различные страны усилить внимание к вопросам энергетической безопасности. Различные страны начали конкурировать за энергию. В то же время усиливаются все более серьезные экологические проблемы, изменение климата, истощение ресурсов и так далее, а мировая энергетическая безопасность сталкивается с множеством проблем [275, с. 91].

Именно 1993 год стал важным годом в истории развития энергетики Китая. Китай стал нетто-импортером нефти, импортировав в тот год 8,93 млн тонн нефти. В последние годы спрос на нефть в Китае быстро увеличился с 3,4 млн баррелей в день до 7,5 млн баррелей в день. В 2003 г. Китай обогнал Японию и стал вторым по величине импортером нефти в мире. Рост спроса на нефть в Китае составил почти 40% мирового прироста. Согласно прогнозу Международной энергетической организации, спрос на нефть в Китае вырастет до 14,2 миллиона баррелей в день в 2025 г., из которых 10,9 млн баррелей придется импортировать [276, с.52].

С развитием экономики потребление энергии Китаем становится все больше и больше, явление нехватки энергии становится все более заметным, а степень зависимости от внешней энергии становится все выше и выше. Статус импорта

энергоносителей, особенно нефтяных ресурсов, напрямую связан с экономическим развитием и социальной стабильностью Китая. Это требует от Китая проведения активной энергетической дипломатии для поддержания энергоснабжения и энергетической безопасности Китая [277].

Значение энергетической дипломатии в контексте энергетической безопасности важно для Китая. С рыночной точки зрения изменения в потреблении нефти в Китае стали фактором, влияющим на изменения в мировой экономике. С политической и дипломатической точки зрения международное сообщество требует от Китая поиска источников энергии политически разумным и ответственным образом. Что касается Китая, то, когда дело доходит до поиска нефтегазовых ресурсов за рубежом, Китай повышает прозрачность взаимодействия между правительством и бизнесом, чтобы повысить доверие международного сообщества к Китаю [277, с.25].

Международный энергетический порядок является важной частью международного политического и экономического порядка, и иррациональность и несправедливость международного политического и экономического порядка занимают важное место в международном энергетическом порядке. Судя по картинке, мы видим, что развитие спроса и предложения на энергоносители в мире серьезно несбалансировано. Большинство поставщиков нефти относятся к группе развивающихся стран, в то время как большинство стран, нацеленных на спрос, составляют развитые государства. В современных международных отношениях доминируют развитые индустриальные страны, а права и интересы развивающихся стран, особенно стран с формирующейся рыночной экономикой, не нашли должного отражения. В книге китайского исследователя Хан Лихуа «Энергетические игры» анализируются ведущие страны мира, которые политически доминируют и имеют военное присутствие в основных нефтегазодобывающих регионах, контролируя таким образом основные каналы транспортировки нефти и стратегические точки в мире [277].

Таким образом, стратегия энергетической дипломатии Китая может помочь Китаю получить преимущество в существующем международном энергетическом порядке, а также может активно готовиться к установлению нового энергетического порядка.

Статус энергетической дипломатии, когда социалистическая модернизация Китая вступила в критический период, встала проблема нехватки энергии, что ограничивает экономическое развитие Китая. Сможет ли он надежно и стабильно получать энергоснабжение, стало основным вопросом, связанным с будущим развитием Китая. Стабильность источников энергии и безопасность транспортировки энергии требуют поддержки эффективной дипломатической деятельности правительства (Сюй Бо) [278].

В прошлом китайская дипломатия больше фокусировалась на том, как добиться мирной и стабильной окружающей среды для модернизации и как поддерживать экономические интересы Китая в международных экономических обменах. Энергетические вопросы не находятся в центре внимания

экономической дипломатии страны и не занимают важного места в общей дипломатической деятельности Китая. Однако проблема нехватки энергии становится более заметной, и она стала одним из основных препятствий для устойчивого экономического развития Китая. Поэтому, акцент китайской дипломатии смещается. Энергетическая дипломатия стала центральной частью китайской дипломатии [278].

Энергетическая дипломатия Китая формировалась в процессе поиска за рубежом энергоресурсов по причине недостаточности энергии для внутреннего развития страны и с целью достижения уровня достаточности/самообеспечения энергией [279]. С момента начала нефтяной дипломатии Китая в 1970-х годах, с 1993 г. в качестве границы, Китай осуществил преобразование из чистого экспортера нефти в чистого импортера нефти. После 1993 г., хотя Китай активно внедрял правительственный макроконтроль, импорт нефти, который тесно связан с экономическими тенденциями, все еще быстро увеличивался, а внутренняя добыча нефти и газа в Китае далеко не соответствовала рыночному спросу. Внутреннее потребление энергии в Китае огромно. Общий объем импорта сырой нефти (70,26 млн тонн) только по статистике Китайской таможни в 2000 г. увеличился на 92% по сравнению с 1999 годом (36,61 млн тонн) [45].

Кроме того, Китай импортировал 97 миллионов тонн чистой нефти в 2003 году, обогнав Японию и став вторым по величине потребителем сырой нефти в мире, а его зависимость от иностранной нефти достигла 36,4%. Согласно опыту международной энергетической безопасности, если страна на импорт нефти составляет 30% внутреннего потребления, это вызовет проблемы с нефтяной безопасностью. Когда импорт нефти в страну достигает 80-100 миллионов тонн, страна должна использовать дипломатические, экономические, военные и другие средства для обеспечения безопасных поставок собственной нефти.

В последние годы, в связи с постоянным развитием экономики Китая, спрос Китая на энергию становится все больше и больше. Внутренний спрос на сырую нефть в Китае увеличивается примерно на 4%, в то время как темпы роста внутренней добычи нефти в Китае составляют всего около 2%. Но в течение долгого времени внутренний спрос Китая на нефть будет расти, а ситуация с нефтяной безопасностью Китая станет более серьезной [280]. Добыча нефти в Китае не сможет удовлетворить рост внутреннего спроса на нефть в ближайшие несколько десятилетий, поэтому Китай должен искать зарубежные нефтяные ресурсы в качестве дополнения.

Проблемы, стоящие перед дипломатией для снижения уровня энергетической безопасности Китая. Риски безопасности по-прежнему серьезны, существует острая необходимость в расширении более практической энергетической дипломатии.

Помимо вышеупомянутого увеличения нефтяной зависимости Китая от иностранных источников из-за быстрого увеличения импорта нефти Китаем, есть много других проблем, которые угрожают энергетической безопасности Китая. Во-первых, источник импорта нефти слишком сконцентрирован, то есть

нефть, импортируемая из определенного региона мира, составляет чрезмерную долю от общего импорта нефти Китаем. Согласно статистике таможи, в настоящее время Китай импортирует больше всего нефти с Ближнего Востока. С 1995 по 2000 год доля ближневосточной нефти в импортируемой Китаем нефти выросла с 45,5% до 53,6% [280]. И в следующие несколько десятилетий Ближний Восток также станет одним из основных источников энергии Китая. Во-вторых, безопасность транспортировки энергоносителей за границу. Большую часть импортируемой Китаем нефти необходимо транспортировать по морю, а для морского нефтяного пути Китай может обеспечить ограниченную защиту и столкнуться со многими трудностями. Кроме того, быстрый рост мировых цен на энергоносители, нестабильность международной политической ситуации и региональная политическая ситуация — все это важные факторы, влияющие на энергетическую дипломатию Китая.

Возникающие энергетические вызовы побуждают КНР активно проводить энергетическую дипломатию, способствующую диверсификации источников импорта энергоносителей. Эта стратегическая мера позволяет не только минимизировать риски зависимости от отдельных поставщиков, но и укрепить энергетическую и экономическую безопасность страны.

Исторические предпосылки эволюция энергетической дипломатии Китая. Энергетическая дипломатия Китая тесно связана с макроэкономическим фоном глобального предложения и спроса на энергоресурсы, имеет глобальные характеристики и логику, а также коренится в собственном спросе на энергию и стратегии развития Китая. По разному содержанию политики энергетическую дипломатию с 1949 по 2012 год можно разделить на следующие четыре этапа.

Энергетическая дипломатия Китая в первые 20 лет (1949 - начало 1970-х гг.) середины XX века основной упор делал на социалистические страны. В тот период Китай не имел ни ресурсов, ни способности разрабатывать ресурсы, имел статус «бедной нефтью страны». В конфронтационных условиях экономической блокады США Китай имел возможность импортировать сырьевую нефть только из стран социалистического лагеря, возглавляемых СССР. С 1949 по 1963 год общий объем импорта нефти Китаем достиг 31,23 миллиона тонн, из которых нефть, импортированная из СССР, составляла 74% от общего объема импорта [279, с.99].

Эта импортированная нефть эффективно гарантировала экономическую и политическую независимость Китая, способствовала восстановлению национальной экономики и способствовала войне в Корее. В то же время Китай получил техническую помощь в области нефти, газа и электроэнергии от СССР, Румынии, Восточной Германии и других стран. Импорт сырой нефти из СССР резко упал с 3,05 миллиона тонн в 1959 году до 38000 тонн в 1965 году, обуславливаясь ухудшением китайско-советских отношений в 1950-х годах. Инцидент на острове Чженьбао в 1969 году послужило причиной приостановить торговлю нефтью между СССР и Китаем. Позднее Китай осознавая свою самодостаточность сырой нефтью и полагаясь на добычу в таких

месторождениях нефти, как Дацин и Шэнли, Китай гарантировал энергетическую безопасность [279, с.101].

С 1964 по 1973 год за 10 лет в Китай было импортировано всего 6,8 миллиона тонн нефти. Основными источниками импорта являлись Румыния и Албания, потому что политическое значение торговли нефтью намного превышало экономическое значение. На тот момент со стороны трех государств наблюдаются общие потребности стратегического характера в упорной работе в вопросе усиления экономических и торговых связей, а также противостояние изолированности от международного сообщества.

Этап «стратегия выхода за рубеж»: с начала 1970-х по 1993 г. характеризуется увеличением добычи сырой нефти в Китае подряд достигала рекордных максимумов. В 1978 г. она превысила отметку в 100 млн тонн, и Китай имеет способность экспортировать нефть.

В указанный период официальный Пекин усердно работал над установлением дипломатических отношений с множеством западных стран и странами третьего мира. Установление дипломатических отношений со многими странами значительно улучшило международную обстановку для Китая. В то время энергетическая дипломатия Китая не предусматривала сотрудничества со странами социалистического лагеря, в большей степени активизировались они в области энергетики со странами остального мира. КНР начал активно продвигать экспорт в основном в соседние страны Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, среди них была даже Япония. Торговля нефтью между Китаем и Японией под влиянием кризиса в нефтяном секторе на Ближнем Востоке, в условиях улучшения китайско-японских отношений развивалась по принципу разумных, но высоких цен. Благодаря этому Китай мог получать дополнительный валютный доход, который превышал среднюю цену на международном сырьевом рынке, сложившемся в то время. Постепенно Китай активно внедрял передовые энергетические технологии, оборудование и менеджмент других стран. К примеру, Китай провел глубокий анализ энергетического сектора Франции, и с 1986 года начал работать совместно с французской стороной в строительстве первой крупномасштабной атомной электростанции в Китае. Также для развития разработки морских месторождений нефти и электроэнергии в 1980-х годах Китай совместно с Бразилией приняли соглашения о тесном научно-техническом сотрудничестве.

Техническое сотрудничество в области энергетики стало основным средством энергетической дипломатии Китая. Основными целями энергетической дипломатии Китая были углубление отношений со странами и осуществление двустороннего сотрудничества. Однако энергетическая дипломатия в этот период также имела временные ограничения.

С появлением нефтяного вопроса в международной политике наступил этап поиска и утверждения стран-импортёров энергоносителей (1993-2002 гг.). В 1993 году Китай снова начал больше импортировать нефти и все его внимание было сфокусировано на поддержании энергетической безопасности и

обеспечении поставок нефтяными ресурсами. В этот период ключевым элементом энергетической дипломатии Китая становится глубокий анализ сотрудничества в вопросе импорта нефтяных ресурсов с африканскими странами и странами Ближнего Востока. Динамичный характер дипломатических отношений Китая и Ближнего Востока наблюдаются с середины 1990-х годов, благодаря налаживанию стабильных и долгосрочных торговых связей с ведущими нефтедобывающими странами региона. Особое внимание Китай уделяет укреплению партнерства с Саудовской Аравией и Ираном. Также, на международной энергетической арене со стороны Китая проявляются такие активные действия, как активная защита интересов стран-экспортеров нефти на многосторонних международных форумах, активное участие в программе ООН «Нефть в обмен на продовольствие» в Ираке, оказание экономической помощи некоторым странам и ведение военной торговли с рядом государств [279]. Дружественное развитие в китайско-африканских отношениях проявлялось в увеличении объемов импорта нефтяных ресурсов из ряда таких африканских стран, как Судан, Демократическая Республика Конго, Ангола, Нигерия, Габон, Экваториальная Гвинея и ряда других стран. Такой подход со стороны Китая позволил ему диверсифицировать свои энергетические поставки и укрепить свои позиции на мировом рынке энергетических ресурсов.

С 1995 г. Китай начал напрямую инвестировать в африканские нефтяные проекты, чтобы уменьшить свою чрезмерную зависимость от ближневосточной нефти. Помимо этих двух ключевых областей, Китай также осуществляет энергетическое сотрудничество с Россией, Казахстаном, Австралией, Брунеем, Норвегией, Великобританией и другими странами. Ряд мер позволил добиться замечательных результатов: с 1995 по 2002 г. импорт нефти Китаем увеличился с 17,1 млн тонн до 70,26 млн тонн. Доля импорта сырой нефти из Саудовской Аравии в общем импорте Китая выросла с 2% до 16,4%, а доля сырой нефти из Африки увеличилась с 10,8% до 27,16% [279].

Прежде чем перейти к характеристике современной международной энергетической дипломатии Китая рассмотрим зависимости, на которые КНР ориентируется при выборе страны/региона с целью ведения политики, направленной на всестороннее энергетическое сотрудничество, либо на всестороннюю конкуренцию в сфере энергетики. Наиболее релевантными индикаторами являются доля страны/региона в мировом энергопотреблении, рост энергопроизводства и их доля в мировом производстве и потреблении энергии. В таблице ранжированы и выделены значения, наиболее важные для дипломатического сопровождения энергетической политики.

Китайской энергетической дипломатии отводится важная роль на пути развития отношений с энергетическими странами и всестороннего сотрудничества. Этот путь в хронологическом плане занимает долгий период, примерно 2003–2022 гг., а сама деятельность дипломатии направлена главным образом на увеличение объемов сотрудничества, на диверсификацию энергетических каналов, и, кроме того, на запуск и реализацию актуальной

энергетической дипломатии чистой энергии, что нередко связывают с политикой в области зелёной энергетики.

Таблица – 1. Энергопотребление и энергопроизводство в мире по странам и регионам, наиболее важным для Китая

Страна / Регион	Рост энергопотребления в регионе / Growth in region's energy consumption	Доля региона в мировом энергопотреблении / Share of global energy consumption Region's	Рост производства электроэнергии в регионе / Growth in region's energy production	Доля региона в мировом производстве энергии / Region's share of global energy production
Китай	+2, 5 %	+0 1%	+15, 7%	-2, 6%
США	+ 1,2%	17, 8 %	+1, 6 %	15, 5 %
Средний Восток	+4 4%	6, 4%	31, 7%	17, 3%
Индия	+7, 1%	4,9%	+6, 4%	6, 2%
ЕС/ EU	-3, 9%	12, 5%	+8, 2%	-1, 4%
Бразилия	+2, 5 %	2, 3%	11, 2 %	2, 0%
Африка	+2, 8 %	3, 2%	-2, 3%	5, 8%
Россия	- 1,2%	5, 3 %	+ 0, 6 %	-4,3%
Казахстан	+6, 3%			
Туркменистан	+3-4, 0 %			

Источник: составлено автором на основе статданных UNdata

В 2000-х годах Китай уделяет внимание импорту сырой нефти и энергии со стран Африки, Южной Америки и СНГ. Для КНР безопасность, а особенно в сфере энергетики всегда была на первом месте. И несмотря на противоречия и конкуренцию с США и ЕС, посредством переговоров Пекин смог наладить с ними дипломатическое сотрудничество в сфере чистой энергии. Начиная с 2005 года проведены технические обмены, установлено партнерство в области изменения климата, созданы исследовательские центры. С 2009 года Китай партнер США в области возобновляемых источников энергии. В 2015 году Пекин подтвердил приверженность ЦУР (цели устойчивого развития), сотрудничая не только с западными странами, но с ЮВА.

Характеристики современной китайской энергетической дипломатии. Выбор стран-экспортеров нефти и газа Китая в качестве приоритетного направления и совместное построение энергетического сообщества с общим будущим. В январе 2016 года президент Си Цзиньпин посетил Саудовскую Аравию, Египет и Иран и впервые предложил концепцию сообщества энергетического сотрудничества. В апреле 2017 г. Китай уточнил и реализовал эту концепцию. Так, КНР активно развивает энергетическое партнерство, опираясь на усиление политических связей, способствующих устойчивому и долгосрочному энергетическому взаимодействию. Это позволяет Китаю не только обеспечить стабильные поставки энергоресурсов, но и укреплять свое влияние на международной арене.

С 2013 г. Китай установил и углубил двусторонние партнерские отношения со многими странами-экспортерами нефти и газа. Например, в рамках

«Всеобъемлющего стратегического партнерства» Китай и Россия активно осуществляют энергетическое сотрудничество и поддерживают стыковку энергетической стратегии на высоком уровне. Россия стала крупнейшим поставщиком сырой нефти в Китай четыре года подряд с 2016 г. В 2018 г. российская нефть составляла 15,48% от общего импорта сырой нефти Китая. Кроме того, строительство газопровода двух стран началось в июне 2015 г. и планируется ввести в эксплуатацию в 2024 г.

Китай не только устанавливает отношения торговли энергоресурсами, но и способствует сотрудничеству в области энергетических технологий, добычи ископаемых и геологоразведки. Китай активно углубляет сотрудничество во всей производственной цепочке разведки, добычи, переработки, хранения и транспортировки нефти и природного газа.

Китай активно продвигает расчеты в юанях в торговле нефтью, пытаясь бороться с доминирующим положением доллара США в области мировых расчетов по сырой нефти. Хотя инициатива Китая только началась, она уже получила положительные отклики во многих нефтедобывающих странах.

Энергетическая дипломатия Китая фокусируется на чистой энергии и активно ведет глобальный энергетический переход. С 2013 г. энергетическая дипломатия Китая уделяет большое внимание экологически чистой энергии и поддерживает ее. Для разных стран сотрудничество Китая в области чистой энергетики имеет разные направления. Энергетическое сотрудничество между Китаем и развитыми странами в основном сосредоточено в технической сфере. Китай наладил механизм сотрудничества со многими развитыми странами, активно ведет инвестиционные переговоры и совместные исследования. Сотрудничество между Китаем и развивающимися странами в основном сосредоточено на инвестициях и помощи. С одной стороны, Китай может помочь развивающимся странам решить проблему энергетической бедности. С другой стороны, он может также сократить технологический разрыв между странами в процессе перехода к энергетике. В то же время Китай активно продвигает мирное использование ядерной энергии во всем мире. По состоянию на апрель 2019 г. Китай подписал соглашения о сотрудничестве в мирном использовании ядерной энергии между правительствами более чем 30 стран.

Энергетическая дипломатия Китая. Инициатива «Один пояс, один путь» в сфере энергетики проявляется в корректировке моделей экономики, продвижение сотрудничества КНР с другими странами. Как регион, расположенный вдоль пояса и пути, Центральная Азия не только имеет богатые запасы нефти, но и имеет низкий внутренний спрос, поэтому Центральная Азия имеет большой экспортный потенциал. Кроме того, Центральная Азия и Китай прилегают друг к другу на границе, что удобно для транспортировки. Для стран Центральной Азии через канал Китая также удобно транспортировать нефть на основные рынки Восточной Азии, что снижает их неудобство, связанное с удаленностью от моря. Открытие рынков в Восточной Азии также поможет Центральной Азии избавиться от монополии России на экспорт нефти и поможет

странам Центральной Азии обрести независимость в области энергетики. Также одним из ключевых регионов для проекта «Один пояс, один путь» является регион Южной Азии, т.к. энергетическое сотрудничество с Южной Азией не только создаёт прочную основу для развития энергетической дипломатии в рамках инициативы, но и позволяет Китаю продемонстрировать свою политику добрососедства и дружбы через конкретные практические шаги.

Необходимо отметить, что энергетическая дипломатия Китая претерпевает серьезные перемены в части инновационного развития. Это выражается в сокращении использования традиционных видов энергии и увеличения возобновляемых источников энергии (ВИЭ).

Так, значительно заметно сокращение темпов ввода угольных теплоэлектростанций (ТЭС) в КНР в 2024 г. Если в 2023 г. в стране было подключено к сети 48,1 гигаватта (ГВт) угольных ТЭС, то за первую половину 2024 г. – лишь 8,6 ГВт, что стало минимальной полугодовой отметкой за более чем двадцать лет. С одной стороны, сказывается ужесточение конкуренции с низкоуглеродной энергетикой, где за последнее десятилетие произошло серьезное сокращение издержек. Если в 2012 г. нормированная стоимость выработки электроэнергии на наземных ветроэлектростанциях в КНР составляла \$0,08 за киловатт-час (кВт*Ч), то в 2022 г. – \$0,03 за кВт*Ч (в постоянных ценах), согласно данным Международного агентства по ВИЭ (IRENA). Аналогичный показатель для солнечных панелей за тот же период снизился с \$0,21 до \$0,04 за кВт*Ч. Удешевление технологий стало одной из причин резкого ускорения темпов ввода ВИЭ. По оценке Rystad Energy, в 2023 г. общий ввод ветровых и солнечных генераторов в КНР достиг 293 ГВт, хотя еще в середине 2010-х годовые темпы ввода едва превышали отметку в 50 ГВт. При этом Китай нарастил инвестиции в строительство атомных реакторов более чем вдвое в период с 2019 по 2023 гг. – с \$6,4 млрд до \$14 млрд соответственно (в постоянных ценах). По данным МАГАТЭ, в период с 2019 по 2023 гг. было введено в эксплуатацию 10 атомных реакторов общей «чистой» мощностью 10,2 ГВт. В результате Китай к сегодняшнему дню вышел на третье общемировое место по установленной мощности АЭС (54,2 ГВт против 61,4 ГВт во Франции и 97,0 ГВт в США) [281].

Важным фактором для китайской электроэнергетики остается и целенаправленное закрытие угольных ТЭС с длительным сроком эксплуатации. По данным Global Energy Monitor, в Китае в период с 2000 по первую половину 2024 г. было отключено от сети 124 ГВт угольных ТЭС, что более чем на 10% эквивалентно мощности угольных электростанций, действующих к сегодняшнему дню в КНР. Впрочем, в структуре электрогенерации по-прежнему доминирует твердое топливо: если на долю угля в 2023 г. в КНР приходилось 60,7% выработки электроэнергии, то на долю «ветра» и «солнца» – в общей сложности лишь 15,5%, в том числе из-за зависимости ВИЭ от погодных условий. Доля всех прочих источников, включая АЭС и гидроэлектростанции, составляла 23,8% [282].

Понятно, что источники ВЭ имеют большей частью местное значение и использование их пока локализовано, однако темпы, которые набирает Китай в этой сфере, впечатляют и соответствуют стратегии диверсификации энергетической дипломатии.

Энергетическая дипломатия Китая и международные многосторонние механизмы в качестве платформы сфокусированы на укреплении глобального управления энергетикой. С одной стороны, Китай активно выдвигал предложения и планы в энергетическом секторе на платформе глобального управления. С другой стороны, Китай создал платформу многостороннего сотрудничества на основе Китая, такую как Платформа энергетического сотрудничества Китай-ЕС, Энергетическое партнерство «Один пояс, один путь» и т. Д. Эти механизмы не только способствуют сотрудничеству на правительственном уровне, но также предоставляют различные дипломатические каналы для китайских энергетических компаний, отраслевых ассоциаций и научно-исследовательских институтов.

Энергетическая дипломатия Китая добилась значительного прогресса, но она также сталкивается с некоторыми нерешенными проблемами, такими как геополитические вызовы, нетрадиционные угрозы безопасности и ухудшение китайско-американских отношений. Китаю не хватает благоприятной платформы для глобального и регионального управления энергетикой. В настоящее время Китай выдвинул множество инициатив и присоединился ко многим механизмам, но имеет мало прав на осуществление, и эффект управления по-прежнему незначителен. Поэтому энергетическая дипломатия Китая должна активно исследовать новые стратегии, которые могут обеспечить энергетическую безопасность и стабильность, а также сфокусироваться на выработке новой политики лидерства или, как минимум, энергетической независимости, что очень важно при современном уровне развития страны.

3 ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЕ НОВОГО «ШЁЛКОВОГО ПУТИ» КИТАЯ: ФОРМАТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

3.1 Концепция «Экономического пояса Шёлкового пути» и проектное сотрудничество

В ходе своей лекции в Назарбаев Университете в Астане (2013 году), Си Цзиньпин впервые озвучил концепцию Экономического пояса Шелкового пути. Он заявил о общей стратегической цели, которая есть у Китая и стран Центральной Азии. Краеугольным камнем была экономическая стабильность и процветание. Си Цзиньпин предлагал использовать преимущества географической близости для межгосударственного политического диалога учитывая принципы уважения, общности интересов для развития государств [280].

Для достижения целей инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» были определены пять приоритетных направлений:

- содействие политической координации и региональной интеграции;
- создание современной транспортно-логистической инфраструктуры (Тихий океан-Балтийское море);
- расширение торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества;
- укрепление финансовых систем и стимулирование использования национальных валют в трансграничных расчетах;
- укрепить гуманитарное сотрудничество особенно в социальной сфере стран-участниц [283].

Концепция «гармоничного мира», основанная на «социализме с китайской спецификой» Китая, была представлена на 17-м съезде КПК в 2007 году, установив образ Китая как «великой ответственной державы». Понимание инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) требует признания принципов внешней политики Китая: неприсоединения, не конфронтации, конструктивности и обязательства не нацеливаться на третьи стороны [283, с.18-24].

Экономическая стратегия Китая сосредоточена на расширении доступа на рынки для своих товаров и компаний. Это достигается за счет улучшения отношений с другими странами, особенно соседями. Хотя некоторые критикуют этот подход, он способствовал замечательному экономическому росту Китая в 21 веке.

После своего визита в Астану в 2013 году Си Цзиньпин продвигал «Морской шелковый путь 21 века» в Юго-Восточной Азии. После обе концепции - сухопутного и морского шелкового пути сошлись в инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП) и стали основной стратегией во внешней экономической политике Китая, который определяет целую серию процессов в различных регионах и в том числе, в Центральной Азии.

Позднее в марте 2015 года, опубликованный совместный документ Министерством иностранных дел Китая, Министерством торговли и Национальной комиссией по развитию и реформам, подробно изложил принципы реализации ОПОП: политическое сотрудничество, либерализация торговли, развитие инфраструктуры, культурный обмен и свободный поток капитала. Все эти принципы стали мега инициативой, определяющей экономические и энергетические процессы в Евразии.

Важно отметить, что принципы ОПОП соответствуют Уставу ООН и «Пяти принципам мирного сосуществования» Китая: мирное сосуществование, равенство государств, уважение территориальной целостности и суверенитета, невмешательство во внутренние дела и ненападение [284].

Инициатива ОПОП, основанная на четырех основных принципах: взаимная выгода, мир и сотрудничество, взаимное обучение, открытость и толерантность, стала стратегией развития не только для Китая, но и для стран, которые охватывают ее. Ключевым стремлением было создание трех сообществ, разделяющих ответственность, интересы и судьбу, на основе политического взаимодействия, экономического сотрудничества и культурной толерантности. Такой подход позволил раскрыть потенциал каждой составляющей.

Первоначальный «Экономический пояс Шелкового пути» предполагал три сухопутных маршрута: северный маршрут (Китай–Центральная Азия–Россия–Европа), центральный маршрут (Китай–Центральная и Западная Азия) и южный маршрут (Китай–Юго-Восточная Азия–Южная Азия). «Морской Шелковый путь XXI века» добавил морской компонент, отражающий исторический морской маршрут, соединяющий Восток и Запад через Южно-Китайское море и Индийский океан [285, с.43]. Все эти маршруты сошлись в единый и представляют собой всеобъемлющий проект.

Концепция была расширена и теперь охватывает тематические «Шелковые пути», включая здоровые, зеленые, интеллектуальные и мирные маршруты. В 2019 году Си Цзиньпин объявил о создании цифрового Шелкового пути, сосредоточившись на торговле, защите окружающей среды и развитии инфраструктуры.

Региональное сотрудничество осуществляется через такие организации, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Азиатско-Европейское совещание (АСЕМ). ОПОП охватывает всю евразийскую внешнеэкономическую политику Китая. Хотя первый этап завершился в 2020 году, полное завершение запланировано на 2049 год, что совпадает со столетием КНР.

Китай акцентирует внимание на развитии своих регионов, в том числе приграничных, в частности, СУАР, а инициатива ЭПШП предоставляет географические преимущества для развития китайского рынка, итогом которого будет стабильное развитие экономики КНР. Благодаря тому, что СУАР граничит с некоторыми странами ЦА, у нее особая стратегическая роль. СУАР превращается в региональный транспортно-логический хаб Центральной Азии, а далее всей Центральной Евразии.

Российский ученый Лукьянов Ф.А. отмечал, что в XXI веке Евразия стала центром международного внимания. Ведь здесь можно создать региональные институты с общими правилами, которые сделают ее лидером [286].

Сазонов С.Л. и Чэнь Сяо считали, что инициатива Си Цзиньпина это всего лишь верхушка «экономического айсберга», ведь создавая проекты ЭПШП и МШП XXI века правительство КНР опиралось на стратегию «выхода за рубеж» путем увеличения китайских прямых зарубежных инвестиций (ПЗИ), монополизируя евроазиатский рынок и нарастить объемы экспорта китайской продукции в сфере инноваций, транспорта и передовых технологий [287, с.37-38].

Ученые, исследовавшие ЭПШП отмечали разные причины усиления политики КНР с государствами ЦА. Ведь на территории Китая произошел мощный инфраструктурный прорыв (строительство сети новых автодорог, десятков аэропортов, высокоскоростных железных дорог), что привело к переизбытку промышленных мощностей. Инициатива ЭПШП также закрепляла место Китая на международной арене, расширяя зоны экономического влияния в Азии.

По мнению главы Комиссии по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей Фу Ин, которое он озвучил в феврале 2016 года на Мюнхенской конференции по безопасности, ЭПШП – это механизм, искореняющий слабые места в существующей системе международного порядка [288].

При этом создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) не противоречит инициативе ЭПШП. Так Лузянин С.Г. отмечает, что сближение ЕАЭС, ШОС и ЭПШП говорит о долгосрочной интеграционной евразийской политике, причем ШОС здесь выступает связующей организацией между двумя другими [289, с.82].

Инициатива ЭПШП способствовала расширению доступа к рынкам, свободному движению капитала и мобильности рабочей силы для Китая в Центральной Азии, России, Европе и на Ближнем Востоке. Страны-участницы получают выгоду от: стабильного экономического развития, улучшения инвестиционного климата, взаимосвязанной инфраструктуры, финансовой интеграции и расширения гуманитарного сотрудничества.

Для поддержки ЭПШП были созданы два ключевых финансовых института: Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути. Предложенный Си Цзиньпином в октябре 2013 года, АБИИ направлен на содействие региональной интеграции, финансирование инфраструктурных проектов и укрепление финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Запущенный в 2015 году с 57 государствами-членами и капиталом в 100 миллиардов долларов США, АБИИ со штаб-квартирой в Пекине позволяет Китаю принимать стратегические решения независимо от традиционных международных финансовых институтов [290].

Фонд Шелкового пути, созданный в 2014 году в Пекине, инвестирует в крупномасштабные проекты ЭПШП.

Посредством двух данных финансовых учреждений Китай сбывает свою высокотехнологическую продукцию, строит инфраструктуру и разрабатывает полезные ископаемые. Но это и вызывает недоверие со стороны других участников, например Японии. Ведь больше 26% капитала в АБИИ принадлежит Китаю [291].

Несмотря на интерес Китая к Восточной и Центральной Европе, реализация инициативы «Один пояс, один путь» в Европе столкнулась с трудностями из-за опасений по поводу усиления влияния Китая. По словам А. Витхёфта, европейская часть проекта ЭПШП испытывает трудности [292].

Американские исследователи в «The Diplomat» проведя анализ ЭПШП подчеркивают, что США для сохранения своего доминирующего положения нужно при прогнозировании ситуации на евразийском континенте, где не только экономические центры, но и природные ресурсы, учитывать амбиции и все действия, предпринимаемые Пекином в данном регионе [293]. При этом инициатива ОПОП описывается такими словами как, «высокомерный», «чрезмерно расширенный» [294, с.13], что является слишком критичным и было бы более рационально оценивать вызовы и предотвратить все потенциальные риски.

Авторы отмечают опаску западного сообщества на реализацию инициативы ОПОП со стороны Китая. Если же Китай рассматривает Россию и Центральную Азию как участников проекта, то он должен следовать следующим принципам: 1) поддержание и развитие активного диалога с Россией. Ведь РФ стратегический партнер на международной арене; 2) развитие экономического взаимодействия и гуманитарной сферы стран ЦА; 3) ведение плодотворного сотрудничества в рамках ШОС; 4) улучшение социально-экономической ситуации в СУАР; 5) развитие механизмов сотрудничества в энергетической сфере [287, с.17-18]. Представляется важной выработка рекомендаций для каждого принципа с учетом специфики взаимодействия всех задействованных сторон.

Казахстанский эксперт считает, что инициатива ЭПШП наиболее приоритетная область развития отношений КНР с сопредельными странами [295, с.58]. Так Кошанов А. считает, что нельзя рассматривать проект ЭПШП как «чистый транзит», где выгоду получает Китай, например в Республике Казахстан государственно-частное партнерство (ГЧП) помогает «оседанию» капитала и появлению новой рабочей силы. Страны Центральной Азии при выстраивании своей политики должны стремиться получить экономические дивиденды, сохраняя свою независимость [296, с.11].

С 2015 года применяется термин «момент Центральной Евразии», когда множество факторов позволяют реализовать потенциал государств региона. А ЭПШП и ЕАЭС станут движущими силами становления Евразии как зоны совместного развития [241, с.57-58]. Конечно же расширение стран-участниц

ЭПШП отвечает интересам и самого Китая, который стал уделять больше времени внешней политике, привлекая новых партнеров.

Вопрос о сопряжении деятельности ЕАЭС и ЭПШП уже рассматривался неоднократно. В новых условиях появляются новые аспекты. Для всех стран Центральной Азии сотрудничество с Китаем и вовлечение в ОПОП очень важный аспект и последствия углубления этой кооперации необходимо принимать во внимание.

Во время выступления на втором Евразийском экономическом форуме ЕАЭС в г. Москва 24-25 мая 2023 Президент К.К. Токаев анонсировал строительство казахстанского логистического центра в сухом порту китайского города Сиань. Запуск данного порта был осуществлен во время визита Президента КНР 18 мая 2023 г. [297]. Китай является важным партнером по ЕАЭС и со странами Центральной Азии. Использование его потенциала важно для выстраивания новых быстрых и эффективных маршрутов. Данный порт может стать основным хабом для отправки прямых контейнерных поездов в Центральную Азию, Европу, Турцию и Иран. Также запланирован запуск железнодорожного сообщения на участке Бахты – Аягоз со строительством отдельного погранперехода в КНР и создание нового ж/д перехода с Китаем Бахты-Ташэн (Чугучак). Новый железно-дорожный переход ориентирован не только на Китай, но и на подключение российских мощностей. Также важно использовать логистический потенциал Каспия и вовлечь все страны региона ЦА в проекты, которые позволят диверсифицировать маршруты по грузоперевозкам.

3.2 Каспийский фактор и путь к Диалогу «Китай-Центральная Азия» (С+С5)

Сегодня Каспийский регион – ключевой регион мира, и с точки зрения своих транспортно-логистических возможностей, и с точки зрения влияния на формирование международной энергобезопасности. Но, кроме этого, после 22 лет переговоров, 12 августа 2018 года пять прибрежных государств подписали «Конвенцию о правовом статусе Каспийского моря», которая открывает новые возможности для добычи нефтегазовых ресурсов и строительства новых трансграничных трубопроводов.

Несмотря на то, что доля Каспийского бассейна в глобальном энергоснабжении относительно небольшая, которая составляет 3,4% от общего объема поставок сырой нефти и 5,9% от общемирового объема поставок природного газа [298], его значение как глобального альтернативного источника углеводородных ресурсов растет в связи с текущими геополитическими событиями. Кроме того, доходы от продажи нефти и природного газа играют жизненно важную роль для экономики стран региона. Казахстан является крупнейшей экономикой в регионе. Основными его ресурсами являются углеводороды. В 2020 году в экспорте страны на сырую нефть приходилось 49,6%, стоимость которого составляет 25,2 млрд долларов США [299]. Кроме того, страна также экспортирует сжиженный углеводородный газ (экспорт

составил 5,18%) и другие ресурсы, такие как рафинированная медь и нефтепродукты. В экономике Казахстана прослеживается явная зависимость и опора на углеводородные ресурсы. В 2018 году страна занимала двенадцатое место в мире по добыче нефти и второе место в Евразийском регионе. Казахстан все еще является государством-производителем нефти нераскрытых возможностей [300].

Туркменистан обладает четвертым по величине запасом природного газа (265 000 000 триллионов кубических футов в 2015 году). В 2015 году страна добыла 6,923 триллиона кубических футов, но региональные проблемы и плохая инфраструктура мешают увеличению объема добычи.

Большая часть добываемого природного газа идет на внутреннее потребление из-за отсутствия инфраструктуры. По данным ОЭС, в 2020 году объем экспорта сжиженного углеводородного газа составил 5,31 млрд долларов США [301].

Каспийский регион развивается в условиях определённых рисков и вызовов, среди которых одним из важных вопросов является разрушение богатой и хрупкой экосистемы Каспийского моря. Целью является обеспечение экологической безопасности. Каспийское море, крупнейший в мире внутренний водоем, и окружающий его регион сталкиваются с серьезным экологическим кризисом. Экосистема Каспия испытывает стресс из-за добычи нефти и газа, транспортировки, промышленной деятельности, социально-экономического давления на прибрежное население и изменения климата.

Экология моря находится под угрозой из-за нескольких проблем:

1. Загрязнение окружающей среды. В Каспийское море впадает река Волга (80%), куда попадает огромное количество химических отходов (95%). Из них 90% это нефтяные углеводороды. Наличие данных углеводородов является результатом утечки нефти из скважины. Нефтяные загрязнения морской воды происходят в основном из следующих источников: а) ежедневная добыча и транспортировка нефти в море, б) аварии на нефтяных танкерах и в) разлив нефти с нефтяных танкеров. Но нефтяное загрязнение Каспийского моря в большей степени было вызвано утечкой углеводородов из природного дна, чем утечкой нефти с судов.

2. Колебания уровня воды в Каспийском море, которое оказывает прямое влияние на соленость почвы.

3. Уничтожение флоры и фауны, гибель и риски исчезновения целых видов животных, водоплавающих птиц, рыб и растений относится к последствиям загрязнения.

4. Появление экзотических видов организмов в море считается растущей проблемой в водных системах. Они конкурируют за пищу, пространство и нерестилища, могут быть агрессивными и ограничивать успех размножения эндемичных видов рыб. Они также могут оказать значительное влияние на сохранение и восстановление местного биоразнообразия.

5. Большие легальные и нелегальные уловы рыбы. Особое внимание уделяется вопросу гибели каспийских тюленей, которые были занесены в Красную книгу Постановлением Правительства РК от 13 ноября 2020 года. Принимаются ряд мер по сохранению данного вида тюленей.

Эти проблемы и необходимость сотрудничества в сфере охраны окружающей среды и ресурсов Каспийского моря побудили прикаспийские государства заключить в 2003 г. рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря -Тегеранскую конвенцию [302]. Однако конвенция вступает в силу лишь в 2006 году в связи с затянувшимся процессом ратификации. Позднее были подписаны дополнительные протоколы в 2011 и в 2012 годах [303-304].

Загрязнение окружающей среды Каспийского моря оказывает негативное влияние не только на море, но и на население всех прикаспийских государств. Защита этого ценного моря имеет прямую связь с безопасностью и национальной стабильностью прибрежных стран. Конфликты и споры в современном управлении природными ресурсами прибрежных стран могут углубить разрыв и, следовательно, привести к враждебности между ними в ближайшем будущем. Основная задача, которая стоит перед прикаспийскими странами – это обеспечение необходимого баланса между активизацией разработки природных месторождений, транспортировки углеводородов и сохранение уникальной экосистемы Каспия. В связи с этим, эффективной стратегией решения экологических проблем Каспийского моря является активизация природоохранных усилий прикаспийских государств и их объединения на региональном уровне.

Энергетические ресурсы в районе и особый транспортно-логистически потенциал Каспийского моря не могут не привлекать внимание многих держав и игроков. Традиционно регион Каспийского моря был зоной жесткой конкуренции и соперничества между крупными игроками. Уже сегодня динамика конкуренции ярко выражена. Однако это возобновившееся соперничество отличается от того, что было в 19 веке, поскольку подчеркивает сотрудничество между «великими державами» в их более широких стратегических интересах. Энергетическая безопасность побудила их приспособиться и сотрудничать друг с другом в области разведки, добычи и транспортировки углеводородных ресурсов региона, и именно это сотрудничество позволяет великим державам обеспечивать свои энергетические потребности.

Китай, так же как Казахстан, Туркменистан, Россия, Иран заинтересованы в экономической стабильности в Каспийском регионе, их внимание сосредоточено на динамике рынка поставок энергоресурсов. Каждый из этих государств рассматривают Каспийский регион как важнейшее стратегическое пространство в соответствии со своими геополитическими интересами.

Расположенный между Западом и Востоком регион представляет собой изменчивое образование с особым условием для его превращения в центр международной конкуренции (в случае слабого межгосударственного

взаимодействия). Россия как основной актор в политической структуре региона находится в более сильной позиции чем другие. Такая ситуация обусловлена исторически сложившимися отношениями страны с региональными республиками Центральной Азии.

Нефтегазовая промышленность была основным столпом советской экономики, поскольку она была важным элементом бартерной торговли в коммунистическом блоке и обеспечивала Советскому Союзу необходимые рычаги для сохранения власти. Параллельно с этим, одним из главных достижений советской энергетической промышленности стало создание обширной сети трубопроводов, которые соединили удаленные месторождения Советского Союза с Восточной Европой и далее со всей Европой. Современная Россия унаследовала около 46000 км нефтепроводов и 152000 км газопроводов [305, с.27-28]. В настоящее время развитие тесного сотрудничества со странами региона для России приобрело значительную актуальность в контексте морской доктрины, ориентированной на экономическое и геополитическое закрепление в регионе. В частности, доктрина относит сектор Каспийского моря к жизненно важным районам (зонам) обеспечения национальных интересов Российской Федерации в Мировом океане [306].

Российские нефтяные и газовые компании владеют большим пакетом акций в нефтегазовой промышленности Казахстана и Туркменистана. К примеру, одна из крупнейших энергетических компаний России «Лукойл» имеет около десяти морских и наземных месторождений нефти и природного газа в Казахстане. Компания имеет долю в Каспийском трубопроводном консорциуме вместе с двумя другими российскими компаниями «Юкос» и «Газпром». По этому трубопроводу нефть Тенгизского месторождения доставляется в Новороссийск. Более 90% казахстанской нефти поступает на рынок через РФ (в 2021 году – 53,1 млн тонн через КТК и 11 млн тонн – по нефтепроводу Атырау – Самара, это 93,3% от общего экспорта в 67,6 млн тонн) [307].

Туркменистан как обладатель большей части запасов природного газа в регионе также является привлекательным для российских компаний. Во-первых, это транзитный потенциал страны: через Туркменистан проходят маршруты с севера в Иран и Афганистан. Большие перспективы имеет газовое сотрудничество двух стран. РФ заявляла о готовности подключиться к строительству трубопровода Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия (TAPI) [308]. Несмотря на то, что в двусторонних отношениях выделялись периоды охлаждения, сегодня наблюдается интенсификация сотрудничества. В Туркменистане активно работают Татнефть и Газпром. В 2022 г. «Газпром» закупил у Туркмении около 5 млрд м³ природного газа согласно заключенному сторонами договору до 2024 г, который был пролонгирован в 2021 г. «Лукойл» вел переговоры об условиях участия в качестве оператора проекта освоения нефтегазоконденсатного месторождения Достлук в Каспийском море.

На фоне роста геополитической активности России и Китая роль США в регионе остается существенной, но не лидирующей. Правительство

Соединенных Штатов определило несколько приоритетов, связанных с регионом, в том числе для поддержки западных компаний в инвестировании и строительстве альтернативных трубопроводных проектов. Большинство крупнейших нефтяных компаний, в том числе «Шеврон Тексако», «Эксон-Мобил», «Бритиш Петролеум», «Халлибертон», вложили значительные средства в этот регион. Поэтому приоритеты формировались в закреплении прочных надежных связей с государствами Каспийского бассейна. Соединенные Штаты поддерживали некоторые проекты нефте- и газопроводов, такие как Баку-Тбилиси-Джейхан. В начале 2000-х растущие интересы и участие Китая привели к значительной потере США этого богатого энергоносителями региона.

В своей новой стратегии национальной безопасности администрация Президента Джо Байдена отмечает, что США четко ориентированы на то, чтобы противостоять усугублению Россией цен на энергоносители, нехватке продовольствия и глобальному экономическому спаду путем эффективного сотрудничества с местными странами-партнерами, которые должны играть лидирующую роль [309].

В этой связи особый акцент приобретает партнерство со странами Каспийского региона, которое способно сыграть значительную роль в достижении таких приоритетных целей как «уменьшение зависимости Европы от российского импорта ископаемых видов топлива» и «укрепление европейской энергетической безопасности». Так, например, США активно поддерживают прокладку Транскаспийского газопровода для экспорта туркменского голубого топлива в Европу [310]. Однако, в настоящее время США, занятые своими внутренними проблемами и закреплением в АТР не в полную мощь использует потенциал своей политики на Каспии.

В последнее десятилетие Китай неуклонно наращивает позиции в бассейне Каспийского моря и в Центральной Азии, нарушая монополию России и США. По прогнозам предвидится, что к 2040 г. зависимость Китая от импорта энергоресурсов вырастет более чем на 40% [311, с.101]. Как известно, поставки энергоресурсов обеспечиваются в основном за счёт морского транспорта, 80 процентов импорта нефти осуществляется через Малаккский пролив, соединяющий Индийский и Тихий океаны и он вызывает большую озабоченность у Китая. В 2003 г. лидер страны Ху Цзиньтао в своей речи даже назвал данную ситуацию «Малаккской дилеммой» [312]. Расширение влияния Индии от восточного побережья до Малаккского пролива поставили под угрозу безопасность китайских транспортных путей. Помимо этого, морские пути оказались уязвимыми перед лицом таких угроз как терроризм и пиратство. Принимая во внимание эти факторы, китайское правительство изучает альтернативные маршруты транспортировки энергоресурсов, где Центральная Азия и Каспийский бассейн играют ключевую роль.

Впервые необходимость налаживания связей с прикаспийскими государствами нашла отражение в Девятом пятилетнем плане (1996-2000 гг.), предусматривавший увеличение инвестиций в Синьцзян, который должен был

сыграть стратегически важную роль связующего звена между двумя регионами. В тот же период премьер Государственного совета Ли Пэн призвал к активной реализации политики диверсификации энергоресурсов посредством политического лоббирования, финансовой помощи и политического партнерства с государствами Центральной Азии. Китайские планы по налаживанию связей с прикаспийскими государствами были частью стратегического планирования Китая в Девятом пятилетнем плане (1996-2000 гг.), который стремился увеличить инвестиции в Синьцзян, чтобы служить мостом между двумя регионами [313]. В тот же период Ли Пэн призвал к активной реализации политики диверсификации энергоресурсов посредством политического лоббирования, финансовой помощи и политического партнерства с государствами Центральной Азии.

Стратегическая важность региона была подчеркнута в последующем Десятом пятилетнем плане (2001–2005 гг.), который также способствовал активизации политики по инвестированию в проекты по разведке и разработке новых месторождений, преимущественно в новых странах поставщиках энергоресурсов. В 2004 г. были опубликованы «Основные положения среднесрочной и долгосрочной программы развития энергетики Китая на период 2004–2020 гг.», которые были приняты Государственным советом КНР. Ключевым пунктом этой стратегии включали такие вопросы как поиск новых месторождений нефти как внутри страны, так и за рубежом, увеличение стратегического запаса нефти в связи с непредсказуемостью мирового нефтяного рынка, а также обеспечение безопасности транспортировки нефти по суше и по морю.

Энергетическая стратегия Китая в отношении Каспийского региона стала также частью «периферийной политики» Пекина (zhoubianzhengce). Новый субрегиональный блок, появившийся после распада Советского Союза рассматривался Китаем в качестве эффективного инструмента в противостоянии с Западом [314], что в последствии вылилось в региональную инициативу «Один пояс, один путь».

В 2013 году после принятия стратегии «Один пояс, один путь» Китай стал устанавливать более тесные отношения с прикаспийскими странами. К 2027 году размер инвестиций, вложенных в проекты по «Одному поясу, одному пути» составляет 1,2–1,3 трлн долларов США [315, с.4].

В стратегии «Один пояс, один путь» прослеживается не политика протекционизма в торговле как у США, ЕС и России, а наоборот укрепление взаимовыгодной многосторонней торговли. По словам Си Цзиньпина Китай готов делиться опытом, не навязывая свою социальную систему и модель развития другим странам. А надеется достичь новой модели сотрудничества, которое было бы выгодно всем партнерам не только в торговле, но и в других сферах [316].

Начиная с 2013 года после выдвижения стратегии «Один пояс, один путь» уровень торговли между Китаем и странами ЦА увеличился. Если объем

торговли в 1990-х годах составлял 1 млрд долларов США, то в 2022 году достиг 32,1 млрд долларов США [317]. В основе отношений с прикаспийскими странами со стороны Китая выступает «долевой подход», то есть не только получение нефти и газа, но и участие стран в проектах. КНР предоставляет льготные займы при приобретении акций китайскими компаниями в добывающих месторождениях стран ЦА. Ведь когда ты сам владеешь ресурсами, то эффективность проекта от этого возрастает и бесперебойность поставок будет гарантирована [318, с.4]. А страны Центральной Азии как раз испытывали потребность в инвестициях, особенно после обретения независимости и стали привлекательны для крупных китайских государственных нефтегазовых компаний (CNPC, CNOOC и Sinopec). В рамках «Один пояс, один путь» Китаем было реализовано несколько проектов на сумму 136,2 млрд долларов США.

В таблице 1 показаны проекты, которые были реализованы в странах ЦА в рамках стратегии «Один пояс, один путь» китайской стороной. По данным таблицы видно, что много инвестиций были привлечены Казахстаном и Туркменистаном в энергетическую инфраструктуру, разведку и переработку полезных ископаемых и нефти.

Таблица - 1. Общий объем инвестиций китайских проектов в Центральной Азии (млн долл. США) [23]

	Итого по странам	Железнодорожное и автомобильное сообщение	Энергетические системы	Промышленность	Сельское хозяйство и пищевая промышленность	Разведка и переработка полезных ископаемых	Финансы и ИТ	Поддержка местных инициатив
Итого по секторам	136 251.06	23 499.74	35 693.8	12 299.55	1451.88	55 159.65	8 100	46.44
Казахстан	90 862.43	14 539.3	18 849.5	10 545.5	1 049.63	37 778.5	8 100	Информация отсутствует
Туркменистан	24 842.5	1402.5	9 410	Информация отсутствует	Информация отсутствует	14 03	Информация отсутствует	Информация отсутствует
Таджикистан	10 518.7	4 515.9	4 516	679,8	342	465	Информация отсутствует	Информация отсутствует
Кыргызстан	5 391.68	1 773.04	2 713	150.8	31.55	676.85	Информация отсутствует	46.44
Узбекистан	4 635.75	1 269	205.3	923.45	28.7	2 209.3	Информация отсутствует	Информация отсутствует

Несмотря на то, что китайские власти инициировали стратегию «двойной циркуляции» в рамках нового пятилетнего плана (2021–2025 годы), которая подразумевает процесс перехода на импортозамещение и технологический суверенитет, в среднесрочной перспективе страна по-прежнему будет продолжать внешнеэкономическую экспансию для поддержания динамичного социально-экономического развития. Поэтому Китай будет продолжать расширять свои глобальные торговые и экономические связи с другими странами, в том числе и со странами Центральной Азии в целях диверсификации импорта и преодоления рисков, связанных с морской транспортировкой. В данной ситуации приобретает особый интерес форма диалога КНР со странами региона в рамках формата С+С5, инициированный в 2020 году на уровне глав МИД. Это продемонстрировало важные изменения в китайском подходе к Центральной Азии.

Во-первых, Пекин сформировал региональную китаецентричную площадку политического диалога, придавая новый импульс существующему политическому взаимодействию КНР и стран Центральной Азии в рамках ШОС.

Во-вторых, Китай выдвинул альтернативу американской структуре («С5+1»), что демонстрирует достаточные ресурсы и идейное наполнение китайского подхода к региону, способного не только уравновесить, а даже превзойти российскую и американскую платформы.

Как отмечает казахстанский эксперт А.Амребаев: «Переход от двустороннего формата отношений к преимущественно многостороннему («5+1») говорит о серьезности намерений на этом треке интересов Китая. Он заинтересован в формировании более емкого регионального рынка и комплиментарных для китайских предпринимателей «правил игры», предсказуемости и стабильности политических режимов в республиках Центральной Азии [319]. Эти намерения Китая должны мотивировать страны региона к большей консолидации решений и экономической кооперации, координации действий и разработки комплексных, согласованных программ развития региона в целом» [320].

В начале 2022 г. КНР и страны региона заявили о строительстве «Сообщества единой судьбы», подчеркивая комплексную взаимозависимость. На третьем саммите «С+С5» было предложено сформировать механизм встреч глав государств в аналогичном формате. Первая такая встреча прошла в мае 2023 г. и была связана с выдвижением «грандиозного плана сотрудничества», анонсированного Председателем Си [321].

Таким образом, вышеперечисленные механизмы сотрудничества КНР со странами региона дают возможность Китаю более тесно привязать экономику и политику Каспийских государств и Центральной Азии к собственным интересам.

3.3 Альтернативные источники энергии на «Шелковом пути»: экология и модернизация (из опыта Китая)

Мировые запасы нефти, газа и угля ограничены, что приводит к возникновению проблем в современном мире. И подталкивает к популяризации и развитию альтернативной энергетики [322, с.39]. Первоначально необходимо раскрыть дефиницию «альтернативная энергия», прежде чем начать процесс анализа роли проектов по возобновляемым источникам.

«Альтернативная энергия» - возобновляемая (неисчерпаемая) энергия – это энергия, производимая и извлекаемая из повторяющихся в природе процессов. Данный вид энергии извлекается из ветра, водных потоков (приливы и отливы), солнечного света, биотоплива и геотермального тепла. Все эти ресурсы применяются в реализации проектов ВИЭ. Если опираться на исследование Белякова П.Ю. то преимущества ВИЭ в следующем [323]:

1) Солнечная энергия более долговечна, выработка энергии из нее технически проще, то есть ее можно регулярно извлекать из электромагнитного солнечного излучения и преобразовывать в электроэнергию.

2) Ветряная энергия. Энергия извлекается из преобразования кинетической энергии атмосферных воздушных масс. Учитывая потенциал региона, где проходит «Шелковый путь» [324] то здесь можно установить ветрогенераторы и ветряные мельницы.

3) Водный поток. В данном виде энергии применяются гидроэлектростанции, добывающие кинетическую энергию из воды на плотинах и водохранилищах. Позднее также стали применять приливные электростанции. Они используют энергию приливов с помощью гидроагрегатов, установленных на устьях рек.

4) Геотермальная энергия. Энергия производится через использование геотермальных источников воды и является менее затратной.

5) Биотопливо. Энергия выделяется из биологического сырья при переработке биологических отходов, применяется в тепловой энергии чем в электроэнергии.

Возобновляемые источники энергии как отрасль альтернативной энергии очень актуальны в XXI веке. Но первой предпосылкой для развития ВИЭ стал нефтяной кризис 1973 года. Но в 1970-х годах «зеленые» источники энергии (солнечная и ветряная энергия) были всего лишь альтернативой традиционной энергии.

По мере истощения мировых запасов нефти, ухудшением окружающей среды и экологии роль ВИЭ возросла. На современном этапе идет повсеместное внедрение ВИЭ, что мы видим по ЭПШП [325].

Возобновляемые источники энергии (ВИЭ) переживают быстрый рост и все большее принятие потребителями. Правительства стран, входящих в Инициативу ЭПШП, активно продвигают развитие ВИЭ посредством технологической модернизации, инициатив зеленого маркетинга и

экологических налогов. Доля ВИЭ в общем энергетическом балансе неуклонно растет, что снижает зависимость от ископаемого топлива.

Проекты ВИЭ ЭПШП предлагают уникальную возможность обеспечить надежный доступ к электроэнергии для малообеспеченных сообществ, облегчая нагрузку на традиционные сети. Кроме того, развитие ВИЭ создает рабочие места, способствует технологическим инновациям и снижает безработицу [326].

Экономия затрат на традиционные виды топлива особенно выгодна для стран ЭПШП с крупными сельскохозяйственными секторами, которые переходят на зеленую энергию, включая производство биотоплива. Этот переход способствует решению энергетических потребностей отдаленных поселений [327, с.7-8].

Проекты ВИЭ вносят значительный вклад в образование, стимулируя спрос на специализированные навыки и знания. Внедрение зеленой энергии требует внедрения передовых технологий и обученного персонала для их эксплуатации и обслуживания, стимулируя инвестиции в научные исследования и разработки в области возобновляемой энергии.

Длительное использование Китаем биоэнергии, солнечного и геотермального тепла в зданиях и отраслях, таких как пищевая промышленность и целлюлозно-бумажное производство, является примером универсальности применения ВИЭ. Проекты по производству возобновляемого водорода для удовлетворения потребностей металлургической и химической промышленности также показывают многообещающие результаты [328, с.25].

Неисчерпаемость возобновляемых ресурсов делает альтернативную энергетику критически важной. Эксперты прогнозируют будущие излишки зеленой энергии, что приведет к снижению затрат на электроэнергию во всем регионе Шелкового пути. Расширение проектов ВИЭ в рамках ЭПШП соответствует видению Китаем этой инициативы [329, с.32].

Перспективы ВИЭ включают:

1. Минимизацию загрязнения за счет решений по переработке отходов в энергию.

2. Снижение зависимости от ископаемого топлива.

3. Избежание экологических рисков, связанных с добычей и транспортировкой нефти и газа. Повышение эффективности поставок электроэнергии на обширные территории.

4. Внедрение ВИЭ способствует технологическому прогрессу, такому как переход на электромобили, что обеспечивает как экологические, так и экономические выгоды.

5. «Зеленые проекты» приведут к большому скачку в развитии промышленности, новые технологии сократят издержки, нарастят мощность, поскольку будет применяться бесперебойная энергия. Те производства, которые отставали, могут стать успешными, что заметно на примере китайских предприятий, которые используют ВИЭ [330, с.7].

6. Проекты ВИЭ полностью окупаются, то есть финансовые затраты уходят на конструкцию и запуск сооружений и станции. Буквально за короткий период времени все расходы покроются, и производимая энергия станет дешевле.

7. Применение «зеленой энергии» будет способствовать сокращению выбросов углекислого газа и других химических выбросов. В итоге система здравоохранения региона окажется в выигрышной ситуации, когда уменьшится количество людей, умирающих от онкологических болезней и болезней легких, особенно в регионе, где смертность населения высока.

8. Проекты ВИЭ стимулируют экономное и целесообразное отношение и использование всех видов природных ресурсов.

9. Также достижением проектов альтернативной энергетики является использование возобновляемых источников энергии посредством их внедрения и применения на международном уровне [331, с.8-9].

10. «Зеленый проект» способствует развитию тренда «зеленое домостроение», когда начиная с этапа строительства будет учитываться принцип экологической ответственности.

В долгосрочной перспективе роль ВИЭ будет актуальна в решение ключевых проблем. Если развитие ВИЭ будет продолжаться, то изменения произойдут и в государственной сфере, где будет необходима разработка и внедрение нормативно-правового фундамента.

А любая научно-исследовательская разработка в сфере альтернативной энергетики получит полноценную программу финансирования и поддержки со стороны государства.

Положительное освещение в СМИ развития ВИЭ вдоль Шелкового пути привлечет инвестиции. Спрос на квалифицированных специалистов будет способствовать развитию инженерного и научного образования. Потребность в долгосрочных контрактах на поставку энергии и отношениях с инвесторами усилит роль консалтинговых и юридических фирм. Правительства активно оценивают крупномасштабные проекты ВИЭ в зеленом строительстве, возобновляемой энергетике, управлении ресурсами и электротранспорте, что отражает значительный сдвиг в сторону устойчивого развития.

Эти проекты ВИЭ повысят энергоэффективность и качество жизни в регионе Шелкового пути [332, с.130]. Страны, успешно развивающие ВИЭ, станут мировыми лидерами в производстве чистой энергии, способствуя экономической диверсификации и устойчивому росту. Решение экологических проблем требует фундаментальной институциональной трансформации, которая осуществляется в рамках ЭПШП. Правительства внедряют экологические нормы, включая штрафы за загрязнение, наряду с более широкими инициативами по модернизации промышленности и защите окружающей среды [333].

Инициатива «Один пояс, один путь» охватывает широкий спектр аспектов взаимодействия стран-участниц. Будучи амбициозной в экономическом плане, ЭПШП также отдает приоритет экологическим проблемам. Концепция

«экологической цивилизации», центральная для ЭПШП, касается загрязнения и управления отходами и теперь включает новые меры по защите окружающей среды.

Эта экологическая концепция подчеркивает ответственность за загрязнение окружающей среды. Загрязнители не только штрафуются, но и обязаны инвестировать в проекты зеленой энергетики, механизм, известный как «зеленое финансирование», который интегрируется в мировые финансовые системы. Разработанное на основе опыта Китая, зеленое финансирование направляет инвестиции в ВИЭ, смягчая экологические и климатические риски. Пример Китая демонстрирует, как зеленое финансирование привлекает бизнес в сектор зеленой энергетики, что приводит к экологическим преимуществам и устойчивому развитию [334].

Зеленое финансирование проектов возобновляемой энергетики обеспечивает эффективное решение экологических проблем, сочетая сокращение выбросов с увеличением производства ВИЭ и строгим управлением проектами. Например, в Китае требуется проводить оценку воздействия на окружающую среду перед одобрением кредитов для таких проектов, что гарантирует соблюдение экологических стандартов и минимизирует негативные последствия. Этот строгий подход делает зеленые проекты приоритетными для финансирования.

ЭПШП содействует глобальной экологической трансформации среди стран-участниц, что приводит к формированию организаций по защите окружающей среды. Возобновляемая энергия теперь интегрирована в экологические стандарты существующих финансовых учреждений. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), например, активно продвигает проекты зеленой энергетики и включает экологические соображения в свою деятельность. Текущие инициативы в области зеленой энергетики демонстрируют положительную тенденцию к большему соблюдению экологических норм [335].

Проекты ЭПШП в области зеленой энергетики придерживаются строгих экологических норм на протяжении всего жизненного цикла, от планирования до ввода в эксплуатацию. Перед началом проекта проводятся тщательные оценки воздействия на окружающую среду, и назначается сотрудник по соблюдению экологических норм для обеспечения соблюдения правил. Инициативы в области зеленой энергетики не только предоставляют альтернативные источники энергии, но и решают существующие экологические проблемы. Глобальная проблема выбросов парниковых газов, в частности, решается посредством комплексной концепции «зеленого развития», с использованием передовых технологий для снижения загрязнения воздуха, воды и почвы.

ЭПШП способствует стратегическому подходу к устойчивому управлению окружающей средой, переходя от специальных решений к инновационным, высокотехнологичным подходам к решению экологических проблем. Этот сдвиг парадигмы отражается в создании специализированных агентств и экспертиз,

посвященных вопросам окружающей среды. Ключевым достижением является разработка комплексной системы оценки экологической устойчивости, основанной на проектах зеленой энергетики. Эта система обеспечивает непрерывный мониторинг окружающей среды, устанавливает стандарты для оценки экологического здоровья и описывает протоколы реагирования на стихийные бедствия и техногенные катастрофы [336].

Инициатива «Один пояс, один путь» способствует совместным усилиям по эффективному решению экологических проблем. Центральное место в этом сотрудничестве занимает Стратегическая экологическая оценка (СЭО), механизм, который интегрирует экологические соображения в процессы принятия правительственных решений. СЭО применяется ко всем правительственным планам, программам и стратегиям, независимо от сектора. Она служит для выявления экологических ограничений и социальных соображений, а также для оценки потенциальных экологических последствий и рисков предлагаемой политики [337].

ЭПШП призывает все страны-участницы использовать стратегические экологические оценки (СЭО) на всех этапах развития, от строительства инфраструктуры до стратегического планирования, чтобы способствовать развитию инфраструктуры зеленой энергетики. Этот акцент на зеленой энергетике повышает экологическую ответственность, стимулируя глобальные экономические преобразования и устойчивый рост. Эти инициативы направлены на сохранение биоразнообразия, природных ресурсов и общего здоровья экосистемы.

Подход ЭПШП к защите окружающей среды подчеркивает проактивные меры, начиная с тщательного планирования и постоянного мониторинга проектов для обеспечения соблюдения экологических норм. При надлежащей реализации, достаточном финансировании и соблюдении установленных механизмов ЭПШП стремится создать «экологическую цивилизацию», гарантирующую экологическую безопасность [338]. Это видение включает создание охраняемых территорий и экологических коридоров с поддерживающей инфраструктурой.

Зеленая энергетика стимулирует инновации во многих секторах, включая зеленое строительство, внедрение возобновляемых источников энергии, электромобили, устойчивое производство и воспитание экологически сознательных граждан. Хотя зеленая промышленность в настоящее время получает ограниченное финансирование, ЭПШП предлагает значительный потенциал за счет зеленого налогообложения, включая предлагаемые сборы за выбросы диоксида серы и оксида азота. Помимо защиты окружающей среды, эти меры также решают связанные с этим экологические проблемы, такие как схемы торговли выбросами, которые будут оставаться актуальными до тех пор, пока не будет достигнут полный переход на зеленую энергетику. Такой подход поощряет корпоративную экологическую ответственность.

Использование ИТ для мониторинга окружающей среды дает значительные преимущества, устраняя необходимость в группах на местах для сбора данных. Круглосуточный мониторинг окружающей среды в режиме реального времени с помощью подключенных к Интернету датчиков позволяет немедленно обнаруживать нарушения. Компании оповещаются о нарушениях и сталкиваются с последствиями, включая потенциальное закрытие, если проблемы остаются нерешенными. Эта система, охватывающая спутниковый и наземный мониторинг, обеспечивает подотчетность. Корректирующие действия применяются в соответствии с согласованными протоколами среди стран-участниц.

Для решения текущих проблем неточной отчетности компаний, манипулирующих оборудованием для мониторинга, решающее значение имеет внедрение единых экологических стандартов и, в идеале, переход на возобновляемые источники энергии. Стимулирование компаний, использующих альтернативную энергию и демонстрирующих передовой опыт, будет способствовать развитию экологической цивилизации и созданию крупных национальных парков.

Успешное восстановление окружающей среды требует учета различных возможностей стран-участниц, поскольку уровни загрязнения и финансовые ресурсы значительно различаются [339]. ЭПШП играет важную роль, предоставляя равную поддержку всем членам с точки зрения технологического развития, финансовой помощи и правовых рамок. Этот комбинированный подход — использование инноваций, эффективного управления и стратегического расположения промышленности — усиливает усилия по восстановлению окружающей среды, равномерно распределяя промышленные нагрузки по регионам, сокращая очаги локального загрязнения.

Под руководством Китая был создан инвестиционный фонд для поддержки восстановления экосистем вдоль маршрутов инициативы «Один пояс, один путь» [340]. Основная цель фонда — решение региональных экологических проблем посредством внедрения возобновляемых источников энергии, модернизации промышленности и улучшения сельскохозяйственного сектора. Стратегии реализации включают формирование целевых групп и развитие экологических коридоров.

ЭПШП, возглавляемая Китаем, отдает приоритет защите окружающей среды, уделяя особое внимание борьбе с опустыниванием и разворачиванию проектов в области солнечной и ветровой энергии. Эта инициатива основана на механизмах зеленого финансирования, включая зеленые облигации и займы, которые стимулируют бизнес инвестировать в экологическую устойчивость и возобновляемые источники энергии.

Страны-участницы Шелкового пути стремятся стать лидерами инноваций в области устойчивого развития, уделяя приоритетное внимание инвестициям в зеленую энергетику и экологическую устойчивость. Видение охватывает создание зеленых промышленных зон и предприятий, которые минимизируют

традиционное потребление энергии и выбросы. Эта долгосрочная стратегия направлена на решение текущих экологических проблем и обеспечение долгосрочной экологической стабильности.

Анализ проектов возобновляемой энергии подчеркивает решающую роль альтернативных источников энергии в построении устойчивой и чистой экономики. Возобновляемая энергия повышает энергоэффективность и улучшает качество жизни. Исследования показали, что страны Шелкового пути могут использовать альтернативные энергетические проекты для диверсификации своей экономики и стимулирования роста. Поэтому основной целью стратегии ЭПШП является удовлетворение энергетических потребностей стран-участниц, многие из которых являются значительными потребителями энергии.

ЭПШП отдает приоритет проектам в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ) как краеугольному камню энергетической безопасности, предлагая независимость от нестабильных цен на ископаемое топливо и гарантируя устойчивое энергоснабжение. ВИЭ обеспечивают чистые альтернативные источники энергии, сводя к минимуму загрязнение окружающей среды. Что особенно важно, эти проекты включают строгие экологические стандарты и ответственность производителей. Такой подход способствует устойчивым методам управления окружающей средой. Кроме того, широкое внедрение возобновляемых источников энергии способствует глобальной культуре управления окружающей средой, используя передовые технологии для поддержания здоровья экосистем. ЭПШП предлагает эффективные решения для экологических проблем и устанавливает надежные экологические стандарты для построения устойчивой «экологической цивилизации».

3.4 «Энергетический клуб» ШОС: перспективы общего энергетического пространства

Многосторонний формат регионального сотрудничества в формате ШОС сформировался благодаря сложным геополитическим процессам, проходившим в Евразии. И, если Казахстан является основателем и активным участником, а Туркменистан никак не взаимодействует с ШОС, их энергетический потенциал, где замешаны обоюдные интересы вовлекает и тех и других в шанхайский процесс.

В Хартии (уставе) ШОС прописано, что ее деятельность осуществляется на принципах взаимного: доверия, выгоды, равенства, консультаций, уважения. ШОС, развивая добрососедские отношения оказывает содействие государствам в области экономики, торговли, образования, культуры, транспорта и энергетики [341].

Также ШОС обладает рядом особенностей, к ним относится ее статус «промежуточности». Ведь ШОС развивается как многосторонняя организация в разных секторах, но при этом сочетает в себе двусторонний формат. И эта двусторонность в многовекторном доме открытым для партнерства и

сотрудничества не совсем соответствует традиционным моделям и стандартам «классической организации» [342, с.421-422].

Начиная с 2004 года ШОС инициировало по «сетевому сценарию» многостороннее партнерское взаимодействие для развития единого энергетического пространства. Нами был применен системно-функциональный подход Бузана Б., Вейнера О. для выявления закономерностей в поведении Китая, Казахстана и Туркменистана в ШОС путем сравнения их позиции, определяя точки напряженности, общие энергетические интересы, взаимосвязь и зависимость [63, с.76-78].

Китай, Россия, Индия, Иран, Пакистан, четыре центральноазиатских государства (государства-члены) и наблюдатели в ШОС обладают не только крупнейшими запасами нефти и газа, но и альтернативными источниками энергии. На территории государств ШОС находится 25% мировых запасов нефти, 50% газа, 35% угля и около половины мировых запасов урана. Также здесь расположены наиболее протяженные транспортно-логистические маршруты нефте- и газопроводов (КТК – Каспийский трубопроводный консорциум, АТР – консорциум Восточная Сибирь-Тихий океан).

ШОС объединяет противоречивые интересы государств, входящих в организацию; они различаются по экономическому уровню, по устройству государственного управления и политическим системам, но они объединены той политикой безопасности, которая необходима для евразийского пространства ШОС, включая политику энергетической безопасности, как для производителей энергии, так и для её потребителей. Процесс сближения энергетических интересов на территории ШОС формирует новую модель энергетического сотрудничества ШОС, которая, в свою очередь является частью формирующейся архитектуры международных связей ШОС. Существует явное критическое отношение западных авторов к Шанхайской Организации Сотрудничества. Её деятельность сводят к упрощённому пониманию некоего конкурентного соперничества, как Р. Шафер в заголовок своей работы выносит заранее предвзятый вывод о подмене «союзных» отношений «партнёрством», а Китай использует ШОС в качестве механизма для усиления своего влияния в Центральной Азии [343]. В вопросах энергетической политики ШОС в центральноазиатском регионе Китай при поддержке АБР выразил готовность в 2010 г. инвестировать в энергетические проекты ЦА.

Чжан Пэгуан, первый Генеральный секретарь ШОС и бывший посол КНР в РФ определил ШОС как первую региональную организацию сотрудничества «нового типа» в XXI веке, для которой была сформулирована концепция «Шанхайского духа», которую озвучил [344, pp.57-58]. Позже в 2022 г. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев вновь повторил перспективу организации, действующую уже в новых международных условиях: «Самаркандский саммит ШОС даст рабочий пример новой модели регионального сотрудничества». Можно утверждать, что ШОС теперь выступает

как «новый тип взаимодействия» в геополитической конфигурации Евразии (Gubaidullina M., Yelibayeva A., Liu Qi) [345, с. 9].

В 2000-х годах задачей ШОС было создание специализированного института в области энергетики на следующих уровнях:

1. Совещание министров по внешнеэкономической и торговой деятельности. Специальная рабочая группа по топливно-энергетическому комплексу (ТЭК).

2. Институты: Форум и Деловой совет ШОС для проведения диалогов официальных лиц с экспертами и деловыми кругами.

3. Структурированное энергетическое пространство, предложенное министрами экономического развития ШОС в Актау в 2013 году.

Также в 2013 году китайское правительство инициировало обсуждение о создании Энергетического клуба и упрощении процедур в сфере торговли и инвестиций [346]. В 2015 году в Уфе во время саммита в энергетическом секторе была принята «Стратегия ШОС-2025» для формирования общих подходов стран-участников в отношении инициативы ЭПШП. Данная инициатива стала инструментом для продвижения экономического сотрудничества «шанхайского духа». В рамках ШОС планируется развивать сотрудничество в области использования возобновляемых и альтернативных источников энергии. «Шанхайский дух» и вопрос об общем энергетическом пространстве показывают тенденцию в усилении восточного направления и сближение позиций по вопросам равенства, доверия, уважения и так далее [347]. «Шанхайский дух» стал лейтмотивом ШОС на что указывает предложение Си Цзиньпина на XIII саммите ШОС в 2013 году в Бишкеке о развитии данного духа между странами-участниками. Позднее это вошло как ключевое положение в межгосударственный договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и стратегическом сотрудничестве.

«Шанхайский дух» - снижение риска в энергетической сфере в зоне Евразии, повышение роли и ответственности КНР в ШОС. Туркменистан на этом фоне вышел в приоритет у Китая. Но по мнению Славомира Хорака, нефтяную и газовую промышленность Центральной Азии надо рассматривать через призму модели Штакельберга, где национальная компания как моноструктурированная организация регулирует цены на экспортный продукт, что политически гарантировано государством [348, с.22].

Вместе с тем существуют объективные аргументы в пользу создания энергетической структуры ШОС, а именно, геоэкономический фактор, от которого зависят интересы и политика экспортеров и импортеров. Имеется в виду потенциал России и Китая, Казахстана и Туркменистана, также Ирана - крупнейших стран-соседей с динамично развивающимися рынками.

У Туркменистана, по мнению китайской стороны, относящегося к региону Центральной Азии, и связанного двусторонними соглашениями по энергетике с государствами-членами ШОС, в настоящее время возросли возможности войти в мировую экономику через более тесное сотрудничество с ШОС. Президент

Туркменистана Сердар Бердымухамедов был приглашён на очередной саммит ШОС в Самарканд в сентябре 2022 г. [349].

Новый этап энергетического сотрудничества на платформе ШОС ознаменовался изменениями на мировом рынке энергии в цепочке поставок. В июне 2018 года в городе Циндао по результатам XXVIII саммита ШОС был оглашен аналитический доклад, где был отмечен ряд обстоятельств.

Во-первых, «смена локаций», то есть процесс перемещения центра производства энергии на запад, а потребления на восток.

Во-вторых, «сдвиг энергетической структуры» - уменьшение зависимости от угля и нефти на фоне роста спроса на альтернативные источники энергии. Например, Китай является крупнейшим производителем фотоэлектрических и ветроэнергетических установок. Чжоу Дади, эксперт в области энергетики CNS из Национальной комиссии по развитию и реформам считает, что Китай готов поддержать членов ШОС в развитии новой энергетики. А Чже Гонг говорит о предсказуемости в данной ситуации установки тесных связей между государствами-участниками ШОС в сфере энергетического сотрудничества [350].

Государства-члены ШОС находятся в центре глобального энергетического рынка, который постоянно меняется. Поэтому у ШОС есть возможность для «стабилизации существующих цепочек поставок» энергии по всему миру. Для этого необходимо укрепление сотрудничества в трех областях: 1) оказание взаимопомощи в исследованиях для поиска более дешевых и чистых источников энергии; 2) стабилизация глобальной цепочки поставок энергии, предотвращение отключений; 3) создание платформы для переговоров о ценах на энергоносители.

В энергетическое сотрудничество входит четыре компонента:

1. строительство инфраструктуры;
2. финансирование совместных и многосторонних энергетических проектов;
3. развитие транспорта энергии;
4. сотрудничество в области исследований и разработок в области технологий.

Одним из инструментов создания благоприятных условий для продвижения экономико-энергетического сотрудничества на пространстве Шанхайской организации сотрудничества явилась инициатива по созданию «Энергетического клуба» ШОС. Проект создания Энергетического клуба в качестве «дискуссионной площадки» впервые был предложен в 2004 г. российской стороной. В 2006 г. с идеей создать энергетический клуб выступил В.Путин, указав на то, что идея о создании Энергетического клуба ШОС очень перспективная для экспортеров и импортеров сырья. К примеру, страны ШОС контролируют половину мировой газовой рынок с учётом Ирана [351].

В 2005 году во время конференции в Ташкенте обсуждался энергетический рынок Центральной Азии и была предложена Концепция сотрудничества

государств-участников ШОС в энергетической сфере, а также новый формат взаимодействия «Энергетический клуб». В его создании было заинтересовано высшее руководство Российской Федерации.

В апреле 2009 года во время встречи в Ашхабаде на фоне финансового кризиса взаимодействие стран-участниц ШОС в сфере энергетики вынесли на обсуждение. Поднимался вопрос о развитии «энергетического партнерства» в ЦАР и стабильном транзите энергоносителей. А год спустя в Москве в Курчатовском институте была обсуждена концепция Энергетического клуба ШОС и проблема альтернативных источников энергии.

Встреча глав энергетических ведомств КНР, России, Кыргызстана и Таджикистана в Сиане 23 сентября 2011 года сыграла решающую роль в создании Энергетического клуба. Результатом данной встречи стало принятие программы «Сианьская инициатива», ускорившая процесс развития энергетического клуба ШОС [352]. По принципам «Сианьской инициативы» Клуб является межправительственной открытой многополярной структурой. В которую входят поставщики и потребители энергоресурсов, представители госведомств, коммерческие компании, научно-технические учреждения. А Клуб является региональной платформой для обсуждения энергетических вопросов.

В ноябре 2011 году в Санкт-Петербурге во время заседания Совета глав правительств ШОС было принято окончательное решение о создании Энергетического клуба. В 2013 году Си Цзиньпин предложил открыть Специальный счет ШОС и сформировать Энергетический клуб. В декабре 2013 года четыре страны-участницы (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан), три наблюдателя (Индия, Монголия, Афганистан) и три партнера по диалогу (Турция, Беларусь, Шри-Ланка) подписали Меморандум о создании «Энергетического клуба ШОС». В 2013 году в данный Клуб вошли 12 государств. За все это время Клуб решал энергетические вопросы на многостороннем и двухстороннем уровнях. Так в 2015 году было принято решение о строительстве газопровода протяженностью 3371 км.

Председатель Правительства РФ Д. Медведев, выступая на расширенном заседании Совета глав правительств государств-членов ШОС в декабре 2014 г. обратил внимание на перспективы Энергетического клуба: «С учётом текущих колебаний на мировых рынках сырья, прежде всего сырья углеводородного - нефти и газа, новые возможности открываются для Энергетического клуба..., для рассмотрения вопросов энергетической безопасности и для сближения позиций всех участников рынка, имеются в виду и производители энергии, и транзитные государства (транзитёры), и потребители энергоресурсов. Изначально нужно строить работу с прицелом на современные взаимовыгодные контракты в этой сфере» [353]. На форуме малого и среднего бизнеса стран ШОС и БРИКС «Газ. Нефть. Технологии» в 2019 г. было предложено разместить в Башкирии (Россия) офис энергетического клуба ШОС, так как ШОС должна стать альтернативой существующим международным союзам в области энергетики. Тогда же было предложено объединить страны ШОС, чтобы её институты стали

работоспособны, а совместные проекты обладали эффективностью, прежде всего в энергетике и транспорте. Так, это проект железной дороги Казахстан – Туркменистан – Иран, где в итоге выгоду получают не только непосредственные участники проекта, но и Россия, ЕС, Южная Азия, Ближний Восток.

Другой трансконтинентальный проект имеет большие перспективы – это модернизация газотранспортной системы Центральная Азия – Центр в связи с развитием газодобывающих мощностей в регионе. На первом этапе наибольшие результаты в энергетической сфере были достигнуты в сотрудничестве таких стран ШОС как Россия, Казахстан и Узбекистан. «Энергетика была, есть и будет объединяющим фактором... Необходимо развивать Энергетический клуб ШОС и сделать его более дееспособной структурой» [354].

На площадку Энергетического клуба были вынесены масштабные энергетические проекты, им требовалась серьёзная политическая поддержка, как, например, строительство высоковольтных линий из Таджикистана через Афганистан и Пакистан в Индию. Поэтому в составе клуба имеются представители министерств энергетики стран-участниц ШОС и ведущих энергетических компаний.

В Энергетическом клубе, совмещающем информационные возможности взаимодействуют различные деловые круги, эксперты, государственный деятели, наблюдатели, партнеры по диалогу ШОС. Данный «Клуб» является полноценным институтом и имеет четкую организационную структуру.

Руководящим органом Клуба является Группа высокого уровня – заместители министров по вопросам развития ТЭК, компании ТЭК и бизнеса, представители профильных ведомств, государства-участники Энергетического клуба ШОС. У Клуба также имеется Секретариат, а заседания клуба проводятся до встречи министров государств-членов ШОС. Энергетический клуб так же, как Деловой совет и Форум ШОС является консультативным органом и организует многостороннее сотрудничество в области энергетики. Энергетические проекты направлены на привлечение инвестиций в строительство нефте- и газопроводов в ЦАР.

Официально созданный в декабре 2013 года, Энергетический клуб, многосторонний механизм сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), способствовал созданию самодостаточной энергетической системы. Это достигается за счет укрепления сотрудничества между производителями энергии (Иран, Россия, Казахстан, Узбекистан) и потребителями (Китай, Индия, Таджикистан, Кыргызстан, Пакистан, Монголия). Обширная трубопроводная сеть ШОС (охватывающая Китай, Россию, Центральную и Южную Азию и Иран) заложила основу для единого энергетического рынка. Инициатива Казахстана по разработке «Азиатской энергетической стратегии», включая создание энергетической биржи ШОС, имеет значительные перспективы.

Государства-участницы ШОС кроме многосторонних соглашений участвуют и в двухсторонних в сфере энергетики с третьими странами. Так, в

2017 году председателем Энергетического клуба ШОС была Турция, ее кандидатуру одобрили Россия и Китай. Хотя Турция не являлась членом ШОС. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган назвал ШОС альтернативой ЕС в сфере энергетики и поднял вопрос о председательствовании в Энергетическом клубе всем странам-членам ШОС в течение года [355]. Тем самым была обозначена серьезная незападная установка Турции в мировой энергетической сфере.

В перспективе Энергетический клуб ШОС вполне способен к согласованной топливно-энергетической деятельности всех его участников, к объединению усилий производителей и потребителей энергетических ресурсов во всех направлениях энергетики и экономики, впоследствии, в общей политике ШОС.

Иные взгляды на будущие перспективы Евразийского пространства с учетом энергетических сдвигов представил Жорж Депенро, директор Национального центра научных исследований Высшей нормальной школы (Париж). Исследуя ШОС с позиций экономической истории и расширения за счет Индии и Пакистана, уверен, что будущее «развитие Шанхайской организации сотрудничества может стать одним из основных факторов, ведущих к масштабной трансформации международных отношений в XXI веке. Во-первых, это полный сдвиг во внешней политике России. Это знаменует собой конец амбиций Петра Великого, знаменитого царя (1682-1725), по превращению России в европейскую страну. ШОС также меняет роль Китая в регионе, поскольку он стремится играть ведущую роль в мире. Началась новая игра» [356].

Критический аспект энергетического сотрудничества в деятельности ШОС и создании энергетического клуба сводится к выяснению сути «клубной» деятельности ШОС. Так, считается непродуманным шагом, что «на начальном этапе развития организации энергетическую сферу отнесли к области экономического взаимодействия стран-участниц ШОС, но не сотрудничества в области безопасности» [357].

Считается, что сдерживающим моментом в стратегии создания единого энергетического пространства является совмещение многосторонности и двусторонности процесса. Соглашения в энергетической сфере, как правило, заключаются на двусторонней основе. Многосторонность привносит определенную несогласованность, которая является производной в пользу двусторонности и сдерживает интеграцию энергетических рынков, создание единого энергетического пространства ШОС. Достаточно распространённое мнение присутствует в ряде публикаций о том, что между Россией и КНР имеется ряд противоречий в рамках ШОС, особенно в экономической и энергетической сфере. «Членство в ШОС позволило Китаю расширить зону своего влияния в Центральной Азии, в результате чего Россия и Китай конкурируют преимущественно в экономической и энергетической сферах в регионе» [358]. Довольно распространённая критика относительно вступления новых и достаточно сложных членов в ШОС - Индии, Пакистана, Ирана, что

фактически исключает возможность создания сильной и единой ШОС. Далее, эта проблематика будет распространяться до конкретных энергетических государств ЦА – Казахстана и Туркменистана.

Сможет ли в будущем формирующееся энергетическое пространство Евразии принять такой формат как «Энергетический клуб» ШОС, и сможет ли этот клуб привести разнонаправленные стратегии весьма разноплановых игроков к общему знаменателю? Данный вопрос остаётся открытым, так как требуется временная дистанция для подтверждения или опровержения тезиса. На сегодняшний день все девять государств-участников пока подтверждают своё совместное участие в шанхайском процессе и приверженность «шанхайскому духу».

Идея создания «Энергетического клуба» ШОС, не сразу нашла понимание в политических и экспертных кругах. Скорее из-за непонимания цели и перспектив клуба, это предложение оценивалось с позиций критики, либо отрицания. Сам Энергетический клуб характеризовался как недееспособное образование, которое «носит больше декларативный характер» с целью «продвижения энергетических проектов» и т.п. В годы формирования Энергетического клуба российский учёный А.Власов выразил подобные настроения следующим образом: «Очевидны резоны тех экспертов, кто сомневается в реальности задуманного. Насколько велик шанс, что, отодвигая на второй план собственные геополитические и геоэкономические амбиции, и действуя в строгом соответствии с «шанхайским» духом – страны участницы ШОС будут работать на общее благо? У пессимистов, к сожалению, гораздо больше доказательств на руках» [359].

В 2009-2010-х годах произошли экономические кризисы, произошел разрыв Объединенной энергетической системы Центральной Азии (ОЭС ЦА), все это препятствовало энергетическому сотрудничеству в рамках ШОС.

Внедрение Россией новых механизмов ценообразования на энергоносители в 2000-х годах вызвало беспокойство в Китае, что побудило его предложить концепцию Энергетического клуба ШОС. Обсуждения на Форуме ШОС в июне 2007 года были сосредоточены на проектах документов для этого клуба [360] и Азиатской энергетической стратегии [361]. Один документ был подготовлен Международным институтом современной политики Казахстана. Эти конкурирующие предложения подчеркнули существующую напряженность между Россией, Китаем и Казахстаном, отражая их более раннее соперничество за региональное лидерство в рамках ШОС. Последующие события усилили восприятие конкуренции между этими тремя странами в рамках организации.

В интервью Генерального секретаря ШОС Болат Нургалиева изложена ясная позиция относительно подобного «соперничества». «Мы не стремимся к тому, чтобы Клуб стал картелем, типа ОПЕКА. Такой задачи не ставится. Речь идет о том, что с учетом важной роли, которую играют государства ШОС в мировом энергетическом балансе, потенциальной роли в энергетической безопасности и запасов стран ШОС (с точки зрения нефти, газа, урана и

гидроресурсов), а также потребностей экономического развития шести государств данная инициатива вполне закономерна... У Казахстана есть предложение – Азиатская энергетическая стратегия, у России – клуб ШОС. Одно другому не противоречит, по содержанию эти документы перекликаются... В некоторых государствах нет даже национальной энергетической стратегии, она не выработана четко, поэтому ставится под сомнение выработка общей стратегии, которая бы была приемлема». Б.Нургалиев предупредил, что создание Клуба только начинается, поэтому критики, говорящие о несвоевременности, либо конкуренции, «спешат», «забегают вперед, делая прогнозы, что что-то там застопорилось». «Не застопорилось - идет нормальный процесс согласования; он, естественно, не простой». В те годы шла кропотливая работа, основанная на принципах ШОС, которые приняты – взаимоуважение, уважение интересов друг друга, уважение различных мнений, позиций и понимание того, что есть определенные разночтения» [362].

Перед ШОС, которая объединила внутри своей организации, крупных мировых поставщиков и потребителей энергоресурсов стоит задача формирования механизма, способного реализовать проекты в области транспортировки энергетических ресурсов.

Перспективы общего энергетического пространства ШОС. Энергетическое сотрудничество в рамках ШОС занимает важное место в отношениях между странами-участницами. Но реализация зависит от политической воли и готовности к сотрудничеству. Ведь если не будет консенсуса, то не будет реализации поставленных задач. Так создание Энергетического клуба показало не только рост влияния Китая, но и мировые тенденции в экономике.

Энергетический вектор во внешнеполитической стратегии стран-членов ШОС служит в основном как инструмент «мягкой силы», благодаря которому государства имеют возможность укрепить свои позиции на пространстве Большой Евразии.

В свою очередь, Китай в рамках ШОС использует свои инвестиционные возможности, усиливает присутствие в Евразии и предоставляет экономические и энергетические гарантии безопасности на Евразийском пространстве, способствует сближению регионов и стран Центральной Азии, вовлекая Евразию в тесное соприкосновение с АСЕАН и АТР.

Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) имеет хорошие перспективы. Относительно перспектив ШОС и структур этой организации выделяются разные мнения - от концептуального видения Шанхайской организации как глобального или как регионального игрока, до экспертов-практиков. Приведём наиболее распространённые, которые выражены авторитетными авторами и которые можно группировать примерно по схеме, заданной ими. Мнение/группа мнений, сформированные в результате исследований Шанхайской организации сотрудничества. Итак, оценка перспектив ШОС, выраженная Робертом Шефером, заключена в основном тезисе – Шанхайская организация сотрудничества может стать глобальным

игроком, может быть серьёзным центром принятия политических решений и когда-нибудь мировым экономическим центром [343].

Основой сотрудничества ШОС является сам потенциал организации как структурообразующего элемента Евразийского региона. Евразийское измерение региональных проблем в ЦА связано с пространством ШОС, в целом и в частности, со сферой энергетики. Казахстан и Туркменистан одновременно тесно взаимодействуют с крупными энергетическими игроками континента – Китаем и Россией, которые задают тон в Шанхайской организации сотрудничества.

ШОС может стать инвестиционным форумом по вопросам энергетической политики. А Энергетический клуб способствовать более глубокому взаимодействию производителей и экспортеров энергии (РФ, Казахстан, Иран и Узбекистан) с потребителями и импортерами энергии (КНР, Кыргызстан, Пакистан, Монголия, Таджикистан и Индия). Туркменистан может стать нейтральной площадкой для остальных участников Энергетического клуба, который совместно с Деловым советом и Форумом ШОС выполняет консультативные функции.

На втором совещании министров энергетики стран-членов ШОС в Ташкенте в июне 2022 года были утверждены и одобрены следующие документы: проект Программы сотрудничества в области использования возобновляемых источников энергии и Концепция сотрудничества в сфере энергетики стран-членов ШОС [363]. Реализация данных документов очень важна. Это позволит стать ШОС самодостаточной энергетической системой в глобальном и региональном масштабе.

Работа в данном направлении ведется на постоянной основе. Так, важно отметить результаты заседания Валдайского клуба по этому вопросу 2023. В рамках встречи было отмечено, что новые геополитические и геоэкономические реалии ставят перед Энергетическим клубом Шанхайской организации сотрудничества новые вызовы наряду с возможностями и есть необходимость в выработке принципиально новых подходов. Ключевая задача для государств-членов и ассоциированных партнёров ШОС заключается не только в том, чтобы превратить Энергетический клуб ШОС (ЭК ШОС) в эффективный институциональный орган для гармонизации их энергетических стратегий и укрепления энергобезопасности в быстро меняющейся глобальной энергетической архитектуре, но и обеспечить его эффективное функционирование на постоянной основе.

Выделение нескольких уровней функционирования ЭК ШОС - глобального, регионально-евразийского (Россия, Китай, Индия, Иран, Пакистан и четыре государства Центральной Азии), субрегионального на уровне ЦА (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан) и странового (развитие национальных энергетических моделей стран – членов ШОС) - позволяет выявить потенциал ЭК ШОС в разрезе не только географического охвата, но и

уровней взаимодействия в условиях новых серьезных вызовов энергетической безопасности.

Участие таких ключевых членов Организации стран - экспортёров нефти (ОПЕК), как Саудовская Аравия и Иран, в деятельности ШОС и их недавнее решение о возобновлении двусторонних дипломатических отношений может способствовать превращению Энергетического клуба ШОС в глобального игрока, представляющего из себя дополнительную стабилизирующую силу на международном нефтяном рынке. Однако сложная международная обстановка не дает гарантии охвата всех уровней, но один или несколько уровней может быть охвачено.

Регионально-евразийский уровень функционирования Энергетического клуба ШОС подразумевает гармонизацию энергетических стратегий и укрепление сотрудничества между странами – производителями углеводородов (Россией, Саудовской Аравией, Ираном, Казахстаном, Узбекистаном) и странами – потребителями углеводородов (Китаем, Индией, Пакистаном, Турцией, Монголией, Таджикистаном и Киргизией). По сути, как считает ряд экспертов, энергетический клуб ШОС может способствовать трансформации ШОС в самодостаточную энергетическую систему. Планы по превращению Турции в газовый хаб, через который будет осуществляться торговля трубопроводным и сжиженным природным газом как на европейском направлении, так и на регионально-евразийском уровне, также должны способствовать дальнейшему развитию Энергетического клуба ШОС [364].

Субрегиональный центральноазиатский уровень функционирования Энергетического клуба ШОС обретает особое значение в новых геополитических реалиях. На протяжении последних тридцати лет центральноазиатский газ транспортировался через систему магистральных газопроводов на территорию Российской Федерации, однако сегодня Казахстан и Узбекистан испытывают нехватку природного газа для собственного внутреннего потребления. В связи с этим российская сторона могла бы удовлетворить дефицит газа в этих двух странах, учитывая уже существующий опыт «Газпрома» в обеспечении газовых нужд Казахстана и Узбекистана через своповые поставки газа. Существует мнение, что три государства могли бы трансформировать унаследованную советскую газовую инфраструктуру и построить новую для интеграции газовых поставок из России для внутренних нужд Казахстана, Узбекистана и даже Китая.

Однако слабыми местами тройственного газового союза являются отсутствие среди его потенциальных участников Туркмении, ключевого центральноазиатского производителя газа, а также опасения Казахстана и Узбекистана по поводу рисков введения против них вторичных западных санкций. Следует учитывать, что формальное создание нового союза может быть расценено странами-членами «Большой семёрки» как попытка обойти санкции, введенные против России. И для Казахстана, Узбекистана и России, возможно, более целесообразно координировать свои стратегии и позиции на внешних

рынках в рамках Энергетического клуба ШОС, особенно с учётом готовности Туркмении к сотрудничеству с ШОС в экономике, торговле и инвестициях. Туркмения является основным поставщиком центральноазиатского газа в Китай по газопроводу через территорию Казахстана и Узбекистана. Помимо этого, сырьевая база Туркмении рассматривается как источник газа для ещё одного стратегического газопровода: Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия (ТАПИ), к строительству которого может присоединиться и Россия [364].

Главной задачей для Энергетического клуба ШОС является его полноценная институционализация.

В условиях трансформации глобального энергетического порядка вопрос о повышении роли Энергетического клуба ШОС в управлении энергетическими процессами на различных уровнях стоит особенно актуально.

Необходимо также отметить, что 21 июня 2024 года в г. Астане состоялось четвертое Совещание министров энергетики государств-членов ШОС. В мероприятии приняли участие руководители министерств и ведомств, отвечающие за вопросы сотрудничества в сфере энергетики, государств-членов ШОС, а также из Республики Беларусь и Турецкой Республики. В ходе Совещания главы делегаций обменялись мнениями по текущему состоянию и перспективам развития глобальной и региональной энергетической повестки.

Стороны обсудили развитие энергетической отрасли, возможности привлечения инвестиций и финансирования в целях осуществления проектов и программ в данной области [365].

В ходе встречи была подчеркнута важная роль ШОС в мировой энергетической сфере, объединившей на своей площадке крупнейших производителей, транзитеров и потребителей энергоресурсов. Было также отмечено, что государства-члены Организации уделяют особое внимание наращиванию взаимовыгодного сотрудничества в сфере энергетики, построению устойчивой экономической системы, в том числе путем продвижения «зеленых» и экологически чистых технологий, а также инклюзивных подходов к социальному развитию на основе реализации Программы «Зеленого пояса» ШОС.

Более того, по итогам мероприятия был одобрен проект Стратегии развития энергетического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года. Данный проект был утвержден, Стратегия развития принята на Саммите ШОС 4 июля 2024 г. в Астане и закреплена в Астанинской Декларации Совета глав государств-членов ШОС [366]. В Декларации говорится, что государства-члены выступают за дальнейшее развитие сотрудничества в обеспечении энергетической безопасности и считают важным «скоординированный и сбалансированный энергетический переход, учитывающий интересы, как стран-производителей, так и потребителей традиционных видов топлива, в соответствии с национальными приоритетами и возможностями государств-членов ШОС».

Таким образом, энергетическая стратегия Китая коррелируется с интересами стран Центральной Азии при согласовании и других вовлеченных стороной, в частности, России. Более того, энергетический клуб ШОС имеет основания и для дальнейшего развития, что важно не только для Китая, но и для стран Центральной Азии при продвижении их национальных интересов как в сфере безопасности, так и в энергетической сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие отношений между странами Центральной Азии и Китайской Народной Республики имеют устойчивую динамику и одним из важных аспектов является развитие энергетической сферы и экспорта энергоресурсов, в частности, в контексте китайско-казахстанских и китайско-туркменских отношений.

Определение теоретико-концептуального и методологического подхода в исследовании китайского фактора в энергетической проблематике Центральной Азии, на примере Казахстана и Туркменистана показывает, что преобладающими в современных исследованиях энергетической безопасности и энергетической устойчивости можно, можно условно принять положения неореалистических и неолиберальных теоретиков. Также важно отметить и конструктивистские подходы в контексте данного исследования как одного из элементов энергетической устойчивости, в частности на региональном и межрегиональном уровне. Использование разных теоретических подходов видится наиболее приемлемым для глубокого анализа национальных и мировых факторов энергетической безопасности.

Изучение тенденции в развитии двусторонних отношений КНР и определение структурных зависимостей в энергетической сфере ЦА позволяет выделить несколько этапов. Так, на начальном этапе произошло становление основ энергетического сотрудничества КНР со странами ЦА в первом десятилетии 1990-х годов и определение потенциальных возможностей в энергетической политике с учётом китайского фактора. Условный второй этап охватывает в основном первое десятилетие 21 века, выявляется тенденция сближения КНР–ЦА на фоне стремительного роста влияния и мощностей Китая, а также отмечается утверждение национальных стратегий развития и позиций Казахстана и Туркменистана в энергетической сфере.

На второе десятилетие 21 века приходится новый третий этап с того момента, когда КНР официально представила инициативу «Один пояс, один путь» и идею объединённых проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП), что, по словам Председателя КНР Си Цзиньпина, «открыло новые горизонты мечты». На этом этапе центральноазиатские государства успешно добиваются сближения с Китаем и входят в формат стратегического сотрудничества с КНР.

На современном этапе, начавшемся непосредственно до COVID-19 и который продолжается по настоящее время, отмечена высокая интенсивность практической реализации двустороннего стратегического сотрудничества КНР с энергетически значимыми странами ЦА.

Отношения Китая с Казахстаном и Туркменистаном в энергетической сфере развивались по-разному и в различных политических обстоятельствах, тем не менее стороны преодолевали противоречия между собой и связанные с

конкурирующими энергетическими и коммуникационными проектами ведущих энергетических держав.

Растущий интерес Китая к Казахстану и к Центральной Азии в целом вполне обоснован. Центральная Азия является субъектом международных отношений и новым фокусом китайской энергетической дипломатии, выходящей за пределы «периферийной» дипломатии. Энергоносители выступают сегодня главным интересом многих стран и Китая, соперничающих за влияние в Центральной Азии. Китай действует путем энергетической дипломатии, придерживаясь принципов периферийной дипломатии и обеспечивает доступ к энергетическим ресурсам ЦА. Методы энергетической дипломатии в практической деятельности позволяют Китаю и странам региона минимизировать проблемы, решать их политическими и экономическими сделками по отдельным проектам. Однако полного совпадения геополитических и коммерческих интересов государств достичь не всегда удается.

Ключевой сферой интереса Пекина в Центральной Азии выступает энергетическая сфера с акцентом на отрасль нефтедобычи. Для удовлетворения потребностей КНР были интегрированы две главные цели:

глобальная — связана с развитием самой крупной экономики планеты, что требует большого количества ресурсов;

региональная — поддержание стабильности и безопасности, для чего нужно создать условия для получения стабильного дохода.

Пекин не желает контролировать энергоресурсы. Его цель связана с предотвращением монополизма в Казахстане и Туркменистане и в сфере добычи и поставок ресурсов.

Энергетическое сотрудничество между Китаем, Казахстаном и Туркменистаном с участием других стран ЦА вписывается в энергетические интересы и стратегии всех стран.

Развитие Экономического Пояса Шелкового Пути и его сопряжение с Каспийским форматом, форматом «Китай – ЦА», ШОС, ЕАЭС и других может существенно смягчить конкуренцию в энергетической сфере. Форматы международного сотрудничества в сфере развития альтернативных источников энергии в рамках 17 ЦУР предполагает включенность КНР, стран ЦА также в общие проекты с западными странами.

Быстрый экономический рост Китая и растущие потребности в ресурсах предполагают, что в среднесрочной перспективе он станет доминирующим торговым партнером для Центральной Азии, потенциально превзойдя Россию, чья экономика в значительной степени зависит от добычи и экспорта ресурсов. В долгосрочной перспективе Китай может даже стать ведущим торговым партнером региона.

Остаются критические моменты, связанные с нерешенностью ряда международно-правовых, политических договоренностей, но особенно, влиянием внешнего фактора острого соперничества западных стран с Китаем на территории стран Центральной Азии.

В скором времени Китай превратится в основного потребителя сырья и энергоресурсов, добываемых в Центральной Азии. В настоящее время доля присутствия Китая в казахстанской нефтяной отрасли достигает по разным оценкам 30-40%, такие данные также подтверждаются результатами данного исследования. Эксперты прогнозируют, что с утверждением обновленной стратегии объем инвестиций в сырьевой сегмент будет только увеличиваться. Для китайского правительства центральноазиатский регион (в первую очередь Туркменистан и Казахстан) видится как важная составляющая энергетической политики, поэтому Пекин крайне заинтересован в обеспечении безопасности энергоносителей в регионе.

Анализ ключевых аспектов энергетической дипломатии Китая, в том числе концепции «периферийной дипломатии» имеет результатом основание утверждать, что энергетическая повестка КНР интегрирована в программу комплексной модернизации и развития государства, которая нацелена на несколько десятилетий. В данном контексте видится, что задачи внешней энергетической политики будут достигаться посредством энергетической дипломатии, нацеленной на укрепление энергетического партнерства со многими поставщиками энергоносителей, в том числе государствами Центральной Азии. Страны региона ЦА, и в частности, Казахстан и Туркменистан, играют важную роль в осуществлении энергетической дипломатии Китая в новых геоэкономических реалиях и повышенного конфликтного потенциала.

Значимость инициативы нового «Шелкового пути» в контексте энергетических проектов Казахстана и Туркменистана в рамках «Экономического Шелкового пути» (ЭШП) и инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) достаточно высокая прежде всего для самого Китая в силу специфики региона и самих стран. Результаты данного исследования, подтвержденные мнениями экспертов указывают на тот факт, что инициатива ЭШП наиболее приоритетная область развития отношений КНР с сопредельными странами, а также необходимо принимать во внимание регионы самого Китая, куда направлена энергетическая составляющая как в контексте развития, так и усиления экономического потенциала.

Применение элементов SWOT-анализа и выявление слабых-сильных сторон, а также возможностей с рисками, которые могут возникнуть между странами в ходе развития двух- и многосторонних отношений имеют следующие результаты. Центральноазиатские страны и Казахстан способны оказать решающее влияние на процессы диверсификации поставщиков энергетических ресурсов для КНР, в том числе уменьшая зависимость от покупки жидких углеводородов государств Ближнего Востока и учитывая временами возникающую политическую турбулентность в этом регионе.

Нестабильность политических процессов в традиционных странах-экспортерах энергоресурсов вместе с вероятной блокадой нефтяных поставок Вашингтоном стимулируют правительство Китая обеспечивать безопасность

сырьевых источников и энергоносителей, усиливая присутствие в Центральной Азии. В нефтегазовом сотрудничестве существует ряд проблем, связанных с недостаточной долей техники и другой продукции стран ЦА в рамках совместных проектов.

«Срединное положение» Центральной Азии на Евразийском континенте естественным образом доказывает приемлемую геополитическую концепцию региона ЦА в качестве трансконтинентального «моста» между юго-восточной частью Евразии, то есть пространства Шанхайской организации, и Европой, но именно здесь обнаруживается явное противоречие между энергетическими интересами стран поставщиков и потребителей нефти и газа.

Дальнейшее развитие Китая во многом зависит от стабильного поступления углеводородных ресурсов, новых технологий в сфере энергетики, поэтому политика КНР сосредоточена на широкой поддержке энергетических перспектив Шанхайской организации. Энергетический клуб ШОС активно развивается и имеет перспективы для своего устойчивого развития, это, в свою очередь важно и для Китая, и для стран Центральной Азии.

В современных условиях развивающейся мировой энергетической нестабильности и нестабильности цен на углеводороды и природный газ, как и на многие природные ресурсы, перед ШОС открываются новые перспективы.

Нефтегазовые инвестиции Китая в Казахстан и Туркменистан стали катализатором развития обрабатывающей промышленности и машиностроения. Инвестиции китайских компаний в казахстанскую промышленность важны для всех стран, так как создаются производства в нефтегазохимии и химической промышленности, которые обеспечивают более глубокую переработку сырья.

Для Казахстана и Туркменистана важно поддерживать баланс как двусторонних отношений с Китаем, так и развивать энергетическое сотрудничество в контексте многосторонних отношений и форматов, в том числе «Китай+Центральная Азия», ШОС и др. Наряду с этим, необходимо постоянно работать над совершенствованием национального законодательства в области энергетической политики и дипломатии.

Таким образом, необходимо отметить, что требуются чётко сформулированные и научно обоснованные ориентиры долгосрочных перспектив энергетического сотрудничества стран ЦА, и, в частности, для Казахстана и Туркменистана с Китаем и с другими энергетическими партнёрами в целях формирования единого безопасного и устойчивого энергетического пространства в Центральной Азии, а также шире в Евразии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Визит Си Цзиньпина в Центральную Азию стал знаковым событием на важном историческом этапе: МИД КНР, 22. 09. 2022. - URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2022-09/22/content_78433591.htm (дата обращения: 25.10.2022)

2 «Концепция внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы». Указ Президента Республики Казахстан от 6 марта 2020 года, № 280. - URL: https://www.akorda.kz/ru/legal_acts/decrees/o-koncepcii-vneshnei-politiki-respubliki-kazakhstan-na-2020-2030-gody (дата обращения: 09.04.2020).

3 Выступление Президента Туркменистана Сердара Бердымухамедова на Довлет Маслахаты // Государственное информационное агентство Туркменистана «Туркменистан сегодня». - 23.09.2022. - URL: <https://tdh.gov.tm/ru/post/32961/vystuplenie-prezidenta-turkmenistana-serdara-berdymuhamedova-na-dovlet-maslahaty> (дата обращения: 25.10.2022).

4 共建丝绸之路经济带西安宣言 [Сианьская декларация о совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути]. - 18.07.2014. - URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/htws35512/Document/1524737/1524737.htm> (дата обращения: 30.06.2018).

5 Pan Guang. «A new diplomatic model»: a Chinese perspective on the Shanghai Cooperation Organization // Washington Journal of Modern China. 2008-2009. - № 9 (1). - P. 55-72.

6 Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути 21-го века» // Посольство КНР в РК. - 31.03.2015. - URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/gyzg/t1250518.htm/> (дата обращения: 22.05.2018).

7 推动共建丝绸之路经济带和21世纪海上丝绸之路的愿景与行动 // 国务院新闻办公室网站 [Продвижение видения и действия по совместному строительству Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века // Сайт информационного бюро Госсовета. - 28.03.2015. - URL: <http://www.scio.gov.cn/31773/35507/35519/Document/1535279/1535279.htm> (дата обращения: 05.04.2021).

8 «Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития «Нұрлы жол» на 2020 – 2025 годы». Постановление Правительства Республики Казахстан от 31 декабря 2019 года № 1055 – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001055> (дата обращения: 30.01.2020).

9 Закон Туркменистана «О внешнеэкономической деятельности» (2014). Министерство адалат Туркменистана. - URL: <http://www.minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/167>. (дата обращения: 27.12.2021).

10 Закон Туркменистана от 20 августа 2008 года № 208-III «Об углеводородных ресурсах». Министерство адалат Туркменистана. - URL: <http://www.minjust.gov.tm/mcenter-single-ru/256>. (дата обращения: 27.12.2021).

11 Утверждена программа развития Туркменистана до 2025 года Текст [The development program of Turkmenistan until 2025 is approved] // Big Asia, 04.02.2019. - URL: http://bigasia.ru/content/news/business/utverzhdena-programma-razvitiya-turkmenistana-do-2025-goda/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 05.04.2021).

12 Совместная декларация Китайской Народной Республики и Республики Казахстан о развитии всестороннего стратегического партнерства 13 июня 2011 г. // Агентство Синьхуа. - 14.06.2014. - URL: http://russian.news.cn/dossiers/2011-06/14/c_13927807_2.htm/ (дата обращения: 18.02.2019).

13 Совместная декларация об установлении отношений стратегического партнерства между Китайской Народной Республикой и Туркменистаном // МИД КНР. 2013, 03.09. - URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/wjdt/gb/t1154276.shtml> (дата обращения: 15.06.2022).

14 Саммит глав государств «Центральная Азия - Китай»: Совместное заявление глав государств Центральной Азии и Китая по случаю 30-летия установления дипломатических отношений (далее-Заявление) 09.06.2022. - URL: http://russian.news.cn/2022-01/26/c_1310440618.htm/ (дата обращения: 08.12.2022).

15 Диалог «Центральная Азия и Китай»: Основа для нового этапа регионального сотрудничества в период постпандемии. Первая министерская встреча «Центральная Азия - Китай» с участием глав внешнеполитических ведомств Казахстана М.Б.Тлеуберди, Китая Ван И, Кыргызстана Ч.А.Айдарбекова, Таджикистана С.Мухриддина, Туркменистана Р.О.Мередова и Узбекистана А.Х.Камилова (18 июля 2020) // Центр по изучению Китая (中国研究中心). - URL: https://chinastudies.kz/ru/publications/central_asia/354/ (дата обращения: 07.09.2020).

16 Ху Цзиньтао. «Предстоящая эксплуатация газопровода Китай-Центральная Азия знаменует достижение нового уровня сотрудничества между Китаем и Туркменистаном». Визиты Ху Цзиньтао в Казахстан и Туркменистан // Жэньминь Жибао. – 2009, 15 декабря. - URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6840148.html> (дата обращения: 07.04.2018).

17 Си Цзиньпин. Выступление председателя КНР на саммите ООН по развитию. Текст // Посольство КНР в РК, 04.12.2015. – URL: <http://kz.chineseembassy.org/rus/gyzg/t1321284.htm/> (дата обращения: 14.02.2018).

18 王晔摄. 习近平主席访问中亚四国和共建“丝绸之路经济带” // Председатель КНР Си Цзиньпин совершил визит в четыре страны Центральной Азии и объявил о совместном строительстве «Экономического пояса Великого шелкового пути». Текст // Информационное агентство «Синьхуа» (新华网/ Ван Ешэ). - 13.09.2013. - URL: http://news.xinhuanet.com/world/2013-09/13/c_117349709.htm. (дата обращения: 15.05.2019).

19 Вэнь Цзябао. Премьер Госсовета КНР. Доклад о работе Правительства на 5-й сессии Всекитайского Собрания народных представителей 11-го созыва // ЦК КПК Бюро переводов. - 05.03.2012. - URL: <http://www.cctb.net/bygz/wxfy/201203/W020120323452101589824.pdf> (дата обращения: 23.03.2019).

20 李克强在中欧工商峰会上的演讲(全文) (Ли Кэцян. Речь на бизнес-форуме

Китай-ЕС. Полный текст), 30.06.2015. - URL: http://www.gov.cn/guowuyuan/2015-06/30/content_2886643.htm (дата обращения: 23.03.2019).

21 Ван И: Саммит Китай-Центральная Азия создал новую платформу добрососедства, дружбы и сотрудничества в регионе. - URL: http://uz.china-embassy.gov.cn/rus/jrzg/zgyw/202401/t20240110_11221091.htm (дата обращения: 05.02.2024).

22 Назарбаев Н. Выступление на VIII Астанинском экономическом форуме // Akorda. - 22.05.2015. - URL: www.akorda.kz/ru/special/speeches/internal_political_affairs/ (дата обращения: 23.03.2019).

23 Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев провел переговоры с Председателем КНР Си Цзиньпин. Акorda, 5 февраля 2022 года. - URL: <https://www.akorda.kz/ru/prezident-kazahstana-provel-peregovory-s-predsdatelem-knr-51941> (дата обращения: 16.05.2022).

24 Токаев К.К. Внешняя политика Республики Казахстан в условиях глобализации. Алматы: АО «САК», 2000. - 584 с.

25 Сапармурат Туркменбаши. Рухнама (Раздел «Независимый нейтральный Туркменистан»). – Ашхабад, 2006. – С.244-287 (415 с.).

26 Президент Туркменистана Г. Бердымухамедов: газопровод Китай-Центральная Азия можно назвать образцом стратегического партнерства между Туркменистаном и Китае. Визиты Ху Цзиньтао в Казахстан и Туркменистан // Жэньминь Жибао. – 2009, 15 декабря. - URL: <http://russian.people.com.cn/95199/95318/> (дата обращения: 27.03.2019).

27 Выступление Президента Гурбангулы Бердымухамедова на расширенном заседании Кабинета Министров Туркменистана // Газета «Нейтральный Туркменистан», 11 января 2014. - №10-11. - URL: <https://www.turkmenmetbugat.gov.tm/ru/newspapers/3/articles> (дата обращения: 14.11.2018).

28 中国工程院“能源中长期发展战略研究”项目组. 中国能源中长期 (2030、2050) 发展战略研究报告. - 北京: 科学出版社, 2011. -180 页. [Стратегия развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу (до 2030 и 2050 гг. Группа проекта Китайской инженерной академии «Исследование стратегии среднесрочного и долгосрочного развития энергетики»). - Пекин: Изд-во науки, - 2011. - 180 с.] – URL: <http://scitech.people.com.cn/GB/14029104.html> (дата обращения: 18.07.2020).

29 Белые книги по внешней торговле, национальной обороне, мирному развитию Китая и политике в сфере энергетики; Решения Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая и др. // 中国网 [сайт Чжон Го]. - URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/node_2063555.htm (дата обращения: 05.09.2018).

30 魏一鸣. 中国能源报告(2012): 能源安全研究. - 北京: 科学出版社, 2012. [Вэй Имин. Доклад об энергетике Китая 2012 г.: исследование энергетической безопасности (Глава 1). - Beijing: Научное издание, 2012]. - 299 с.; 王越, 王楠, 张静. 对中亚三国油气合作现状及分析 // 中亚研究网 [Нынешнее состояние и анализ нефтегазового сотрудничества с тремя странами Центральной Азии / Ван Юэ, Ван Нань, Чжан Цзин //

Исследовательский портал по Центральной Азии. – 2009. – URL: <http://euroasia.cass.cn/news/405653.htm> (дата обращения: 04.05.2016).

31 中国能源 // 北京石油干部管理学院学报 [Китайская энергетика («Чжунго нэнъюань»)] // Вестник Пекинского института кадров нефтяного управления]. – URL: <https://sygg.cbpt.cnki.net/WKG/WebPublication/advSearchPaperList.aspx?pk=中国能源> (дата обращения: 04.05.2016).

32 中国石油在土库曼斯坦 // 中国石油官方网站 [CNPC в Туркменистане // Официальный сайт компании CNPC]. – 10.01.2023. – URL: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml (дата обращения: 22.01.2023).

33 Электроэнергетика Туркменистана: достижения и перспективы развития // Turkmen Portal. – 02.09.2017. – URL: <https://turkmenportal.com/blog/11652/elektroenergetika-turkmenistana-dostizheniya-i-perspektivy-razvitiya> (дата обращения: 13.07.2018).

34 «CNPC-Актобемунайгаз» // Официальный сайт. – URL: <http://www.cnpc-amg.kz/index.php?p=about> (дата обращения: 23.06.2018); Нефтепровод Казахстан-Китай // Официальный сайт компании АО НК «КазМунайГаз». – URL: http://www.kmg.kz/manufacturing/oil/kazakhstan_china/ (дата обращения: 22.06.2017).

35 中国石油在乌兹别克斯坦 // 中国石油官方网站 [CNPC в Узбекистане // Официальный сайт компании CNPC]. – 10.01.2023. – URL: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Uzbekistan/country_index.shtml (дата обращения: 22.01.2023).

36 Каспийский саммит. Заявления глав государств – участников IV Каспийского саммита для прессы // Официальный сайт Президента России. – 29.09.2014. – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46689> (дата обращения: 30.01.2017)

37 ШОС. Секретариат Делового Совета Шанхайской Организации Сотрудничества – Официальный сайт. – URL: <http://www.bc-sco.org> (дата обращения: 24.10.2022)

38 SCO INFO. SCO Energy Club: structure ready for international interaction, not Shanghai Six's elite club. – URL: <http://infoshos.ru/en/?idn=13913> (дата обращения: 30.01.2017)

39 ШОС. Второе Совещание министров энергетики государств-членов ШОС. Ташкент, 24 июня 2022 г. – URL: <http://rus.sectsco.org/news/20220624/844505.html>

40 ЕЭК ООН. Доклад Европейской Экономической Комиссии // Economic Commission for Europe (ECE). – 2015 – URL: http://www.unece.org/fileadmin/DAM/energy/se/pdfs/gere/publ/2015/REN21_UNECE_Status_Russian.Pdf/.

41 Соглашение «О торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны». – 17.05.2018. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910250023> (дата обращения: 20.08.2019).

42 International Energy Agency. World Energy Statistics and Balances Data Service. – 2017. – URL: <http://www.iea.org/statistics>. (дата обращения: 20.08.2019).

43 World Development Indicators (database). The World Bank. – URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>. (дата обращения: 20.08.2019).

02.04.2021).

44 Statistics for China // The World Bank. - URL: <https://data.worldbank.org/country/china?view=chart> (дата обращения: 02.04.2021).

45 BP. Statistical Review of World Energy. New York: Energy Council. - 2018, 2019, 2020, 2021.

46 Ежегодный статистический справочник КНР. – National Bureau of Statistics of China. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/> (дата обращения: 18.04.2021).

47 盛来运. 不平凡之年书写非凡答卷——《2020年国民经济和社会发展统计公报》评读// 中华人民共和国中央人民政府 [Статистический бюллетень национального экономического и социального развития за 2020 год с комментариями // Центральное народное правительство КНР/Шэн Лайюнь], - 28.02.2021. - URL: http://www.gov.cn/xinwen/2021-02/28/content_5589290.htm; http://www.stats.gov.cn/tjsj/sjjd/202102/t20210228_1814157.html (дата обращения: 28.02.2021).

48 Бюро национальной статистики. Статистика энергии. Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан (ежеквартальные выпуски). - URL: <https://stat.gov.kz/ru/industries/business-statistics/stat-energy/>

49 中华人民共和国中央人民政府网 [Официальный сайт Китайского правительства]. - URL: <http://www.gov.cn/>

50 中国外交部官方网站 (Официальный сайт МИД КНР). - URL: <http://www.fmprc.gov.cn/web/>; Интернет-портал МИД КНР. Департамент по внешнеполитическому планированию МИД КНР. - URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/>

51 Официальный сайт Президента Республики Казахстан. - URL: <https://www.akorda.kz/ru>

52 Официальный сайт МИД Туркменистана. - URL: <https://www.mfa.gov.tm/ru>

53 The Silk Road. Encyclopedia / Jeong Su-Il. – Gyeongsangbuk-Do: Korea Institute of Civilizational Exchanges, 2016. – 1085 p.

54 Mahan A.T. The Influence of Sea Power upon History, 1660–1783. - N. Y.: Dover Publications, 1987. - 656 p. /Release Date: September 26, 2004. - URL: <https://www.gutenberg.org/files/13529/13529-h/13529-h.htm>

55 Mackinder H.J. The geographical pivot of history // Democratic Ideals and Reality. - Washington, DC: National Defense University Press, 1996. - pp. 175–193.

56 Morgenthau H.J. Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace. Fifth Edition. - New York: University of California, 1993. – 419 p.

57 Waltz K.N. Theory of International Politics. - Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1979. - 251 p. - URL: [http://slantchev.ucsd.edu/courses/ps240/03%20Anarchy,%20Hierarchy,%20and%20Sovereignty/Waltz%20-%20Theory%20of%20International%20Politics%20\(Ch%205-8\).pdf](http://slantchev.ucsd.edu/courses/ps240/03%20Anarchy,%20Hierarchy,%20and%20Sovereignty/Waltz%20-%20Theory%20of%20International%20Politics%20(Ch%205-8).pdf)

58 Kissinger H.A. On China. - New York: Penguin Press, 2011. - 586 p.

59 Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. - М.: Международные отношения, 2000. - С. 149-180;

Brzezinski Z.K. The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives/ Zbigniew Brzezinski. Perseus Books group. – 1st ed. – 1997.

60 Swaine M.D., Tellis A.J. Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present and Future. - New York: RAND Corporation, 2000. - 308 p.

61 Starr F. S. In Defense of Greater Central Asia // Central Asia-Caucasus Institute&Silk Road Studies Program. A Joint Transatlantic Research and Policy Center. Johns Hopkins University-SAIS, Washington, 2008. - 20 p.

62 Kaplan M.A. System and process in international politics. - ECPR Press, 2005. – 252p.

63 Buzan B., Waever O. Regions and powers. Structure of international security // Cambridge Studies in International Relations. – Cambridge University Press, 2003. – 240 p.

64 Mingst K.A. Essentials of international relations. Fourth Edition. (The Norton Series in World Politics). - New York, London: W.W. Norton and Company, 2008. - 386 p.

65 、管清友. 石油的逻辑: 国际油价波动机制与中国能源安全 // 清华大学出版社. -北京, 2010 [Гуань Циньюй. Логика нефти: механизмы изменения мировых цен на нефть и энергетическая безопасность Китая. Изд-во Университета Цинхуа. - Пекин, 2010].

66 黄亚生. 中国特色资本主义:企业家精神与国家 // 剑桥大学出版社. - 英国剑桥, 2008 [Хуан Яшэн. Капитализм с китайской спецификой: предпринимательство и государство // Изд-во Кембриджского университета. - Кембридж, 2008].

67 江丽, 高志刚. 中国与哈萨克斯坦油气资源领域合作的博弈分析 // 国际经贸探索2014年 第8期, 新疆乌鲁木齐 [Цзян Ли, Гао Чжиган. Игровой анализ китайско-казахстанского сотрудничества в области нефтегазовых ресурсов // Международное экономическое и торговое исследование (Урумчи, Синьцзян)]. - 2014. - № 8. - С. 88-95.

68 Rumer E., Trenin D., Zhao Huasheng. Central Asia: Views from Washington, Moscow, and Beijing (Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина) / Forew. R.Menon. - Armonk (N.Y.); L.: Sharpe, 2007. (From the cont.: Menon R. Introduction. Central Asia in the twenty-first century. - P. 3-17; Rumer E. The United States and Central Asia. In search of a strategy. - P. 18-74; Zhao, Huasheng. Central Asia in China's diplomacy. - p. 137-213.

69 Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного анализа: обоснованная теория, процедуры и техники. Пер.с англ. - М.: Эдиториал УРССР, 2001. - 256 с.

70 上海外国语大学 [Шанхайский институт иностранных языков]. - URL: <http://www.ru.shisu.edu.cn>; 中国社会科学院 [Китайская академия общественных наук]. - URL: <http://www.cass.cn>; 西北大学丝绸之路学院 [Институт Шёлкового пути при Северо-Западном университете]. - URL: <http://www.nwu.edu.cn>; 甘肃省社会学科学院 [Академия общественных наук провинции Гансю]. - URL: <http://www.gsass.net.cn>; Chinese Think Tanks and Central Asia. A New Assessment // George Washington University. - URL: <http://centralasiaprogram.org/blog/2015/11/04/chinese-think-tanks-and-central-asia-a-new-assessment/> (дата обращения 23.04.2017).

71 中国中亚研究70年:成就与问题 [Сун Чжуанчжи. 70 лет центральноазиатских исследований в Китае: достижения и проблемы] // CAA Network, 09.02.2021: <https://www.caa-network.org/archives/21392/> (дата обращения 13.03.2021).

72 武鸿钧,王起亮.中国与哈萨克斯坦在石油安全方面合作的新场景//社科纵横. 2004年第6卷, 兰州 [У Хунцзюнь, Ван Цилян. Новые сценарии сотрудничества Китая и Казахстана в сфере нефтяной безопасности // Обществоведение (Ланчжоу). – 2004. - № 6. - С. 4-23].

73 张抗. 中亚与中东油气资源比较 // 国际资料信息2008, (7) 北京. [Чжан Кан. Сравнение ресурсов нефти и газа в Центральной Азии и на Ближнем Востоке // Международная информация. Пекин]. – 2008. № 7. - С.1-13.

74 王礼茂,李红强.中国与周边国家在油气领域的竞争与合作及其地缘政治影响 // 资源科学. 2009年10月, 北京 [Ван Лимао, Ли Хунцян. Конкуренция и сотрудничество Китая с соседними странами в области нефти и газа и его геополитическое влияние //Наука о ресурсах (Пекин)]. - 2009, октябрь. - С.1633-1639.

75 于立新,王寿群,陶永欣. 国家战略 一带一路政策与投资, 沿线若干国家案例分析. -杭州: 浙江大学出版社 [Юй Лисинь, Ван Шоуцунь, Тао Юнсинь. Национальная стратегия, политика и инвестиции «Один пояс, один путь», исследование нескольких стран вдоль пути]. - Ханчжоу: Изд-во Чжэцзянского ун-та, 2016. - С. 39-45.

76 伊利亚斯. 中国和哈萨克斯坦在能源领域的合作 // 东方企业文化. 2013年第11期, 北京 [Илияс. Сотрудничество Китая и Казахстана в области энергетики // Восточная корпоративная культура. Пекин]. – 2013. - № 11. – С.154-164.

77 吴先华. 中国与哈萨克斯坦开展油气合作的历程及前景研究// 阅江学刊2017年第6期, 南京 [У Сяньхуа. Исследование истории и перспектив китайско-казахстанского нефтегазового сотрудничества // Научный Журнал «Юе Цзян». г. Нанкин]. – 2017. - № 6. - С.76-84.

78 刘丽慧,陈闻君. 中国与中亚国家油气合作策略分析 // 山东工商学院学报. 2017年 第1期, 乌鲁木齐 [Лю Лихуэй, Чэнь Вэньцзюнь. Анализ стратегий нефтегазового сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии // Журнал Шаньдунского университета технологий и бизнеса (Урумчи)]. - 2017. - № 1. - С. 43–48.

79 刘海玉. 中国对哈萨克斯坦能源领域投资情况分析 // 对外经贸. 2019年第3, 北京 [Лю Хайюй. Анализ китайских инвестиций в энергетический сектор Казахстана // Внешняя экономика и торговля. Пекин]. – 2019. - № 3. - С.27-29.

80 胡德宁,胡耀蕾. 中国与哈萨克斯坦油气产能合作的发展与推进策略 // 对外经贸实务. 2017年第10卷, 武汉 [Ху Денин, Ху Яoley. Стратегии развития и продвижения китайско-казахстанского сотрудничества в нефтегазовой области // Внешнеэкономическая и торговая практика (Ухань)]. – 2017. - № 10. – С. 26-29.

81 黎青. 中石油在哈萨克斯坦投资的风险研究 // 产业与科技论坛. 2019年第14卷, 河北 [Ли Цин. Исследование рисков инвестиций CNPC в Казахстан] // Промышленно-технологический форум, Хэбэй]. – 2019. - № 14. – С. 87-98.

82 徐海燕. 一带一路视域下哈萨克斯坦经济发展战略及中哈合作 // 俄罗斯学刊. 2016年第2卷, 哈尔滨 [Сюй Хайянь. Стратегия экономического развития Казахстана и китайско-казахстанское сотрудничество в рамках инициативы «Пояса и пути» //

Научный Журнал «Россия» (Харбин)]. – 2016. - №2. - С. 38-46.

83 林培源. 中国与哈萨克斯坦油气合作的现状、挑战和前景 // 中国石油大学学报 (社会科学版) 2017年第1卷, 青岛 [Линь Пэйюань. Состояние, проблемы и перспективы китайско-казахстанского сотрудничества в нефтегазовой сфере // Журнал Китайского нефтяного ун-та (Серия общественных наук, Циндао)]. – 2017. - № 1. - С. 6–10.

84 Ли Син, Ван Чэньсин. Энергетическое взаимодействие между Китаем и Центральной Азией в контексте евразийской интеграции. - СПб.: Нестор-История, 2015.

85 Ли Син. Экономические интересы России и Китая в Центральной Азии: сравнительный анализ // Вестник Санкт-Петербургского университета. - 2012. - Сер 5, вып.3. - С.60-70.

86 Zhe, Gong. Analysis: Bright chances for energy cooperation at SCO Summit. Energy. 2018, 06.09, CGTN. Beijing (China News Service/CNS): https://news.cgtn.com/news/3d3d414d3245444d78457_a6333566d54/share_p.html (дата обращения 18.09.2019).

87 龚秀国. 中国“一带一路”倡议有效对接欧盟投资计划探析 // 欧洲研究. 2016年第3期 [Гонг Сюйго. Анализ китайской инициативы «Один пояс, один путь», эффективно связанной с инвестиционными планами ЕС // Европейские исследования]. - 2016. - № 3. - С. 127-132.

88 Ся И. Энергетическая стратегия Китая в новой ситуации и энергетическое сотрудничество Китая и России. - URL: <http://www.sei.irk.ru/symp2010/papers/RUS/P2-02r.pdf> (дата обращения: 28.07.2018).

89 Пань Чанвэй. Структура потребления первичных энергоресурсов в Китае и перспектива сотрудничества России и Китая в газовой отрасли // Институт систем энергетики. - URL: <http://www.sei.irk.ru/symp2010/papers/RUS/S1-10r.pdf> (дата обращения 23.04.2018).

90 Пань Гуан. Энергетическая политика Китая и обеспечение энергетической безопасности в Центральной Азии // Центральная Азия и Кавказ. - 2007. - № 6 (54). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/energeticheskaya-politika-kitaya-i-obespechenie-energeticheskoy-bezopasnosti-v-tsentralnoy-azii/viewer> (дата обращения 23.04.2017).

91 Лю Цзайци. Внешняя политика КНР и перспективы китайско-российских отношений // Мировая экономика и международные отношения. - 2004. - № 9. - С. 84–90.

92 Zha Daojing. Oiling the Wheels of Foreign Policy? // Energy Security and China's International Relations, Rajaratnam School of International Relations, Centre for Non-traditional Security Studies. – 2010 (March) - P. 8-17. - URL: http://www.rsis.edu.sg/NTS/resources/research_papers/MacArthur_working_paper_Zha_Daojing.Pdf (дата обращения 14.07.2017).

93 李红杰, 余万里. 改革开放 30 年的中国外交. 北京: 当代世界出版社, 2008 年 [Ли Хунцзе, Юй Ванли. Дипломатия Китая за 30 лет реформ и открытости. - Пекин: Contemporary World Press. - 2008. - 386 с.]

94 徐博. 威廉•瑞辛格. 国际关系角色理论视角下俄罗斯对中国能源外交决策探

析//东北亚论坛, 2019. № 4. С. 98-111. Сюй Бо. Уильям Райзингер. Анализ энергетической дипломатии России с Китаем с точки зрения ролевой теории международных отношений // Форум Северо-Восточной Азии. – 2019. - № 04. - С. 98-111.

95 靳玉佩. 当代中国能源外交的现状与前景分析 //山东行政学院学报, 2012/05:22-25 [Цзинь Юпей. Анализ статус-кво и перспективы энергетической дипломатии современного Китая// Журнал Ин-та администрации Шаньдуна. – 2012. - № 05. - С. 22-25.

96 Румер Е., Тренин Д., Чжао Хуашэн. Центральная Азия: взгляд из Вашингтона, Москвы и Пекина. Rumer E., Тренин Д. (Zhao Huasheng), - 2010.

97 Ауган М.А. Kazakh - Chinese cooperation in energy sector: geopolitical aspect // Foreign Policy Research Centre (New Delhi, India). Country-specific Study Project. Studies on China. – 2015 January – Vol. 3. – P.451-460.

98 Baizakova K.I. Energy security issues in the foreign policy of the Republic of Kazakhstan // American Foreign Policy Interests. Taylor & Francis Group. - 2010. - Vol. 32. №2. - p. 103-109.

99 Baizakova K., Kukeyeva F., Baizakova Zh. Kazakhstan - China strategic partnership under the BRI // The Challenge of change for the legal and political systems of Eurasia. - Bruxelles: Peter Lang, 2020. - p. 147-156.

100 Kukeyeva F. The SREB project in Kazakhstan: opportunities and threats. Silk Road to Belt Road: Reinventing the Past and Shaping the Future. - Singapore: Springer Nature Pte Ltd, 2019. - Pp. 298-305. - URL: Retrieved from <https://www.springer.com/us/book/9789811329975> (дата обращения 22.04.2018).

101 Gubaidullina M. Bilateralism in the New Silk Road: A Changing Kazakhstan-China Relations (新絲綢之路中的雙邊主義：變遷中的中國與哈薩克關係) // Eurasian Studies Quarterly. Graduate Institute of International Politics, National Chung Hsing University, Taiwan - 2019. - N.7. - p. 95-104.

102 Gubaidullina M. "Bridges" convergence of the EU – Central Asia – SCO: security factor in the development of dialogue // Contemporary political Society. Special Issue. The Limits of Regional Cooperation. – Winter 2015. – Volume 3, N 1. – P.134–158.

103 Gubaidullina M. Between China and India: energy dimension of Kazakhstan (совместно с Behera A.) // International relations and international law journal (KazNU). - 2018. - Vol.81., № 1. - p.4-18. - URL: <http://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/760> (дата обращения 22.04.2018).

104 Gubaidullina M., Yelibayeva A. L'Impact de l'Organisation de cooperation de Shanghai. Des bilateralismes a la multilateralisation des relation diplomatiques parmi ses pays-membres et ses pays-observateurs.// L'Organisation de Coopération de Shanghai et la construction de «la nouvelle Asie» /Pierre Shabal (dir.) P.I.E. Peter Lang. Brussels, 2016. - Pp.405-422.

105 Movkebaeva G.A. Energy cooperation among Kazakhstan, Russia, and China within the Shanghai cooperation organization // Russian Politics & Law. - Routledge, 2013. - N 1 (51). -P.80-87.

106 Makasheva K., Gubaidullina M., Konuspayev Ye. Transport integration as the

development trend's of the Eurasian Economic Union // International relations and international law journal. – 2018 – Vol.82, №2. – p. 62-70.

107 Nurdavletova Sanya M., Zharmakhanova Zhansaule I. Analysis of the activities of European oil and gas tnc in Central Asia // Society and Security Insights. 2020. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analysis-of-the-activities-of-european-oil-and-gas-tnc-in-central-asia> (дата обращения: 07.06.2023).

108 Chukubaev E.S., Toregozhin T.M. Struggle for energy resources in Central Asia. // KazNU Bulletin. International relations and international law series. – 2013 – Vol.90, № 2. - Pp. 13-20. - URL: <https://bulletin-ir-law.kaznu.kz/index.php/1-mo/article/view/1088> (дата обращения 10.10.2022). DOI: <https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v90.i2.02>

110 Алдабек Н.А., Абдраимова Н. Ұлы Жібек жолы бойындағы қытай мен түркі тілдес халықтардың мәдени байланыстарының тарихы // Шет тілдер және іскерлік карьера университеті. Ғылыми-педагогикалық журнал. - 2014. - Т. 2. - № 21. - С. 231-241.

111 Алдабек Н.А. Новая экономическая политика Казахстана «Нұрлы жол» в контексте взаимной синергии с программой «Один пояс - один путь» Китайской Народной Республики // Вестник КазНУ. Серия востоковедение. - 2016. - Т. 1. - № 76. - С.5-9.

112 Сыроежкин К.Л. Казахстан-Китай: от приграничной торговли к стратегическому партнерству. Монография. В 3-х кн. Кн.1. В начале пути (336 с.); Кн. 2. Сборник документов (524 с.); Кн. 3. В формате стратегического партнерства (384 с.). - Алматы: КИСИ при Президенте РК. - 2010.

113 Сыроежкин К.Л. Концепция формирования «Экономического пояса на Шёлковом пути»: проблемы и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. - 2014. – выпуск 39, № 1. - С. 54–64.

114 Мұқаметханұлы Н. Қытайдың энергетикалық стратегиясы және Қазақстанмен ынтымақтастығы // Вестник КазНУ. Серия международные отношения и международное право. - 2014. – Выпуск 66, №2. - С. 230-234.

115 Кожирова С.Б. China s modern policy in Central Asian // International research. Society. Politics. Economics. - 2012. - № 2. - С.36-44.

116 Каукуенов А. Казахстанско-китайские экономические отношения: механизмы и принципы // Kazenergy. – 2009. – № 2. – URL: <http://www.kazenergy.com/ru/2-26-27-2009/3022-2011-11-23-10-57-53.html>. (дата обращения 06.12.2017).

117 Изимов Р. Китай и Туркменистан: региональное измерение // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 17.08.2016. - URL: <https://cabar.asia/ru/ruslan-izimov-kitaj-i-turkmenistan-regionalnoe-izmerenie-2> (дата обращения 06.12.2017).

118 Лаумулин М.Т. Центральная Азия в эпоху трансформации. - Нур-Султан: КИСИ при Президента РК. - 2020. - 464 с.

119 Султанов Б.К. Инициатива «Один пояс и один путь»: важнейший фактор выстраивания современных международных отношений /Отв. ред. Б.К. Султанов. - Алматы: Исследовательский институт межд. и регионального сотрудничества Казахстанско-немецкого университета. - 2019. - 176 с.

120 Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России

и Китая со странами Центральной Азии // Россия и мир: научный диалог. - 2021. – выпуск 1, №1. - С.52-66. -URL: <https://doi.org/10.53658/RW2021-1-1-52-66> (дата обращения 31.12.2021).

121 Парамонов В., Строков А., Столповский О. Российско-туркменское взаимодействие в отраслях ТЭК // Аналитический проект «Время востока». - 20.08.2010. - URL: <http://www.easttime.ru/analytic/1/2/842.html> (дата обращения 25.01.2017).

122 Парамонов В., Строков А. Китайское присутствие в нефтегазовом секторе Туркменистана // Центральная Азия и Кавказ. - 2015. - №18 (3-4). - С.200-212.

123 Ходжаев А. Стратегия энергетической безопасности Китая и место Центральной Азии в ней. - URL: <http://www.cps.uz/ru/analitika-i-publikatsii/strategiya-energeticheskoi-bezopasnosti-kitaya-i-mesto-tsentralnoi-azii-v-ne> (дата обращения: 06.03.2014).

124 Майтдинова Г.М. Потенциал сопряжения национальных стратегий развития государств Центральной Азии и Китайской геоконцепции «Один пояс - один путь» // Учёные записки РТСУ (серия гуманитарные науки). - Душанбе: РТСУ. – 2019 - Вып.1 - с. 140-157.

125 Абдулло Р. Таджикистан-Китай: Четверть века прямых отношений // Центральная Азия и Кавказ. - 2015. -Т. 18., Вып. 3-4. - С. 105-120.

126 Алимова Р. Таджикистан и Китай: курсом стратегического партнерства: Международно-политические, экономические и гуманитарные измерения сотрудничества // Дипломатическая академия МИД России. - М.: Весь Мир, - 2014. - 384с.

127 Мамадазимов А. Развитие таджикско-китайских отношений в современных условиях // Центральная Азия: внешний взгляд. Международная политика с центральноазиатской точки зрения. - Берлин, 2008. - 615 с.

128 Иманалиев М.С. Сборник статей о Центральной Азии. - Бишкек: Next Print, 2008. -194 с.

129 Бактыгулова Ш. и Бактыгуловой К. Кыргызстан и Китай: 30 лет добрососедства, дружбы и сотрудничества. Основы и перспективы. - Бишкек: St.Art-LTD., 2021 - 224 с.

130 Асанбеков М.К. Геополитические проекты мировых центров силы в Центральной Азии: последовательность решаемых задач // ЦГИ ИСАП - Бишкек, 2021. - 243 с.

131 Симония Н.А. Геоэнергетические интересы России в Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. - 2007. - № 11. - С. 3-12; Симония Н.А. Мировая энергетика в условиях глобализации: вызовы для России. - М.: ИМЭМО РАН, 2007. - 153 с.

132 Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии / Колл. авторов под рук. и с предисловием А.В.Торкунова. - М.: МГИМО, 2007. - 1040 с.

133 Китай в мировой политике /А.В. Торкунов (отв. ред.), А.Ю. Мельвиль, М.М. Наринский; отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский; вступ. ст. А.В. Торкунова/МГИМО(У) МИД России. - М.: РОССПЭН, 2001. - 330 с.

- 134 Богатуров А.Д. Россия в глобальной системе обеспечения энергетической безопасности // Южный фланг СНГ. Центральная Азия - Каспий - Кавказ: энергетика и политика. - М., 2005.
- 135 Богатуров А.Д. Международные отношения в Центральной Азии. События и документы: учебное пособие / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич, В.Г. Коргун. - 2-е изд. - Москва: Аспект Пресс, 2014. - 560 с.
- 136 Чуфрин Г.И. Состояние и перспективы взаимодействия России со странами Центральной Азии и Закавказья / Отв. ред. чл.-корр. РАН Г.И. Чуфрин. - М.: ИМЭМО РАН, 2009. - 139 с.
- 137 Васильев А.М. Россия и Центральная Азия // Постсоветская Центральная Азия. Потери и обретения. - М., 1998. - С. 5-35; С. 346-348.
- 138 Троицкий Е.Ф. Центральная Азия в системе международных отношений: 1992-2009 гг. - Томск, 2010. - 511 с.
- 139 Лузянин С.Г., Семенова Н.К. Россия-Китай-Центральная Азия: измерения транспортных и энергетических интересов // Обозреватель - Observer. Научно-аналитический журнал. - 02.2016. - № 2 (313). - С. 56-66.
- 140 Казанцев А.А., Звягельская И.Д., Кузьмина Е.М., Лузянин С.Г. Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии / Гл. ред. И.С. Иванов. Российский совет по международным делам (РСМД). - М., 2016. - 52 с.
- 141 Bohr A. Regionalism in Central Asia: new geopolitics, old regional order II International Affairs // Journal: International Affairs - 2004. - Vol. 80., N. 3. - p. 485-502.
- 142 Cohen A. Kazakhstan: The Road to Independence. Energy Policy and the Birth of a Nation // Central Asia - Caucasus Institute: Silk Road Studies Program. - Singapore, 2008. - 287 с. - URL: http://www.isdp.eu/images/stories/isdp-main-pdf/2008_cohen_kazakhstan_the_road_to_independence.pdf
- 143 Callahan W. China's "Asia Dream": The Belt and Road Initiative and the New Regional Order // Asian Journal of Comparative Politics. - 2016. - Vol. 1. № 3. - pp. 226-243.
- 144 Laruelle M., Peyrouse S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. Armonk. - NY: M. E. Sharpe, 2013.
- 145 Laurelle M., Peyrouse S. The Chinese Question in Central Asia. Domestic Order, Social Change, and the Chinese Factor. - New York: Columbia University Press, 2013 - pp. 207-219.
- 146 Horák, Slavomír. Turkmenistan is shifting energy geopolitics in 2009-2011: European perspectives // Problems of post-communism. - 2012 (March –April). - Pp.18-28.
- 147 Horák, Slavomír. Turkmenistan in Eurasian railway geopolitics // Central Asian Survey. -08.07.2022. - P. 171-190. - DOI: <https://doi.org/10.1080/02634937.2022.2085663>
- 148 Kepbanov Y., Horák, Slavomír, Ovezmyradov B. The investment climate in Turkmenistan: challenges and possible ways of attracting foreign investment. // Sociology of Law Research Report. Lund University, 2022. - 86 p.
- 149 Swanstrom N. An Asian Oil and Gas Union: Prospects and Problems // The China and Eurasia Forum Quarterly. – 2005 (October). - №3. - P. 81-97.
- 150 Petersen, Alexandros. Central Asia's New Energy Giant: China // China in Central Asia. - 2013. - URL: <http://chinaincentralasia.com/2013/06/29/central-asiasnew-energy-giant->

[china/](#) (дата обращения: 02.01.2017).

151 Allisson R., Jonson L. Central Asian security. - London, 2001. - P. 219-246.

152 Schafer R. Partnership Instead of Alliance: The Shanghai Cooperation Organization as a Mechanism for China's Growing Influence in Central Asia. – URL: http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/partnership-instead-of-alliance-the-shanghai-cooperation-organization-as-a-mechanism-for-ch#_edn10 (дата обращения: 02.01.2017).

153 Legvold R. Thinking Strategically: The Major Powers, Kazakhstan, and the Central Asian Nexus / ed. by Robert Legvold. Cambridge, MA: MITpress, 2003.- P. 67-106.

154 China, energy security and Central Asian diplomacy: bilateral and multilateral approaches // I. Overland, H. Kjaernet, A. Kendal-Taylor. Caspian energy politics: Azerbaijan, Kazakhstan and Turkmenistan, 2010. - Pp. 101-114.

155 Silk Road Diplomacy: Deconstructing Beijing's toolkit to influence South and Central Asia. Policy Report /Custer S., Sethi T., Solis J., Lin J., Ghose S., Gupta A., Knight R., Baehr A. 09.12.2019. - URL: https://docs.aiddata.org/ad4/pdfs/Silk_Road_Diplomacy_Executive_Summary_RUSSIAN.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

156 Гафуров А. Р. Сущность категории «энергетическая безопасность» и ее место в общей структуре безопасности. - URL: <http://vestnik.mstu.edu.ru/v131n38/articles/31gafur.pdf>.

157 Воропай Н. И., Сендеров С. М. Энергетическая безопасность: сущность, основные проблемы, методы и результаты исследований. М.: ИИП РАН, 2011.

158 Станислау Дж. Энергия в движении: основные проблемы XXI века. Воздействие меняющейся динамики глобального энергетического рынка на бизнес, общество, государство и международное сообщество // Deloitte. 2006. - URL: [https://www.deloitte.com/assets/Dcom-Russia/Local%20Assets/Documents/Energy%20in%20Flux_Brochure_RU\(1\).pdf](https://www.deloitte.com/assets/Dcom-Russia/Local%20Assets/Documents/Energy%20in%20Flux_Brochure_RU(1).pdf).

159 Жизнин С. З. Российская энергетическая дипломатия и международная энергетическая безопасность (геополитика и экономика) // Балтийский регион. - 2010. - № 1. - URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-energeticheskaya-diplomatiyai-mezhdunarodnaya-energeticheskaya-bezopasnost-geopolitika-i-ekonomika>.; Жизнин С. З. Энергетическая дипломатия России // Экологические системы. - 2007. - № 4. - URL: http://esco-ecosys.narod.ru/2007_4/art40.htm

160 Денчев К. Мировая энергетическая безопасность: история и перспективы. - URL: http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Denchev_2010.pdf.

161 Бёмэ Д., Данн М. Х. Энергобезопасность, но как? Противоречивости европейской энергетической политики и необходимость глобальных институциональных рамок. - URL: http://www.uni-potsdam.de/fileadmin/projects/wirtschaftspolitik/assets/Publikationen_Malcolm/Energiesicherheit_aber_wie_Russisch.pdf.

162 Goldthau A., Witte J. M. Global Energy Governance: The New Rules of the Game. Brookings Institution, 2009. - 361 p.

163 Moran D., Russell J. Energy Security and Global Politics. The militarization of resource management. Routledge, 2009. - 245 p.

164 Clare M. There will be blood: Political Violence, Regional Warfare, and the Risk of Great-Power Conflict over Contested Energy Resources. // Korin A., Luft G. Opus cit, p.44-66.

165 Fettweis C. J. No Blood for Oil: Why Resource Wars Are Obsolete // Korin A., Luft G. In book: Energy Security Challenges for the 21st Century. - 2009. DOI: <https://doi.org/10.5040/9798400646119.ch-005>

166 Kurze K. The Changing Discourse of Energy Security. A new impetus for energy policy integration in the European Union? Transatlantic Research Papers in European Studies (TraPES). – 2010. - №. 2. - URL: <http://www.jmce.uni-osnabrueck.de/>

167 Strange S. States and Markets. 2nd Revised edition, Continuum International Publishing Group Ltd., 2004. - 280 p.

168 Korin A., Luft G. Energy Security Challenges for the 21st Century: A Reference Handbook, Praeger Publishers, 2009. - 372 p.

169 Yergin D. The Fundamentals of Energy Security, Testimony. Hearing on "Foreign Policy and National Security Implications of Oil Dependence", Committee on Foreign Affairs US House of Representatives, March 22, 2007.

170 Mañé-Estrada A. Sécurité énergétique en Méditerranée occidentale: nouveaux facteurs, nouvelles politiques. Un regard espagnol. Note de l'Ifri. Octobre 2008. - URL: <http://www.ifri.org/files/Energie/NoteEstrada.pdf>

171 Кайт Р. Инициатива «Устойчивая энергетика для всех» // ООН. Хроника. - URL: <https://www.un.org/ru/chronicle/article/22061> (дата обращения: 07.10.2019).

172 Доля государств Персидского залива в китайском импорте нефти составляет более 50%, оставаясь важным стратегическим направлением энергетической безопасности КНР. - ВР, 2021.

173 13-й пятилетний план развития (Об управлении государством) // China.org.cn. - 2018. – 12 апреля. - URL: http://russian.china.org.cn/china/China_Key_Words/2018-12/04/content_74237957.htm (дата обращения: 07.10.2019).

174 Отчет KPMG «13-й пятилетний план Китая» (Дж. Веймайер) // - URL: <https://home.kpmg/kz/ru/home/insights/2016/11/china-s-13th-five-year-plan.html> (дата обращения: 05.12.2020).

175 Женьминь жибао, 2020, 14 мая 2020 г. и 28 октября 2020 г. - URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/1028/c95181-9774057.html> (дата обращения: 05.12.2020).

176 中国工程院“能源中长期发展战略研究”项目组. 中国能源中长期（2030、2050）发展战略研究报告. - 北京：科学出版社, 2011. -180 p. [Стратегия развития энергетики Китая на среднесрочную и долгосрочную перспективу (до 2030 и 2050 гг. Группа проекта Китайской инженерной академии «Исследование стратегии среднесрочного и долгосрочного развития энергетики»). - Пекин: Изд-во науки, 2011. - 180 с.]

177 Основные положения 12-го пятилетнего плана народнохозяйственного и социального развития КНР. Пекин. 2011; Программа по развитию энергетики на период 11-й пятилетки. Пекин: Национальная Комиссия Развития и Реформ КНР. Пекин, 2007; Среднесрочная и долгосрочная программа развития возобновляемой энергетики. Пекин: Национальная Комиссия Развития и Реформ КНР Пекин, 2007.

178 Меморандум между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о комплексном сотрудничестве в сфере энергетики и кредитования, 14 апреля 2009 года. - URL: // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P090000520> (дата обращения: 13.04.2019).

179 Соглашение между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о некоторых вопросах сотрудничества при развитии и эксплуатации нефтепровода «Казахстан - Китай», 8 декабря 2012 года. // <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1300000136> (дата обращения: 13.04.2019).

180 Лэй У. Нефтяная безопасность Китая. Пекин, 2006.

181 Мэнь Хунхуа. Стратегическое значение решения энергетической безопасности КНР // Тайпинян сюэбао [Вестник Тихого Океана]. – 2005. - №1. - С. 12-20.

182 Цин Ч., Хэ Ц. Размышления о энергетической стратегии КНР. Пекин, 2009.

183 Линь Боцян. Думая об энергетической политике Китая. - Пекин, 2009.

184 The New EU Strategy on Central Asia, 17 June 2019. - URL: <https://wecoop.eu/wp-content/uploads/2020/04/Council-conclusions-on-the-New-EU-Strategy-on-Central-Asia.pdf>

185 Liu Qi, Gubaidullina M. Energy cooperation between the Republic of China and the European Union // Opción (Universidad del Zulia/Venezuela). – 2019. - Vol. 35, № 90-2. – Pp. 359-368.

186 United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity: Report of the Bureau of South and Central Asian Affairs // U. S. Department of State. – 2020.

187 Грозин А. Россия в Центральной Азии: сотрудничество и перспективы энергетического партнерства со странами региона // Восточная аналитика. – 2019. – С. 23-34.

188 Бабаян Д. Политика Китая в Центральной Азии, на Кавказе и в Северном Прикаспии в конце XX – начале XXI вв.: дис. д-ра исторических наук // Институт востоковедения РАН, 2016. – С. 429.

189 奥尔科特, 玛莎. 中国在中亚地区无与伦比的影响 // 清华 — 卡内基中心 — 2013年09月18日 (Olkott M. Беспрецедентное влияние Китая в Центральной Азии). - URL: <https://carnegietsinghua.org/2013/09/18/zh-pub-53204> (дата обращения: 15.08.2020).

190 共建“一带一路”倡议 进展、贡献与展望 // 推进“一带一路”建设工作领导小组办公室 - 2019, 64 页. [Совместное построение инициативы «Один пояс, один путь»: прогресс, вклад и перспективы // Офис Инициативной группы содействия строительству «Пояса и пути». - 2019. - 64 с.]

191 Концепция внешней политики Российской Федерации: указ Президента РФ от 12 июля 2008 г. № 1440 // Сайт Президента РФ. 2008 г. - URL: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 15.08.2020).

192 Кузьмина Е. Экономическое сотрудничество России с государствами Центральной Азии // Россия и Центральная Азия: новые перспективы: материалы междунар. науч. конф., посвященной 25-летию установления дипломатич. отношений между Рос. Федерацией и государствами Центральной Азии. – МГИМО. – 2018. – С. 164-184.

193 Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. - М.: АСТ, 2003.

194 Фань С. Стратегия США по распространению влияния в регионе Центральной Азии как общая угроза для России и Китая // Международные отношения. – 2018 – № 3. – С. 55-64. - URL: <http://riss.ru/analytics/30426/> (дата обращения: 15.08.2020).

195 Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И. [и др.] Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. - № 3. – С. 13-30.

196 Zogg B. Cooperation, Co-existence or Clash? China and Russia's Ambitions in Central Asia // The Diplomat. 2019. - URL: <https://thediplomat.com/2019/11/cooperation-co-existence-or-clash-china-and-russias-ambitions-in-central-asia/> (дата обращения: 15.08.2020).

197 Gusev L. The Importance of Central Asia for Russia's Foreign Policy // Italian Institute for international political studies. 2019. - URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/importance-central-asia-russias-foreign-policy-4071> (дата обращения: 15.08.2020).

198 曾向红: «美国新中亚战略评析» // 国际问题研究 — 第2期, 2020 [Цзэн Сянхун «Анализ новой стратегии Америки в Центральной Азии» // Международные исследования]. - URL: http://www.ciis.org.cn/gyzz/2020-03/27/content_41105151.htm (дата обращения: 15.08.2020).

199 Кортунов А., Ларюэль М. Россия и США в Центральной Азии: ограничения и возможности сотрудничества // доклад под ред. И. С. Иванова. РСМД. – 2019. - № 49. – 38 с.

200 Иманалиев М. Китай и Центральная Азия: постсоветское развитие // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 2017. - URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/kitay-i-tsentralnaya-aziya-postsovetskoe-razvitiye/?sphrase_id=21355 (дата обращения: 15.08.2020).

201 Kausikan B., Starr F., Cheng Y. Central Asia: All Together Now // The American Interest. 2017. - URL: <https://www.the-americaninterest.com/2017/06/16/central-asia-all-together-now/> (дата обращения: 15.08.2020).

202 Цзюнь Ч. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе // Управленческое консультирование. – 2017. – № 3. – С. 164-171.

203 Описание Китайской части МЦПС «Хоргос». – URL: <https://khorgos.kz/o-kitaiskoi-chasti-centra/>

204 Поштитч М. Сравнительный анализ энергетической стратегии КНР в отношении стран Центральной Азии // Comparative politics. – 2015. – №3. – С. 85-103.

205 ЕАБР: взаимные прямые инвестиции между странами Центральной Азии растут на 9,2% в год в среднем за последние семь лет. – URL: <https://www.newscentralasia.net/2023/12/20/yeabr-vzaimnyye-pryamyie-investitsii-mezhdu-stranami-tsentralnoy-azii-rastut-na-92-v-god-v-srednem-za-posledniye-sem-let/> (дата обращения: 11.04.2018).

206 Боровой, В. Политика КНР в Центральной Азии в первой половине 1990-х гг. // Журнал международного права и международных отношений. - 2007. - № 1. - С. 54-57.

207 邢广程. 中国与中亚国家的关系 [Син Гуанчэн. Отношения Китая с государствами Центральной Азии] // Hokudai. - URL: <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/85/9CA-Chinese.pdf> (дата обращения: 11.04.2018).

208 Воскресенский А., Лузянин С. Китайский и российский факторы в Центральной Азии: традиционные вызовы и новые возможности // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие /Под ред. А.Д. Воскресенского. - М.: МГУ; РОССПЭН, 2004. - С. 387-401.

209 Dittmer L. Central Asia and the Regional Powers / L. Dittmer // The China and Eurasia Forum Quaterly. - 2007. - V. 5., №4. - P. 7-22.

210 Сыроежкин К.Л. Казахстан и интересы Китая в ЦА // Информационно-аналитический центр «Изучение общественно-политических процессов на постсоветском пространстве». - URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2209/> (дата обращения: 22.09.2023).

211 Усубалиев Э. «Китайский фактор» во внешней политике Кыргызстана: двусторонний и региональный уровни // Правда.kg: информационный портал. - URL: <http://pravda.kg/index.php?newsid=791> (дата обращения: 22.09.2023).

212 Парамонов В., Строков А., Столповский О. Экономическое присутствие Китая в Казахстане // Время Востока - Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. - URL: <http://www.easttime.ru/analitic/3/8/660.html> (дата обращения: 25.09.2023).

213 За 16 лет торговый оборот между Таджикистаном и Китаем увеличился в 116 раз // Время Востока — Центральная Азия, Средний Восток, Дальний Восток. - URL: <http://www.easttime.ru/news/1/10/2259.html> (дата обращения: 25.09.2023).

214 Товарооборот между Казахстаном и Китаем достиг \$33 млрд в 2024 году. - URL: <https://www.inform.kz/ru/strani-asean-es-ssha-i-yuzhnaya-koreya-osnovnie-torgovie-partneri-knr-v-2024-godu-125866> (дата обращения: 12.11.2024).

215 Китай и Центральная Азия разделяют новые возможности. - URL: <https://rg.ru/2024/03/29/pozvolit-liudiam-zhit-luchshe.html> (дата обращения: 12.11.2024).

216 Мукиджанова Р. Страны Центральной Азии: азиатский вектор внешней политики. - М.: Науч. книга, 2005.

217 Нормативные документы. Правовое обеспечение противодействия экстремизму в ШОС // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (ПАТС ШОС). - URL: http://www.echrats.com/ru/normative_documents/1556_02.06.2006

218 Shichor Y. China's Central Asian Strategy and the Xinjiang Connection: Predicaments and Medicaments in a Contemporary Perspective // The China and Eurasia Forum Quaterly. - 2008. - Vol. 6., №2. - P. 55-73.

219 Ibraimov, K. China-Central Asia Trade Relations: Economic and Social Patterns // The China and Eurasia Forum Quaterly. - 2009. - Vol.7., №1. - P. 47-60.

220 На западе Туркменистана запущена газокompрессорная станция «Багтыярлык». - URL: <https://www.turkmenistan.ru/ru/articles/35009.html> (дата обращения: 15.08.2024).

221 Обзор торговой политики Республики Казахстан за 2009 год. - URL: <https://cis.minsk.by/reestr2/doc/2917#text> (дата обращения: 16.08.2024).

222 Мнение казахстанцев о двух сессиях: Китай и Центральная Азия разделяют новые возможности. - URL: <https://russian.cgtn.com/news/2024-03-05/1764930632224493569/index.html> (дата обращения: 27.08.2024).

223 Казахстан и Китай стоят у истоков великих достижений. - <https://kazpravda.kz/n/kazahstan-i-kitay-stoyat-u-istokov-velikih-dostizheniy/> (дата обращения: 27.08.2024).

224 Таджикистан и Китай создают новые совместные предприятия по разработке месторождений золота // Информационно-аналитический центр «Минерал». - URL: <http://www.mineral.ru/News/20700.html> (дата обращения: 21.03.2022).

225 Корсун В. Дипломатия КНР в борьбе за «постсоветское наследство» в Центральной Азии // Северо-Восточная и Центральная Азия: динамика международных и межрегиональных взаимодействий: учеб. пособие / под ред. А. Д. Воскресенского. - М.: МГУ; РОССПЭН, 2004. - С. 402-425.

226 Казахстан и Китай: вечное стратегическое партнерство., 15 декабря 2021. - URL: <https://kazpravda.kz/n/kazahstan-i-kitay-vechnoe-strategicheskoe-partnerstvo/> (дата обращения: 21.03.2022).

227 На имя Президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева поступило поздравительное письмо Председателя КНР Си Цзиньпина, 3 января 2022. - URL: <https://www.akorda.kz/ru/na-imya-prezidenta-kazahstana-kasym-zhomarta-tokaeva-postupilo-pozdravitelnoe-pismo-predsdatelya-kr-si-czinpina-302043> (дата обращения: 23.03.2022).

228 Взаимная торговля между Казахстаном и Китаем выросла на 4 %. – URL: <https://www.zakon.kz/redaksiia-zakonkz/5073760-tovarooborot-mezhdu-kazahstanom-i.html> (дата обращения: 27.03.2022).

229 Обзор: Китай и страны Центральной Азии прилагают усилия по созданию сообщества единой судьбы. - URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0514/c311521-9849834.html> – 14.05.2021. (дата обращения: 27.03.2022).

230 Казахстанско-китайское сотрудничество в области энергетики обсудили в Астане. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/energo/press/news/details/892594?lang=ru> (дата обращения: 29.03.2022).

231 Oil and Gas Industry of Turkmenistan // RPI, 2009. - p.58. - URL: http://www.petrofinder.com/pdf/oil_gas_Turkmenistan_contents.pdf

232 Туркменистан занимает первое место по поставкам трубопроводного газа в Китай // <https://turkmenportal.com/blog/55913/turkmenistan-zanimaet-pervoe-mesto-po-postavkam-truboprovodnogo-gaza-v-kitai>; 中国石油在土库曼斯坦 [CNPC в Туркменистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – URL: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml.

233 Ibrahimov R. Energy and Power Politics in the Cases of Azerbaijan and Turkmenistan. Perceptions, 22:2, 2017.

234 Савкович Е.В. Торгово-экономическое сотрудничество КНР с Республикой Туркменистан (1992-2010 гг.) // Вестник Томского гос. ун-та, 2010. - № 344.

235 Turkmenistan Business Law Handbook: Strategic Information and Laws (World Business and Investment Library), December 19, 2015. - IBP USA. - 298 p.

236 Калашников Д.Б. Китайская помощь развитию: официальные и истинные цели. – URL: <https://mirec.mgimo.ru/2021/2021-04/chinese-development-assistanceofficial-true-goals> (дата обращения: 24.09.2023).

237 Mariani, Bernardo. China's role and interests in Central Asia. - URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/172938/chinas-role-and-interests-in-central-asia.pdf>

238 Мирное развитие Китая. - URL: http://by.china-embassy.gov.cn/rus/zt/zfbps/201110/t20111019_2413624.htm (дата обращения: 24.09.2023).

239 孙玲.浅谈中国能源外交 // 中国西部科技, 2006, (06):91 (Сунь Лин. Краткий разговор об энергетической дипломатии Китая//Западный Китай Наука и технологии. – 2006. - № 06. С. 91 (Sun Ling. On China's Energy Diplomacy // Western China Science and Technology, 2009, (06):91).

240 2004年6月8日外交部发言人刘建超在例行记者会上答记者问 // 中华人民共和国国务院新闻办公室 [Ответы представителя МИД КНР Лю Цзяньчао на вопросы корреспондентов на пресс-конференции 8 июня 2004 года // Информационное бюро Госсовета КНР]. - URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/gbwxfbh/xwfbh/wjb/Document/312418/312418.htm> (дата обращения: 05.04.2018).

241 李鹏.中国与中亚国家能源合作 问题研究—基于合作意愿差异化视角的分析[J].经济问题探索, 2017(2):128-135. [Ли Пэн. Исследование энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии - Анализ, основанный на сотрудничестве, готов к дифференциации // Исследование экономических вопросов, 2017 (2): 128-135.].

242 Turkmenistan: Economy Indicators. // Asian Development Bank, 2015. - URL: <http://www.adb.org/countries/turkmenistan/economy>.

243 Olcott, Martha Brill. Turkmenistan: Real Energy Giant or Eternal Potential? Texas US: The James A. Baker III Institute for Public Policy of Rice University, Houston, 2013.

244 Zhang Yunling, Zhou Fangyin. Chapter One: China's Relations with Its Neighbors after Reform and Opening up // Transformation of Foreign Affairs and International Relations in China, 1978–2008 / Brill. - 2011. - URL: https://brill.com/display/book/edcoll/9789004196162/Bej.9789004188143.i-487_003.xml (дата обращения: 15.09.2017).

245 “睦邻、安邻、富邻” (温家宝) // 中国新闻网, 2005/12/12 [«Доброе, безопасное, богатое соседство» (Вэнь Цзябао) // сайт китайских новостей]. - URL: <http://www.chinanews.com.cn/news/2005/2005-12-12/8/663992.shtml> (дата обращения: 09.06.2019).

246 Hancock, Kathleen J. Escaping Russia, Looking to China: Turkmenistan Pins Hopes on China's Thirst for Natural Gas // China and Eurasia Forum. – 2006. - Quarterly 4 no. 3.

247 Turkmenistan's Crude Awakening Oil, Gas and Environment in the South Caspian // Crude Accountability, January 2009. - URL: <http://crudeaccountability.org/wp-content/uploads/2012/10/20090116-ReportTurkmenistansCrudeAwakening.pdf>

248 China National Petroleum Corporation. - URL: <http://www.cnpc.com.cn/en/>; International Crisis Group. «China's Central Asia Problem». // Asia Report 244 (Brussels: International Crisis Group, 2013).

249 王海燕.土库曼斯坦天然气多元化出口战略(1991-2015):一项实证主义分析[J].俄罗斯研究, 2015(5):75-96. [Ван Хайян. Стратегия Туркменистана по диверсифицированным экспортным стратегиям природного газа (1991-2015): эмпирический анализ // Российское исследование, 2015 (5). - С. 75-96.].

250 Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. China and Turkmenistan. - URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/gjhdq_665435/2675_665437/3245_664372/

251 中国石油在土库曼斯坦 [CNPC в Туркменистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. - URL: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml.

252 王波,李扬.论“丝绸之路经济带”倡议下中国与中亚地区能源合作制度建设的大国因素[J].东北亚论坛, 2018(6):105-124. [Ван Бо, Ли Ян. О великом факторе институционального строительства энергетического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» // Форум Северо-Восточной Азии, 2018 (6): 105-124.].

253 中国同土库曼斯坦的关系 [Китайско-туркменские отношения] - 01.2023. - URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676980/sbgx_676984/ (дата обращения: 23.02.2023).

254 Китай и Туркмения повысили уровень отношений до всеобъемлющего стратегического партнерства, 6 января 2023. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/16747895> (дата обращения: 12.07.2023).

255 Milestone Year for Turkmen Gas Export to China? // Natural Gas Europe, February 10, 2015. - URL: <http://www.naturalgaseurope.com/milestone-year-in-turkmen-gas-export-to-china>. (дата обращения: 12.07.2023).

256 Dragon Oil raises Q1 output from Turkmenistan Fields // Reuters, April 16, 2015. - URL: <http://gca.satrapia.com/+dragon-oil-raises-first-quarter-output-from-turkmenistan-fields+#:~:text=It%20said%20today%20that%20average,the%20same%20time%20last%20year>. (дата обращения: 15.07.2023).

257 Stefan Hedlund, 'Turkmenistan Comes into Focus,' Geopolitical Intelligence Services, 25 March 2019. - URL: <https://thepeoplesmap.net/project/central-asia-china-gas-pipeline-line-a-line-b-and-line-c/> (дата обращения: 15.07.2023).

258 Переговоры между Президентом Туркменистана Сердаром Бердымухамедовым и Председателем КНР Си Цзиньпином., 6 января 2023. - URL: <https://russia.tmembassy.gov.tm/news/108586> (дата обращения: 17.07.2023).

- 259 中国同土库曼斯坦的关系 [Китайско-туркменские отношения] - 01.2023. - URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/yz_676205/1206_676980/sbgx_676984/ (дата обращения: 23.02.2023).
- 260 Vavilov A., Trofimov G. The Struggle for Pipelines: Gazprom's Attempts at Strategic Expansion in the 'Near Abroad' // The Centre for Research on International Financial and Energy Security, PENN State, 2013. – URL: http://crifes.psu.edu/papers/workingpaper_struggleforpipelines0913.Pdf
- 261 Eurasian Security. – URL: <https://www.eurasiansecurity.com/energy-geopolitics/turkmenistan-pipeline-completing-east-west/>
- 262 Летопись 2019 года: нефтегазовый комплекс Туркменистана. – URL: <https://oilgas.gov.tm/ru/posts/news/245/letopis-2019-goda-neftegazovyy-kompleks-turkmenistana> (дата обращения: 16.04.2021).
- 263 The 2019 Resource Governance Index. // Revenue Watch Institute. – URL: http://www.resourcegovernance.org/sites/default/files/country_pdfs/turkmenistanRGI2013.pdf.
- 264 «Galkynysh Gas Field, Turkmenistan». Hydrocarbons Technology Market and Customer Insight, 2015. – URL: <http://www.hydrocarbons-technology.com/projects/galkynysh-gas-field-turkmenistan/>. (дата обращения: 16.04.2018).
- 265 Petersen, Alexandros. Central Asia's New Energy Giant: China // China in Central Asia. – 2013. – URL: <http://chinaincentralasia.com/2013/06/29/central-asiasnew-energy-giant-china/> (дата обращения: 19.04.2018).
- 266 China Reach New Energy Deals (Rejepova, Tavus). // The Central Asia-Caucasus. Monthly analysis reports 2013. – 2017. – URL: <http://www.cacianalyst.org/publications/field-reports/item/12834-turkmenistan-china-reach-new-energy-deals.html> (дата обращения: 19.04.2018).
- 267 Туркменский транзит власти и нефтегаз // <https://nangs.org/news/world/turkmenskij-tranzit-vlasti-i-neftegaz/>; 中国石油在土库曼斯坦 [CNPC в Туркменистане] / CNPC在全球 [CNPC в мире] // Официальный сайт компании CNPC. – URL: http://www.cnpc.com.cn/cnpc/Turkmenistan/country_index.shtml.
- 268 Туркменистан занимает первое место по поставкам трубопроводного газа в Китай. – URL: <https://turkmenportal.com/blog/55913/turkmenistan-zanimaet-pervoe-mesto-po-postavkam-truboprovodnogo-gaza-v-kitai> (дата обращения: 12.02.2023).
- 269 Xuanli Liao. Central Asia and China's Energy Security// The China and Eurasia Forum Quarterly. - Volume 4, No. 4.
- 270 张帅. “丝绸之路经济带”背景下中国对哈萨克斯坦投资存在的问题及应对策略[J].对外经贸实务, 2018(11):73-76 [Чжан Шуай. Проблемы и стратегии реагирования Китая на инвестиции в Казахстан в контексте «Экономического пояса Шелкового пути» // Внешнеэкономические и торговые практики, 2018 (11): 73-76.].
- 271 Conflict and Coexistence in the Extractive Industries. Chatham House Report, November 2013/ Stevens, Paul et. al. – URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/field/field_document/chr_coc1113exec.pdf

272 Bindemann, Kirsten. Production-Sharing Agreements: An Economic Analysis // WPM. No. 25, Oxford Institute for Energy Studies, October 1999. – URL: <http://www.oxfordenergy.org/wpcms/wp-content/uploads/2010/11/WPM25-ProductionSharingAgreementsAnEconomicAnalysis-KBindemann-1999.pdf>.

273 Закон Туркменистана Об энергосбережении и энергоэффективности. – URL: <https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/82397/zakon-turkmenistana-ob-energoberezhenii-i-energoeffektivnosti> (дата обращения: 10.08.2024).

274 Принят закон об энергосбережении и повышении энергоэффективности. – URL: <https://oilgas.gov.tm/ru/posts/news/10448/prinyat-zakon-ob-energoberezhenii-i-povyshenii-energoeffektivnosti> (дата обращения: 10.08.2024).

275 孙玲. 浅谈中国能源外交 // 中国西部科技, 2006, (06): 91 [Сунь Лин. Краткий разговор об энергетической дипломатии Китая // Западный Китай Наука и технологии. – 2006. - № 06.]

276 2018年中国原油进口来源及数量 // 载《当代石油石化》2019年第4期第53页 [Источники и количество импорта сырой нефти в Китай в 2018 году // Современная нефть и нефтехимия. – 2019. - № 04.]

277 韩丽华. 能源博弈大战. 北京: 新世界出版社, 2008 [Хан Лихуа. Энергетическая игровая война // Пекин: Издательская компания «Новый мир». – 2008.]

278 徐博. 威廉·瑞辛格. 国际关系角色理论视角下俄罗斯对中国能源外交决策探析 // 东北亚论坛, 2019. - № 4. - С. 98-111. [Сюй Бо. Уильям Райзингер. Анализ энергетической дипломатии России с Китаем с точки зрения ролевой теории международных отношений // Форум Северо-Восточной Азии. – 2019. - № 04. С. 98-111.]

279 靳玉佩. 当代中国能源外交的现状与前景分析 // 山东行政学院学报, 2012/05: 22-25 [Цзинь Юпей. Анализ статус-кво и перспективы энергетической дипломатии современного Китая // Журнал Ин-та администрации Шаньдуна. – 2012. - № 05. С. 22-25].

280 Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев Университете // Газета «Жэньминь жибао» онлайн. 7 сентября, 2013. - URL: <http://russian.people.com.cn/95197/8392674.html> (дата обращения: 10.02.2019).

281 Ввод ветровых и солнечных электростанций в Китае достиг нового максимума. – URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2024/08/02/vvod-vetrovyh-i-solnechnyh-jelektrostantsij-v-kitae-dostig-novogo-maksimuma/> (дата обращения: 10.08.2024).

282 Китай остается мировым лидером по внедрению технологий «чистой» угольной генерации. – URL: <https://globalenergyprize.org/ru/2024/03/29/kitaj-ostaetsja-mirovym-liderom-po-vnedreniju-tehnologij-chistoj-ugolnoj-generacii/> (дата обращения: 15.07.2024).

283 Zheng Bijian. China's «Peaceful Rise» to Great-Power Status. // Foreign Affairs. October, 2005. - №4. - С. 18-24.

284 Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Издано с санкции Госсовета КНР. Пекин: Март, 2015. Издательство литературы на

иностранных языках. - URL: <https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 12.04.2019).

285 Ван Шучунь, Вань Цинсун. Проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и ЕАЭС: конкуренты или партнеры? // Центральная Азия и Кавказ, 2014. - Т. 7., №3. - С. 7–17.

286 Лукьянов Ф.А. Евразийская интеграция не по-нашему // Российская газета, 20 ноября 2013. - № 6237.

287 Сазонов С.Л., Чэнь Сяо. Строительство инфраструктуры «пояса и пути» как основная модель национального экономического и внешнеэкономического развития Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / отв. ред.сост. В.А. Матвеев. — М. : ИДВ РАН, 2017. — 192 с.

288 Фу Ин рассказала о проблеме миропорядка на Мюнхенской конференции по безопасности // Агентство Синьхуа. 14 февраля, 2016. - URL: http://russian.news.cn/2016-02/14/c_135096840.htm (дата обращения: 04.01.2019).

289 Лузянин С.Г. ШОС, китайский проект «Шелковый путь» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия / сопряжения в Евразии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXI : ежегодное издание / сост., отв. Ред. Е.И. Сафронова. - М.: ИДВ РАН, 2016. – 320 с.

290 Кириллов А., Селищев А. Посол РФ в КНР: сотрудничество России и Китая стало более системным // ТАСС. 8 февраля, 2016. - URL: <http://tass.ru/politika/2647816> (дата обращения: 15.04.2019).

291 Нака К. Политолог: АБИИ будет инвестировать в идею Китая о новом Шёлковом пути // РИА Новости. 20 января, 2016. - URL: <http://ria.ru/economy/20160120/1362473268.html> (дата обращения: 11.01.2019).

292 Witthoef A. Is China's Silk Road Coming to Europe? Not So Fast // The Diplomat. January 29, 2016. - URL: <http://thediplomat.com/2016/01/is-chinas-silk-road-coming-toeurope-not-so-fast/> (дата обращения: 18.04.2019).

293 Thomas P. Cavanna. What Does China's Belt and Road Initiative Mean for US Grand Strategy? // The Diplomat. June 05, 2018. - URL: <https://thediplomat.com/2018/06/what-does-chinas-belt-and-road-initiative-mean-for-us-grand-strategy/> (дата обращения: 20.06.2019).

294 Alek Chance. American Perspectives on the Belt and Road Initiative. Sources of Concern, Possibilities for US-China Cooperation // Institute for China-America Studies. Nov. 2016. - URL: <https://chinaus-icas.org/wp-content/uploads/2017/02/AmericanPerspectives-on-the-Belt-and-Road-Initiative.pdf> (дата обращения: 21.06.2019).

295 Сыроежкин К. Концепция формирования «Экономического пояса на Шёлковом пути»: проблемы и перспективы // Казахстан в глобальных процессах. -2014. - № 1 (39). - С. 54–64.

296 Кошанов А. «Единый пояс Шелкового пути» и перспективы формирования объединенного Евразийского экономического сообщества // Общество и экономика, 2016. - № 4. - С. 5-16.

297 Глава государства принял участие в церемонии запуска строительства логистического центра Казахстана в сухом порту города Сиань. – URL:

<https://www.akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-prinyal-uchastie-v-ceremonii-zapuskastroitelstva-logisticheskogo-centra-kazahstana-v-suhom-portu-goroda-sian-1845539> (дата обращения: 12.08.2024).

298 British Petroleum (BP). 2018. BP Statistical Review of World Energy 2018. - URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf>

299 OEC. 2020. Kazakhstan, Observatory of Economic Complexity. - URL: <https://oec.world/en/profile/country/kaz>

300 Buldybayeva G. Both Sides of CSR Practice: A Case from Oil and Gas Industry in Kazakhstan. // Acta Polytechnica Hungarica. - 2014. - Vol.11., No. 2. - URL: https://acta.uni-obuda.hu/Buldybayeva_48.pdf

301 Observatory of Economic Complexity (OEC). 2020. Turkmenistan, Observatory of Economic Complexity (OEC). - URL: <https://oec.world/en/profile/country/tkm?depthSelector1=HS6Depth>

302 Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (Тегеран, 4 ноября 2003 года). - URL: <https://tehranconvention.org/ru/tc/text-convention>

303 Протокол о региональной готовности, реагировании и сотрудничестве в случае инцидентов, вызывающих загрязнение нефтью к рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, 12 августа 2011 года. - URL: https://tehranconvention.org/system/files/tc-interim-secretariat/aktau_protocol_ru.pdf

304 Протокол по защите Каспийского моря от загрязнения из наземных источников и в результате осуществляемой на суше деятельности («Московский протокол»), 12 декабря 2012 года. - URL: <https://tehranconvention.org/ru/tc/protocols>

305 Chow, Edward C. Russian Pipelines Back to the Future? // Georgetown Journal of International Affairs 5 no. 1 (Winter/Spring 2004).

306 Морская доктрина Российской Федерации. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/uAFi5nvux2twajftS5yrlZUVTJan77L.pdf>

307 Как казахстанский экспорт нефти оказался в одной корзине. – URL: https://forbes.kz/articles/prinujdenie_kalternative_1667747133

308 Лавров С.: Россия заинтересована в участии в строительстве газопровода ТАПИ. - URL: <https://neftegaz.ru/news/partnership/689508-s-lavrov-rossiya-zainteresovana-v-uchastii-v-stroitelstve-gazoprovoda-tapi/> (дата обращения: 03.07.2024).

309 The National Security Strategy of the United States of America. Washington, D.S., October 2022. – URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf>

310 The State Department outlined Washington's positions on Afghanistan and the Trans-Caspian gas pipeline. – URL: <https://orient.tm/en/post/41508/state-department-outlined-washingtons-positions-afghanistan-and-trans-caspian-gas-pipeline> (дата обращения: 17.11.2023).

311 BP Energy Outlook, 2019 Edition. – URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/energy-outlook/bp-energy-outlook-2019.pdf>

312 Storey, Ian. China's Malacca Dilemma // China Brief. - 12 April, 2006. - Volume: 6, Issue: 8. – URL: <https://jamestown.org/program/chinas-malacca-dilemma/>

313 Ninth Five-Year Plan in Retrospect. – URL: <http://www.china.org.cn/95e/95-english1/2.htm> (дата обращения: 03.07.2024).

314 Suisheng Zhao. China's Global Search for Energy Security: Cooperation and competition in Asia- Pacific // Journal of Contemporary China 17. – 2008. - №55. – Pp. 213-217.

315 Philipp Galkin & Dongmei Chen & Junyuang Ke. China's Energy Investment Through the Lens of the Belt and Road Initiative // Discussion Papers ks. – URL: <https://ideas.repec.org/p/prc/dpaper/ks--2019-dp83.html> (дата обращения: 05.07.2023).

316 Инициатива «Пояс и путь» ведет к совместному развитию и разделению выгоды Комментарий. – URL: http://russian.news.cn/2019-04/26/c_138012990.htm (дата обращения: 02.09.2022).

317 Товарооборот между Казахстаном, Китаем и странами Центральной Азии вырос на треть. – URL: <https://kapital.kz/economic/114952/tovarooborot-mezhdu-kazakhstanom-kitayem-i-stranami-tsentral-noy-azii-vyros-na-tret.html> (дата обращения: 03.07.2024).

318 Bobo Lo. Short-term policy brief 54 // China's Energy Policy towards Central Asia, ECRAN, 2010. - p.4.

319 Амребаев А. О координации усилий стран Центральной Азии на китайском направлении внешней политики: общие риски и возможности // Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри. Алматы: Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК, 2020. - С. 107-108.

320 Цинь Ган председательствовал на 4-й встрече министров иностранных дел в формате «Китай - Центральная Азия». – URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/202304/t20230428_11068530.html (дата обращения: 15.07.2024).

321 Си Цзиньпин возглавил первый Саммит «Китай-Центральная Азия» и выступил с программной речью. – URL: <https://russian.news.cn/20230520/2561030bbd5a49c7b8c79e3b4c67bd4c/c.html> (дата обращения: 15.07.2024).

322 Алексеенко С.В. Нетрадиционная энергетика и энергоресурсбережения // Инновации. Технология. Решения. - 2006. - №3. – С. 38-41.

323 Беляков П.Ю. Современное состояние мирового производства электроэнергии на базе возобновляемых источников. - URL: <http://www.enegosovet.ru/stat399.html>. (дата обращения: 06.01.2021).

324 Харитонов В. Большая зеленая надежда. Итоги и перспективы альтернативной энергетики. - URL: <http://www.enegosovet.ru/stat399.html>. (дата обращения: 06.01.2021).

325 Иванов А.С., Матвеев И.Е. Глобальная энергетика на рубеже 2016 г.: борьба за ресурсы, обострение конкуренции // Российский внешнеэкономический вестник. - 2016. Январь. - URL: [http://www.rfej.ru/rvv/id/b004495b4/\\$file/16-41.pdf](http://www.rfej.ru/rvv/id/b004495b4/$file/16-41.pdf) (дата обращения: 10.01.2021).

326 Dong Suocheng, Li Zehong, Li Yu, Shi Guangyi, Yu Huilu, Wang Juanle, Li Jun, Mao Qiliang Huang Yongbin. Resources, Environment and Economic Patterns and

Sustainable Development Modes of the Silk Road Economic Belt. Journal of Resources and Ecology, 2015, 6(2), pp. 65-72. - URL: <https://bioone.org/journals/journal-of-resources-and-ecology/volume-6/issue-2/j.issn.1674-764x.2015.02.001/Resources-Environment-and-Economic-Patterns-and-Sustainable-Development-Modes-of/10.5814/j.issn.1674-764x.2015.02.001.short> (дата обращения: 10.01.2021).

327 Порфирьев Б. «Зеленые» тенденции в мировой финансовой системе. Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 6. – С. 5-16.

328 Глазырина И.П., Симонов Е.А. «Экологическая цивилизация» Китая: новые вызовы или новые перспективы для России // ЭКО, 2015. – №7. – С. 52-72.

329 Михеев В., Луконин С. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015–2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 9. – С. 24-34.

330 Zhiquan Zhu China's AIIB and OBOR: Ambitions and Challenges. The Diplomat, 09.10.2015. - URL: <http://thediplomat.com/2015/10/chinas-aiibandoborambitionsandchallenges> (дата обращения: 10.01.2021).

331 Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва. Россия и АТР. – 2014. – №3(85). – С. 5-21.

332 Мкртчян Г.М., Тагаева Т.О. Экологическая политика: на пути к устойчивому развитию. – ЭКО, 2012. – №7. – С. 119-135.

333 China's Ecological Compensation Policy. - URL: <https://www.cbd.int/financial/2017docs/china-ecocompensation-ndrc.pdf> (дата обращения: 04.02.2021).

334 G20 Green Finance Syntesis Report. - URL: <http://unepinquiry.org/g20greenfinancerepositoryeng> (дата обращения: 04.02.2021).

335 Civil Society Call for China-led Development Bank to Foster Green Growth. Chinadialog, 30.04.2015. - URL: <https://www.chinadialogue.net/blog/7878-Civil-society-call-for-China-led-development-bank-to-foster-green-growth/en> (дата обращения: 06.02.2021).

336 Clean Energy Investment. End of Year 2016. - URL: <https://about.bnef.com/clean-energy-investment> (дата обращения: 06.02.2021).

337 Sustainable Infrastructure Guidelines for Overseas Chinese Enterprises. - URL: <http://www.chinca.org/cms/html/files/201611/11/20161111164504598769496.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).

338 AIIB Energy Sector Strategy: Sustainable Energy for Asia. - URL: <https://www.aiib.org/en/policies-strategies/strategies/.content/index/Energy-Strategy-Discussion-Draft.pdf> (дата обращения: 09.02.2021).

339 Civil Society Submissions on AIIB Energy Sector Strategy. November 16, 2016. - URL: <http://www.bankinformationcenter.org/civil-society-submissions-on-aiib-energy-policy> (дата обращения: 11.02.2021).

340 Инициатива «Один пояс – один путь» – новая платформа для расширения российско-китайского сотрудничества в транспортной сфере // РИСИ. - URL: <https://riss.ru/images/pdf/journal/2017/6/04.pdf> (дата обращения: 11.02.2021).

341 SCO. Charter of the Shanghai Cooperation Organization. - URL: <http://eng.sectsco.org/documents/> (дата обращения: 15.03.2022)

342 Gubaidullina M. L'Impact de l'Organisation de coopération de Shanghai. Des bilateralismes à la multilatéralisation des relations diplomatiques parmi ses pays-membres et ses pays-observateurs // L'Organisation de Coopération de Shanghai et la construction de «la nouvelle Asie», Pierre Shabal, dir. (2 chapters in monograph: P.I.E. Peter Lang. Brussels, 2016. - P. 405-432.

343 Schafer, Robert. Partnership Instead of Alliance: The Shanghai Cooperation Organization as a Mechanism for China's Growing Influence in Central Asia. - URL: http://smallwarsjournal.com/jrnl/art/partnership-instead-of-alliance-the-shanghai-cooperation-organization-as-a-mechanism-for-ch#_edn10

344 Pan Guang. «A new diplomatic model»: a Chinese perspective on the Shanghai Cooperation Organization // Washington Journal of Modern China. – 2008-2009. - № 9 (1).

345 Gubaidullina M., Yelibayeva A., Liu Qi. The SCO space in a geopolitical configuration of Eurasia: rapprochement and contradictions of energy interests (the case of China) // International Relations and International Law Journal. - 2020. - №1(89). - Pp. 4-15 (<https://doi.org/10.26577/IRILJ.2020.v89.i1.01>).

346 Press releases of the Chinese Embassy in the Republic of Kazakhstan (2013) China-embassy in Kazakhstan, September 13. - URL: <http://kz.china-embassy.gov.cn/>

347 The SCO Development Strategy until 2025, Ufa, 10 July. Retrieved from: <http://www.sco-russia.ru/load/1013640805/pdf>. // Документы ШОС. - URL: <http://rus.sectsc.org/documents/>

348 Horak, Slavomír. Turkmenistan is shifting energy geopolitics in 2009-2011: European perspectives // Problems of post-communism. - 2012 (March –April). - Pp.18-28.

349 Президент Туркменистана прибыл в Самарканд, 15.09.2022 // Официальный сайт Президента Республики Узбекистан. – URL: <https://president.uz/ru/lists/view/5514>

350 Zhe, Gong. Analysis: Bright chances for energy cooperation at SCO Summit. Energy. 2018, 06.09, CGTN. Beijing (China News Service/CNS). - URL: https://news.cgtn.com/news/3d3d414d3245444d78457a6333566d54/share_p.html

351 РИА-Новости. Russia initiates SCO energy club, 21 June 2006. – URL: <http://en.rian.ru/analysis/20060621/49855458.html> (дата обращения: 11.02.2021).

352 «Сианьская инициатива»: начало энергетического клуба ШОС // газета «Жэньминь Жибао». - 2011, 28 сентября. – URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7606345.html> (дата обращения: 11.02.2021).

353 Выступление Председателя Правительства Российской Федерации Дмитрия Медведева на расширенном заседании Совета глав правительств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. Заседание Совета глав правительств ШОС/Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), 15 декабря 2014. – URL: https://rspp.ru/events/news/zasedanie-soveta-glav-pravitelstv-shos--25263/?sphrase_id=233709 (дата обращения: 13.02.2021).

354 Энергетический клуб ШОС готов стать дееспособной структурой (руководитель секретариата российской национальной части клуба В.Калужный) // Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП), 26 ноября 2014. – URL: https://rspp.ru/events/news/energeticheskiy-klub-shos-gotov-stat-deesposobnoy-strukturoy--25145/?sphrase_id=233709 (дата обращения: 13.02.2021).

355 Turkey to chair presidency of 2017 SCO Energy Club, By Dilara Zengin // Daily Sabah, Istanbul, 23.11.2016. - URL: <https://www.dailysabah.com/energy/2016/11/23/turkey-to-chair-2017-energy-club-of-shanghai-cooperation-organization> (дата обращения: 20.02.2021).

356 Depeyrot, Georges. The Shanghai Cooperation Organization: An Historical Perspective. – 2015. Sept. 17. – URL: <https://www.e-ir.info/pdf/58477>; <https://www.e-ir.info/2015/09/17/the-shanghai-cooperation-organization-an-historical-perspective/> (дата обращения: 20.02.2021).

357 Шевелева М.В. Энергетический клуб Шанхайской организации сотрудничества и формирование стратегии многостороннего сотрудничества в сфере энергетики // Актуальные проблемы МО. – 2014. – С.168 – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108342/1/sheveleva_2014_Actual_probl_IR_V2.pdf

358 Печищева Л., Мехтиева С. 20 лет ШОС: трансформация в глобальном и региональном измерении, 20 сентября 2021. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/rsuh/20-let-shos-transformatsiya-v-globalnom-i-regionalnom-izmerenii/> (дата обращения: 12.01.2022).

359 Власов А. Энергетический Клуб ШОС. Астана между Москвой и Пекином. Доклад, VI Всероссийский энергетический форум «ТЭК России в XXI веке» // ИАЦ: – 2 апреля 2008 г. – С.170 22. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/energeticheskiy-klub-shos-astana-mezhdu-moskvoy-i-pekinom/> (дата обращения: 04.02.2022).

360 Положение об Энергетическом клубе государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // SCO INFO. SCO Energy Club: structure ready for international interaction, not Shanghai Six's elite club. – URL: <http://infoshos.ru/en/?idn=13913>

361 Азиатская энергетическая стратегия. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30146673

362 Казахстанская инициатива Азиатской энергетической стратегии не противоречит идее Энергетического клуба ШОС - Генсек «Шанхайской шестерки» Болат Нургалиев // КАЗИНФОРМ, 2007. - 4 декабря. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30146673&pos=5;-49#pos=5;-49 (дата обращения: 17.03.2020).

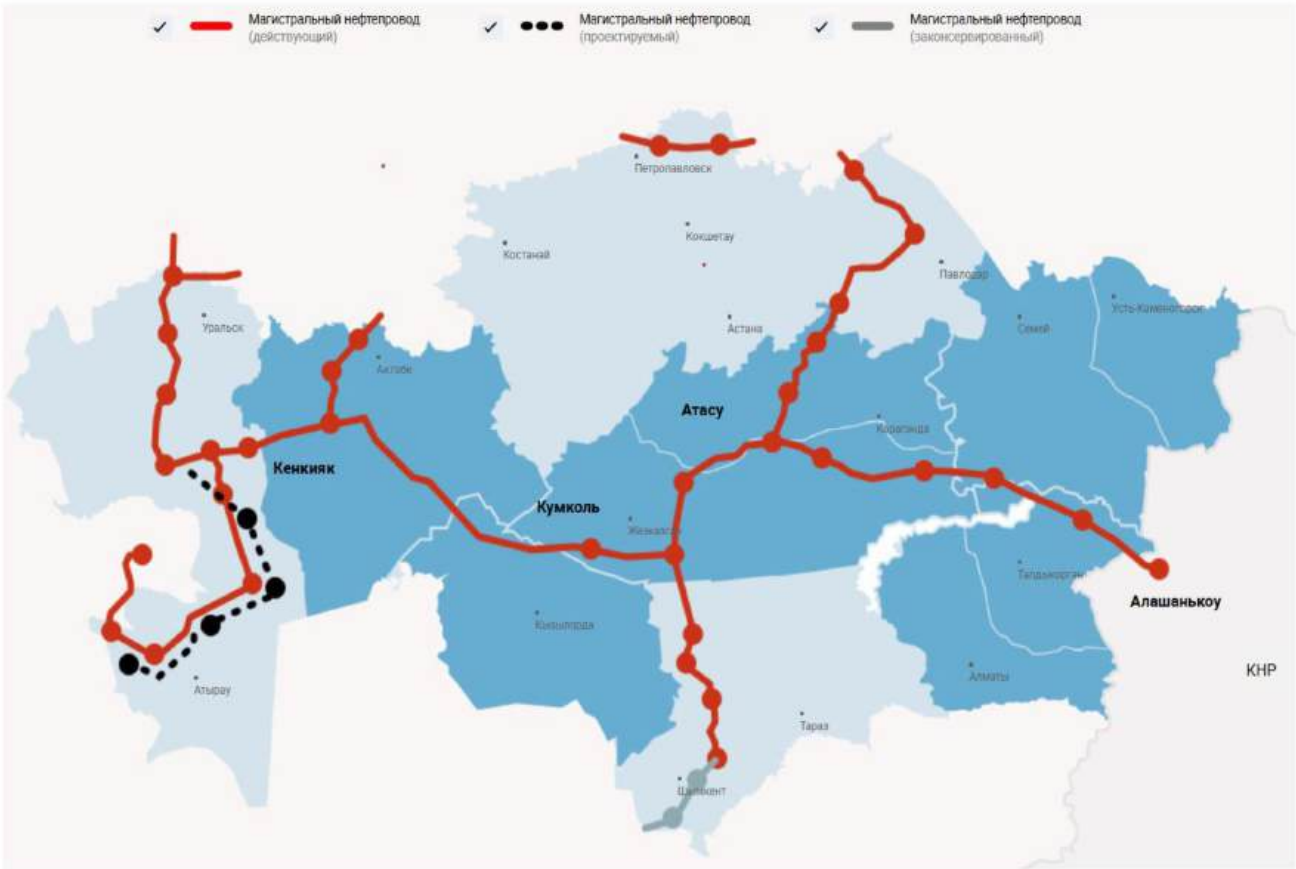
363 Чжан Мин на Втором Совещании министров энергетики государств-членов ШОС. - Ташкент, 24 июня 2022 г. – URL: <http://rus.sectsco.org/news/20220624/844505.html> (дата обращения: 22.10.2023).

364 Энергетический клуб ШОС в меняющемся глобальном энергетическом порядке. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/energeticheskiy-klub-shos/> (дата обращения: 12.07.2023).

365 Совещание министров энергетики государств-членов ШОС. – URL: <https://rus.sectsco.org/20240623/1401452.html> (дата обращения: 12.07.2023).

366 Астанинская декларация Совета Глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества. – URL: <https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html> (дата обращения: 13.09.2024).

Единая карта нефтепроводов РК [34]

Магистральный газопровод Туркменистан – Китай (Центральная Азия-Китай) [220]

